

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

*Посвящается 20-летию кафедры этнопсихологии
и психологических проблем поликультурного образования*

ЭТНОПСИХОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Материалы
Международной научно-практической конференции

16 – 17 ноября 2023 г.

Москва, МГППУ

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

*Посвящается 20-летию
кафедры этнопсихологии
и психологических проблем
поликультурного образования*

ЭТНОПСИХОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

**Материалы
Международной научно-практической
конференции**

16-17 ноября 2023 г.

Москва, МГППУ

УДК 316.6
ББК 88.5
Э91

Рецензент:

Бучек А.А., доктор психологических наук, руководитель
Федерального методического центра ФГАОУ ДПО
«Академия Минпросвещения России»

Э91 Этнопсихология: теория и практика. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО МГППУ (16–17 ноября 2023 г.) / Отв. ред. В.В. Гриценко, О.С. Павлова. – Москва : ФГБОУ ВО МГППУ, 2023. – 187 с.

ISBN 978-5-94051-301-8

Представленные доклады и сообщения стали предметом обсуждения на Международной научно-практической конференции «Этнопсихология: теория и практика», прошедшей 16–17 ноября 2023 года в Московском государственном психолого-педагогическом университете. В сборник вошли статьи ученых из России и зарубежных стран: Армении, Беларуси, Молдовы, в которых отражены результаты теоретических и эмпирических исследований этнического самосознания и этнической идентичности, ценностей культуры и их влияния на личность и межэтническое взаимодействие, психологии миграции и аккультурации, психологических проблем поликультурного образования и мн. др. актуальных проблем этнической психологии.

Сборник представляет интерес для психологов, педагогов, этнологов, антропологов, социологов и всех, кто интересуется решением задач оптимизации и повышения эффективности межэтнического и межкультурного взаимодействия.

Авторская позиция и стилистические особенности публикаций сохранены

УДК 316.6
ББК 88.5

ISBN 978-5-94051-301-8

© ФГБОУ ВО МГППУ, 2023

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
<i>Александрова Е.А.</i> Антропологическое мышление как основа успешной межкультурной коммуникации	8
<i>Александрова Е.А.</i> История и теория антропологических учений в работах Андрея Александровича Белика.....	10
<i>Алишев Б.С.</i> Этнические аспекты толерантности к новизне у студентов	12
<i>Ананьева К.И., Басюл И.А., Демидов А.А.</i> ИмPLICITНЫЕ стереотипы отношения тувинцев-эрзинцев к представителям разных рас	13
<i>Арестова О.Н.</i> Культурная специфика формирования сюжета при запоминании визуального материала	15
<i>Балашова А.А.</i> Феномен субкультуры в современном социуме	18
<i>Балыков В.В.</i> Психологические особенности арабских студентов в контексте образования: мотивация, стиль обучения и культурный контекст	19
<i>Басимов М.М.</i> Личностная типология как причина развития суждений о национальном преимуществе	22
<i>Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Ермаков А.М., Галимханов А.Б., Емельянов А.В., Зинурова Р.И., Калинин О.В., Рымаренко Н.В., Симаков Н.Ю., Сподина В.И., Феденок Ю.Н.</i> Динамика агрессивного и тревожного поведения во время трех волн пандемии COVID-19 в России.....	25
<i>Бутовская М.Л., Дронова Д.А.</i> Черты личности и установки на оказание помощи (на примере трех африканских этнических групп)	27
<i>Гавронова Ю.Д.</i> Культура и язык: роль переводчика в межкультурном взаимодействии	29
<i>Гаджимурадова З.М.</i> Кубачинцы: этническое самосознание и этнические стереотипы	31
<i>Гуриева С.Д., Афанасьева Ю.А.</i> Связь копинг-поведения с этнической принадлежностью и регионом проживания.....	34
<i>Дагбаева С.Б., Сараева Н.М., Суханов А.А.</i> Кросскультурный анализ жизнеспособности бурятской и русской молодежи.....	36
<i>Данчевская О.Е., Матвеев А.В., Эйтон А.</i> Теоретические и практические аспекты формирования межкультурной компетентности	38
<i>Даутова Э.Ш.</i> Исследование профессиональной идентичности личности в условиях эмиграции.....	41
<i>Двойнин А.М.</i> Культурно-исторический подход к психологическому анализу религиозного сознания	43
<i>Джуад Ю.Ю.</i> Влияние внешней религиозности и религиозной практики на психологическую устойчивость личности мусульман в российских мегаполисах (на примере Москвы и Санкт-Петербурга).....	45
<i>Иванова Т.С.</i> Ритуалы подношений в культуре повседневности латиноамериканских стран	47

<i>Капцов А.В., Колесникова Е.И.</i> Стадии становления субъектности студентов, сформировавшихся в образовательных средах школ России и Казахстана.....	49
<i>Кауненко И.И., Хорозова Л.Ф.</i> Исследование мечты у студенческой молодёжи: кросс-культурный аспект	52
<i>Конашкина Е.А., Кривцова А.С.</i> Представления о доме в условиях миграции.....	53
<i>Константинов В.В., Путилова Н.В.</i> Трансформация идентичности иностранных студентов, обучающихся в российских ВУЗах	55
<i>Кривцова А.С.</i> Возможности использования народных игр в работе с младшими школьниками	57
<i>Кривуть М.Л.</i> Специфика инклюзивных взглядов белорусских и иностранных студентов	60
<i>Крылов А.А.</i> Специфика профориентационной работы со старшими школьниками в различных социокультурных парадигмах.....	62
<i>Кулеш Е.В.</i> Формирование межкультурной компетентности обучающихся-инофонов в полиэтнической среде Хабаровского края	64
<i>Куртяк Е.В., Бехтер А.А., Филатова О.А., Газзаева Н.М., Сиукаева Е.Г.</i> Гендерные различия обращения за социальной поддержкой у российской и южноосетинской молодежи	66
<i>Лебедева Н.М., Бушина Е.В., Кузнецова Ю.А.</i> Представления о России у разных групп россиян.....	68
<i>Ляпнёва И.А., Ткаченко Н.В.</i> Особенности переживаний женской идентичности у современных россиянок	70
<i>Мажинский С.В.</i> Национальный характер в начале XXI века. Некоторые методологические подходы в западной науке.....	73
<i>Мальшев И.В.</i> Этническая идентичность представителей народов Поволжья и социально-психологическая устойчивость личности	75
<i>Маслова О.В., Осипян М.Д.</i> Межкультурная адаптация иранских студентов в России	77
<i>Мезенцева А.А., Ростовцева В.В., Бутовская М.Л.</i> Оценки агрессивности по обобщенным мужским портретам тувинцев-эрзинцев.....	79
<i>Мирей А.</i> Отражение традиционных ценностей и установок в коммуникации современных японцев.....	81
<i>Музыченко Ю.Н., Почебут Л.Г.</i> Эмоциональная стабильность, альтруизм и кросс-культурная адаптация китайских студентов в России.....	83
<i>Муращенкова Н.В., Грищенко В.В., Ефременкова М.Н.</i> Социально-психологическое пространство эмиграционных намерений российской студенческой молодежи	86
<i>Муращенкова Н.В., Грищенко В.В.</i> Ценностные основания мотивов конструирования этнической идентичности у русских старшекласников из центрального и дальневосточного регионов России.....	89
<i>Муха В.Н., Шиповалова Н.А.</i> Опыт использования метода автоэтнобиографии для изучения этнической идентичности	93
<i>Нахова Р.Р.</i> Культурологический аспект развития социального характера личности	95

<i>Нестерова А.А.</i> Кросскультурная психотерапия для мигрантов и беженцев: что важно для терапевта?	98
<i>Никитская М.Г.</i> Цели учебных достижений и психологическое благополучие обучающихся в разных странах	101
<i>Новгородова Ю.О., Хотинцев В.Ю.</i> Особенности когнитивной регуляции младших школьников-билингвов в процессе изучения третьего языка	102
<i>Изукова И.А., Берберян А.С., Башкин Е.Б., Бычкова П.А.</i> Психологические факторы отношения к помощи в сфере психического здоровья у студентов из Армении и России	105
<i>Отмани В.Ю., Павлова О.С.</i> Ценности молодежи и людей старшего поколения, проживающих на юге Алжира	107
<i>Павлова К.Н., Дагбаева С.Б.</i> Сравнительный анализ ценностных ориентаций студенческой молодежи русской и бурятской культуры.....	109
<i>Пищик В.И., Шабукаева М.Р.</i> Этническая толерантность как предиктор веры в заговоры	111
<i>Романцова В.К., Двойнин А.М.</i> Факторы подверженности человека информационно-психологическому влиянию со стороны деструктивных сообществ.....	113
<i>Ростовцева В.В., Бутовская М.Л., Мезенцева А.А.</i> Кросс-культурные различия в межполовом восприятии угрожающей и привлекательной внешности... ..	115
<i>Сафонова Ю.С., Николашина Е.А.</i> О формировании этнических стереотипов в английском и русском языках	117
<i>Семенова О.В., Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Каспарова Е.Н., Ермаков А.М.</i> Личность отца в современной России и Беларуси.....	119
<i>Серебряная М.В.</i> Рефлексивность в зрелом возрасте как личностная детерминанта социально-психологической адаптации вынужденных переселенцев.....	121
<i>Смолина Т.Л.</i> Этническая идентичность русской студенческой молодежи: результаты эмпирического исследования	123
<i>Сперанская Г.Л.</i> Взгляд в системе общения в Китае	125
<i>Стефаниди Е.О., Шорохова В.А.</i> Ценностные ориентации казахов: межпоколенческое сравнение	127
<i>Сухарев А.В.</i> Философско-антропологическая методология в этнопсихологических исследованиях	130
<i>Татарко А.Н.</i> Гражданская идентичность и ментальное здоровье россиян: роль психологических стратегий совладания в условиях санкционной политики	132
<i>Тихомиров М.Ю.</i> Культурные измерения как этнопсихологические детерминанты образовательного процесса в вузе.....	135
<i>Трофимова Д.В., Кривцова А.С.</i> Идеальный образ женщины в современном российском обществе	138
<i>Троянская А.И.</i> Взаимосвязь уровня адаптации и психологического благополучия студентов из Индии, обучающихся в России	140

<i>Тучина О.Р., Посметюха Л.А.</i> Религиозная идентичность православной молодежи полиэтничного региона: ценностные основания и влияние на субъективное благополучие.....	143
<i>Фомина Ю.И.</i> Особенности переживания стресса адаптации иностранными студентами.....	145
<i>Фридерикс А.В.</i> Межкультурная осведомленность при обучении курсантов иностранному языку.....	147
<i>Фролова С.В., Троянова А.В.</i> Культурно-сензитивное консультирование в повышении ресурсов социально-психологической адаптации.....	150
<i>Халикова А.Б.</i> Аутентичность: кросскультурный контекст	152
<i>Хантуев А.А.</i> Автобиографические нарративы профессионального становления бурятских религиозных мастеров (шаманов и буддийских лам): нарративный анализ.....	155
<i>Харитонова Т.Н., Павлова О.С.</i> Специфика адаптации неофитов к новым культурным условиям в связи с религиозной конверсией.....	157
<i>Хасанова Ф.Х.</i> Психологическое благополучие подростков из мусульманских семей в различных условиях образовательного процесса (на примере школ г. Казань, Республика Татарстан).....	159
<i>Хорошенький И.А., Александрова Е.А.</i> Опыт интеграции детей, принадлежащих к национальным меньшинствам (на примере детей племени хамар, Эфиопия).....	161
<i>Чистова К.Б.</i> Египетский народный танец как основа для создания психологического тренинга	163
<i>Шамионов Р.М.</i> О некоторых факторах академической адаптации студентов-иностранцев в российских вузах	165
<i>Шляпников В.Н.</i> Связь особенностей волевой регуляции и образа жизни у тувинцев.....	169
<i>Шорохова В.А.</i> Социальные представления русских старшеклассников о людях своей национальности	171
<i>Яблонская С.Б.</i> Особенности идентичности в условиях делящейся коллективной травматизации	173
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	177

ПРЕДИСЛОВИЕ

За последние годы в России и других странах значительно возрос интерес к этнопсихологическим проблемам и проблемам межкультурного и межэтнического взаимодействия.

В результате возникает настоятельная потребность в объединении усилий ученых, занимающихся этнопсихологической проблематикой, для анализа, осмысления и последующего теоретического обобщения накопленных эмпирических данных.

Основными целями настоящей конференции являются научный обмен информацией о содержании и динамике этнокультурных феноменов; интеграции усилий исследователей, работающих в одном проблемном поле; обсуждение задач и перспектив развития междисциплинарных связей в исследованиях, проводимых в рамках этнической и кросс-культурной психологии, этнологии, социологии, антропологии, лингвистики, педагогики и других науках; обсуждение возможностей практического использования достижений этнопсихологической науки для оптимизации межэтнического, межкультурного и межконфессионального взаимодействия.

Настоящая конференция, мы уверены, выступила примером объединения исследователей-теоретиков и практиков, научной площадкой для обсуждения и интеграции результатов теоретических и практических исследований, являясь логическим продолжением крупных научных форумов, которые ранее проводились в нашей стране. Это пять Международных научных конференций «Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии», состоявшихся в 2008, 2010, 2012, 2014 и 2016 годах в г. Смоленске, и пять Всероссийских научно-практических конференций «Практическая этнопсихология: актуальные проблемы и перспективы развития», прошедших в 2007, 2008, 2011, 2013, 2015 годах в г. Москве, в стенах Московского государственного психолого-педагогического университета, на базе кафедры этнологии и психологических проблем поликультурного образования.

Мы надеемся, что доклады, представленные в настоящем сборнике, и результаты их обсуждений внесут определенный вклад в решение стоящих перед отечественной наукой как теоретических, так и практических задач, и тем самым будут способствовать дальнейшему развитию этнической психологии.

В.В. Гриценко,
председатель Оргкомитета конференции
«Этнопсихология: теория и практика»;

О.С. Павлова,
заведующая кафедрой этнопсихологии
и психологических проблем поликультурного образования МГППУ

Антропологическое мышление как основа успешной межкультурной коммуникации

Александрова Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
aleksandrovaea@mgppu.ru

Межкультурная коммуникация рассматривается в современной гуманитарной науке как научная проблема и практическая задача. На первый взгляд простая и очевидная схема при внимательном рассмотрении описывает сложные процессы, ставит многоступенчатые задачи и выводит на формулировку цели, основной характеристикой которой можно считать её динамичность. Не-статичность, подвижность, «живость» межкультурной коммуникации представляет собой основную сложность в разработке теории и практических рекомендаций.

Формулирование гибкой теории требует соблюдения двух первоначальных условий. Во-первых, чёткого понимания базовых оснований. Это необходимо для того, чтобы гибкость не стала бесформенностью. Во-вторых, постоянная работа по сбору материала, относящегося к межкультурной коммуникации. В основном для выполнения второго условия необходимо использование данных (для фиксации и проверки) и методов (для уточнения и сбора) культурной антропологии, этнологии и этнопсихологии. Таким образом, речь идёт о применении междисциплинарного подхода.

Важнейшим условием для грамотной работы в рамках описанной междисциплинарности назовём высокий уровень саморефлексии, своего рода балансировку системы. Культурная антропология, как и этнология, и этнопсихология, обладают одной несомненной чертой – субъективностью, происходящей из той роли, которую играет исследователь. Выбор темы, подхода, методологической базы и инструментария, а также сбор материала и его интерпретация зависят от того, кто работает «в поле»: будь то антрополог, этнолог или этнопсихолог [1].

Антропология как глобальный научный проект занимается проблемами, связанными с формированием и существованием человека в естественной и искусственной средах. Естественная среда рассматривается с точки зрения природного окружения в контексте этногенеза и этнической истории. Этногенез и этническая история в свою очередь связаны с культурогенезом.

Культура в данном случае определяется как сила, вызванная к жизни человеком в процессе формирования и становления вида; сила, одновременно созданная и созидающая. Определение культуры – задача не простая, требующая строго научного фокуса, чётко поставленных целей. Антропологический подход к определению понятия «культура» даёт нам теоретическую рамку, позволяющую решить эту проблему. Применяв антропологический подход, мы определяем культуру как неотъемлемую часть и условие формирования человека и его бытования в исторической реальности. Более того, междисциплинарность и гибкость позволяют исследователю на этапе теоретизации рассмотреть не только историческую, но и символическую реальность. Здесь антропология соприкасается с культурологией, таким образом завершая перечень условий для формирования того, что автор называет «антропологическим мышлением». Антропологическое мышление обладает следующими чертами. Во-первых, равенность всех культур в качестве базового основания при построении теоретических моделей и их

реализации при сборе полевого материала. Антропологическое мышление формируется и реализуется только на основе искреннего глубокого уважения к культуре каждого народа. Во-вторых, обладание антропологическим мышлением означает, что исследователь способен реализовать принцип диалогичности, заключённый во взаимообогащении, в одновременности познания себя, собственной культуры и культуры Другого с учётом контекста исторического периода и характерных для него смыслов и мотивов [2].

В контексте описания антропологического мышления важным видится такая особенность как удержание исследовательской дистанции. Данная техника при реализации «в поле» оказывается очень сложной в связи с указанной выше субъективностью. Постоянная работа исследователя по поддержанию внешнего и внутреннего баланса между объективностью и субъективностью приводит к выработке особого навыка. В одновременном коммуникативном акте исследователь понимает и помнит себя как носителя и транслятора собственных культурных установок и ценностей, и Другого как носителя и транслятора иных культурных установок. Такое памятование определяется как условие и реализация антропологического мышления.

Итак, условием для формирования антропологического мышления становится междисциплинарный подход, основанный на чётком понимании поставленных задач. Истинная междисциплинарность предполагает владение не просто инструментарием двух или более наук, а понимание теоретических оснований, подходов и способа рассуждения и постановки проблемы (парадигмальные характеристики), породивших данный инструментарий. Антропологическое мышление необходимо для формирования и постепенного повышения уровня межкультурной чувствительности. Межкультурная чувствительность (или сензитивность) и связанная с ней межкультурная компетентность представляют собой неотъемлемую часть межкультурной коммуникации на всех уровнях, начиная с вопросов интеграции инокультурного населения в российское социокультурное поле [3, 4], заканчивая решением проблем международного сотрудничества в социальных, образовательных, политических сферах.

Литература

1. *Александрова Е.А.* Метод кейса в психологическом консультировании (на примере психологического консультирования мусульман) // *Minbar. Islamic Studies*, 2022. № 15(2). С. 425–442.
2. *Бахтин М.М.* К философии поступка // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Русские словари, 2003. С. 7–68.
3. *Гриценко В.В., Хухлаев О.Е., Павлова О.С., Ткаченко Н.В., Усубян Ш.А., Шорохова В.А.* Анализ зарубежных эмпирических моделей межкультурной компетентности и методик для ее оценки // *Современная зарубежная психология*, 2020. Т. 9. №1. С. 103–113.
4. *Павлова О.С., Хухлаев О.Е., Бучек А.А., Александрова Е.А., Гаврюшина М.К., Кривцова А.С., Лейбман И.Я., Шорохова В.А.* Межкультурная компетентность и самоэффективность учителя в мультикультурной среде // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2022. Т.19. №1. С.45–60.

История и теория антропологических учений в работах Андрея Александровича Белика

Александрова Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
aleksandrovaea@mgppu.ru

Вот уже почти десять лет как с нами нет замечательного учёного, педагога, философа и историка науки Андрея Александровича Белика. Андрей Александрович родился 11 апреля 1955 года и ушёл из жизни 15 июня 2014. Мне повезло учиться и работать под руководством профессора Белика. В беседах с ним, в научной переписке проходило моё становление как исследователя, формировались не только профессиональные, но и жизненные принципы. Курсы по психологической и культурной антропологии, а также антропологии коммуникации, которые я из года в год читаю на факультете социальной психологии МГППУ в рамках реализации учебных программ бакалавриата и магистерской программы кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования «Практическая этнопсихология», вдохновлены трудами Андрея Александровича по истории и теории антропологических учений [1].

Авторский подход А.А. Белика к истории антропологии последовательно раскрывается в таких его работах, как «Психологическая антропология: история и теория» 1993 года, «Культурология. Антропологические теории культур» 1999 года, «Культурная (социальная) антропология» 2009 года, «Человек в экономической антропологии» 2013 года [2]. Показательна обложка последней книги: человек идёт по туннелю, в конце которого брезжит свет, но что там, нам неизвестно. Когда книга вышла, Андрей Александрович особо обратил моё внимание на эту обложку, сказав, что есть путь, но неизвестен итог, неясно куда мы идём. Во всех обзорах и аналитических рассуждениях Андрей Александрович уделял внимание перспективе, умел почувствовать возможные линии развития даже там, где другие аналитики ставили точку.

Сегодня мне бы хотелось обратить особое внимание на такое направление исследований Андрея Александровича, как антропология коммуникации. Его подход изложен в соответствующем разделе учебного пособия «Культурная (социальная) антропология», изданном в РГГУ в 2009 году [2]. Определение антропологии коммуникации, данное в начале раздела, выводится из основной функции культурной антропологии, а именно сравнительного анализа «культур различных типов в процессе функционирования и воспроизводства социума» [2, с. 392]. Таким образом, коммуникативная функция культуры выходит на первый план и изучается в междисциплинарном поле, в которое входят теории и эмпирические данные социологии, психологии, этологии, экономической антропологии (теория дара). Интересно, что коммуникация рассматривается и как межличностное общение, и как межкультурное взаимодействие, и как внутренний диалог отдельного человека. Последний пункт, на мой взгляд, важен тем, что помогает решить вопрос о том, как культура формирует человека и как человек «работает» с этим конструктом. Помимо межличностной и массовой коммуникации в реальном и виртуальном пространстве антропология коммуникации в трудах профессора Белика рассматривается и с точки зрения коммуникации в детстве (между детьми; детьми и взрослыми). Рассматривает-

ся также особый вид взаимодействия, понятный в контексте антропологии религии, когда человек, божественное и социум предстают как участники коммуникации [там же, с. 393]. Под влиянием этнологии в антропологии коммуникации выделяются и анализируются вербальный и невербальный тип взаимодействия. Коммуникация, по мнению автора, не обязательно ведёт к вещественному или материальному преобразованию участников, но может послужить сигналом к действию. В процессе коммуникации передаются не только сложные символы, но и повседневная информация, а также эмоциональное состояние. Коммуникация пронизывает все пространства социума – священное и мирское, обеспечивает фундаментальную потребность в общении, передачу культурной традиции в исторической перспективе и в режиме реального времени. Андрей Александрович выделил три основных подхода к изучению антропологии коммуникации: сравнительный анализ этикета в разных культурах, анализ языкового поведения (вербальная коммуникация) и анализ невербальных систем общения, включая изучение эмоций. Предметом изучения антропологии коммуникации, таким образом, стало повседневное обычное общение людей, особенности ритуального поведения, особенности коммуникативного взаимодействия в культуре в процессе воспитания ребёнка, а также экономика как фактор, влияющий на стили и типы коммуникативного взаимодействия.

Говоря об истоках антропологии коммуникации, профессор Белик пишет о труде И. Канта «Антропология с практической точки зрения», где философ рассуждает о «человеке мира», способном говорить с любым собеседником. И, разумеется, Андрей Александрович не обходит вниманием метод «вживания» А. Крёбера и философскую теорию наук о культуре В. Дильтея [там же, с. 397]. Также в разделе уделено внимание подходу К. Леви-Стросса к коммуникации с представителем иной культуры как с «я субъективным» и «я объективирующем», между «я объективным» и «другим объективным».

Андрей Александрович подчёркивал не только фундаментальный характер коммуникации, но и значимость антропологического изучения этого явления. Антропология коммуникации помогает не просто узнать, а почувствовать другую культуру, так как культурная антропология сама по себе является методом улучшения взаимодействия между культурами. И, наконец, процесс антропологического познания и психотерапевтического воздействия рассматриваются как близкие друг другу [там же, с. 398].

Не каждому выпадает шанс встретить Учителя. Благодарность и память об учителях – это то, что мы можем дать в ответ на их бескорыстную помощь, это то, чему мы можем научить и только тогда, когда мы сами бескорыстны и искренни.

Литература

1. *Александрова Е.А.* Памяти Андрея Александровича Белика [Электронный ресурс]: URL: <https://www.youtube.com/playlist?list=PLdxkxP5KmnIUNz-c7AMuz0SsBclSfTppQ> (дата обращения: 09.08.2023).
2. *Белик А.А.* Культурная (социальная) антропология. Учебное пособие. М.: РГГУ, 2009. 613 С.
3. *Белик А.А.* Личная страница [Электронный ресурс]. URL: <http://belikaa.narod.ru/> (дата обращения: 09.08.2023).

Этнические аспекты толерантности к новизне у студентов

Алишев Б.С.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
bulat.alishev@gmail.com

Понятие «толерантность к новизне» достаточно часто встречается в отечественных и зарубежных психологических исследованиях. Безусловно, оно характеризует достаточно значимый аспект взаимодействия человека с действительностью и характеризует две его стороны. Для обозначения первой стороны, видимо, более подходит словосочетание «чувство нового», которое указывает на наличие у личности способности и склонности к творчеству, к преобразованию мира вокруг себя, к созданию нового в разных областях жизни. Для обозначения другой стороны как раз более подходит термин «толерантность к новизне», поскольку именно она отражает способность личности принимать происходящие изменения и приспосабливаться к ним. Первую сторону можно считать активной, а вторую – пассивной. Несмотря на то, что слово «пассивный» воспринимается несколько негативно, нельзя недооценивать значение толерантности к новизне. Во многих исследованиях она рассматривается, например, как один из существенных аспектов толерантности к неопределенности [2], но в ряде случаев есть смысл рассматривать ее как относительно самостоятельное психологическое явление.

Давно известно, что многие инновации (технико-технологические, социальные, организационные и др.) создаются и внедряются, как правило, заметным меньшинством людей. Однако известно и то, что «выживаемость» большинства нововведений и их эффективность зависят от того, будут ли они приняты массами людей, не вызовут ли они отторжения у них. В нашем случае, например, важным является вопрос о том, как будут восприниматься молодежью и студентами реформы и изменения в сфере российского высшего образования. В значительной мере это зависит как раз от того, насколько у них выражена толерантность к новизне. Представляет интерес вопрос о том, как она выражена у студентов, принадлежащих к разным этнокультурным группам, в частности русским и татарам? Проводившиеся нами ранее исследования [1] позволяют предположить, что для татар могут быть характерны более низкие показатели толерантности к новизне, чем для русских.

Для проверки этого предположения нами было проведено исследование, в котором участвовало в течение 2 лет с 2022 по 2023 гг. 242 студента Казанского федерального университета (бакалавры 1-4 го годов обучения), среди которых были равномерно представлены студенты татарской и русской национальности, а девушки значительно преобладали над юношами. Основной методикой, использовавшейся в исследовании, был опросник TAS (Tolerance of Ambiguity Scale) С. Баднера (русскоязычная версия Г.У. Солдатовой), содержащий субшкалу толерантности к новизне. Использовались также опросники: PSWQ (Pennsylvania State Worry Questionnaire) в переводе и адаптации Б.С. Алишева и М.В. Габдулхаковой для измерения тревожности; SWLS (Satisfaction With Life Scale, русскоязычный вариант Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева) для измерения удовлетворенности жизнью; PVSIII-R (Personal Views Survey III-R, русскоязычная версия Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой) для измерения жизнестойкости личности, а также авторский тест структуры ценностей.

Результаты проведенного исследования показали, что уровень толерантности к новизне для всей выборки, а также для отдельных этнических и гендерных групп внутри нее находится несколько выше средних значений. Показатель для всей выборки, например, равен 17,03 при среднем значении 15,9 для шкалы и максимально возможном значении 28. Поскольку среднее значение для шкалы рассчитано на выравненной по возрасту выборке, а для молодых возрастных групп типична большая склонность к новшествам и изменениям, полученный нами результат может считаться находящимся в пределах нормы.

Обнаружилось также, что по толерантности к новизне студенты мужского и женского пола не отличаются друг от друга, а вот между этнокультурными группами различие имеется и является статистически достоверным. Для русских студентов характерна большая толерантность к новизне по сравнению со студентами-татарами. Соответствующие показатели равны 17,54 и 16,60. Таким образом, студенты-татары несколько более консервативны и хуже воспринимают изменения. Важно отметить, в связи с этим, что для них характерна в целом пониженная толерантность к неопределенности по сравнению с русскими студентами. Татары в большей степени испытывают стремление жить в хорошо структурированном, стабильном и предсказуемом мире.

Исследование показало также, что в обеих этнических группах толерантность к новизне очень слабо связана с ценностными предпочтениями, с удовлетворенностью жизнью, но имеет статистически значимые связи с тревожностью (обратная корреляция) и с жизнестойкостью (прямая корреляция).

В целом, полученные результаты подтвердили выдвинутое нами предположение. Они дают возможность проводить дальнейшее, более углубленное изучение различий в ментальном мире русских и татар.

Литература

1. Алишев Б.С., Габдулхакова М.В. Толерантность к неопределённости, тревожность и чувство психологической безопасности у русских и татарских студентов // Уч. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманитар. Науки, 2013. Т. 155. № 6. С. 162–173.
2. Алишев Б.С., Матушанская А.Г. Толерантность к неопределенности и смежные психологические конструкторы когнитивной психологии // Уч. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманитар. Науки, 2011. Т. 153. № 5. С. 25–33.

ИмPLICITНЫЕ стереотипы отношения тувинцев-эрзинцев к представителям разных рас

Ананьева К.И., Басюл И.А., Демидов А.А.

НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», Москва, Россия
ananyeva@inpsycho.ru, ivbasul@gmail.com, demidov@inpsycho.ru

Одной из проблем кросскультурных исследований является проблема отношения представителей разных этносов и культур друг к другу. Однако, исследования, посвященные изучению этих отношений, весьма часто реализуются с использованием интервью и тестов-самоотчетов, не защищенных от

социально приемлемых ответов, которые не отражают истинных убеждений респондентов. В действительности же расовые и этнические установки и стереотипы могут иметь также имплицитный характер, то есть влиять на социальное поведение неосознанно, что невозможно зафиксировать ответами на достаточно прямые вопросы.

Целью нашего исследования (при финансовой поддержке РФФ, проект №21-18-00597) стала апробация методики Э. Гринвальда [3] – «Теста имплицитных ассоциаций» – для изучения имплицитного (неосознанного) отношения тувинцев разных возрастов к представителям тувинского и русского этносов.

В нашем исследовании приняли участие жители Эрзинского района Республики Тыва, который расположен на границе Российской Федерации и Монголии. Выбор Республики Тыва, и, в частности, Эрзинского кожууна, в качестве объекта исследования был обусловлен тем, что в Тыве, с одной стороны, мы можем наблюдать реконструкцию традиционных социокультурных норм и видов деятельности, а с другой – активного распространения нетрадиционных ценностей, норм и видов жизнедеятельности, которые характерны скорее для современных городов европейской части России [1].

Исследование проводилось индивидуально с каждым испытуемым, который размещался за ноутбуком. Для проведения исследования было реализовано программное обеспечение в среде Python 3.8.5 с пакетом расширений PsychoPy 2020.2.2.

Каждый испытуемый проходил несколько серий исследования, которые предварялись инструкцией о последующих действиях, в соответствии с методологией имплицитного теста, предложенного Э. Гринвальдом [3].

В начале исследования (тренировочные серии) респондентам предлагалось как можно быстрее нажимать на клавишу «влево» (левая стрелка на клавиатуре ноутбука), если на экране появляется лицо монголоида (тувинца), а на клавишу «вправо» (правая стрелка на клавиатуре ноутбука) – если появляется лицо европеоида. Затем давалась новая инструкция и условия менялись на противоположные. На следующем этапе работа шла аналогичным образом, только вместо лиц были предъявлены слова относящаяся к категориям «хорошие слова» («нежный», «радостный», «цветущий», «смелость», «счастье», «дружба», «мир», «успех», «довольный») и «плохие слова» («гнилой», «отвратительный», «эгоизм», «горе», «война», «предательство», «болезнь», «смерть», «злой») – слова для исследования были взяты из словаря эмоциональной окрашенных слов русского языка М.В. Колбеновой и Ю.И. Александрова [2].

Основные серии исследования предполагали ассоциации изображений лиц монголоидов и европеоидов со словами двух указанных выше категорий, другими словами, на одну и ту же клавишу надо было нажимать если на экране появляется лицо монголоида и слово из категории «хорошее слово», а на другую если появляется лицо европеоида и слово из категории «плохое слово». Затем условия менялись. На каждое условие давалось по 20 предъявлений стимулов. Каждый раз фиксировалось время нажатия на клавиши в миллисекундах.

На первом этапе анализа данных для каждого испытуемого в отдельности с помощью критерия U-Манна-Уитни проверялась гипотеза о существовании статистически значимых различий во времени нажатия клавиш в разных сериях имплицитного теста. В соответствии с процедурой имплицитного теста Э. Гринвальда, наличие имплицитных стереотипов диагностируется у испытуемых, для которых время нажатия клавиши быстрее в сериях, где на одной

и той же кнопке находится изображение лица своего типа (в нашем случае монголоида) и слова из категории «хорошее», в отличие от ситуации, когда посредством нажатия на клавишу надо ассоциировать лицо «другого» типа и «хорошее слово» [3]. По нашей выборке было зафиксировано 32% случаев различий во времени реакции, свидетельствующих о наличии имплицитных установок по отношению к разным этническим группам. При этом, по всей выборке респондентов с имплицитными стереотипами наблюдается предпочтение лиц монголоидного типа (своего этноса) в 69,9% случаев и в 30,1% случаев – предпочтение европеоидных лиц. Для продолжения описания назовем первую группу испытуемых с имплицитными автостереотипами, а вторую – группой с имплицитными гетеростереотипами.

На следующем шаге группа участников исследования была разделена на 3 подгруппы в соответствии с возрастом респондентов: младше 33 лет (54 человека), от 34 до 44 лет (55 человека) и старше 44 лет (49 человек).

В группу до 33 лет попало 32,3% испытуемых с имплицитными стереотипами, среди которых у 78,6% имплицитных автостереотипов и 21,4% – имплицитных гетеростереотипов, в группе среднего возраста (от 34 до 44 лет) имплицитные стереотипы встречаются в 27,7%, где 78,3% имплицитных автостереотипов и 21,7% имплицитных гетеростереотипов, в старшей группе имплицитные стереотипы встречаются в 36,1%, где 54,8% имплицитных автостереотипов и 45,2% имплицитных гетеростереотипов. Статистически достоверных различий (тест Хи-квадрат) по частоте встречаемости людей с наличием имплицитных стереотипов между возрастными группами не обнаружено. По соотношению частоты встречаемости людей с авто- и гетеростереотипами статистически достоверно отличается группа старшего возраста от групп младшего и среднего возраста.

Литература

1. Демидов А.А., Ананьева К.И., Самба А.Д.-Б. Представление о себе и других в условиях транзитивного общества: межпоколенческий анализ // Экспериментальная психология, 2022. Том 15. № 4. С. 123–138. DOI: [10.17759/exppsy.2022150408](https://doi.org/10.17759/exppsy.2022150408)
2. Колбенева М.Г., Александров Ю.И. Органы чувств, эмоции и прилагательные русского языка: Лингво-психологический словарь / Ин-т психологии РАН. М.: Языки славянских культур, 2010.
3. Greenwald A.G., Banaji M.R. Implicit social cognition: Attitudes, self-esteem, and stereotypes // *Psychological Review*, 1995. Vol. 102. P. 4–27.

Культурная специфика формирования сюжета при запоминании визуального материала

Арестова О.Н.

ФГБОУ ВО «МГУ им. М.В. Ломоносова», Москва, Россия
arestova@mail.ru

Работа посвящена изучению влияния культуры на особенности строения и продуктивности произвольной памяти, что является традиционным предметом кросс-культурных исследований. Еще в работах Ф. Бартлета [3; 7] указывалось, что культурная значимость событий является базой мнемической селекции, формируя сюжетную основу запоминания. Существуют культурные

различия в формировании сюжета, состоящие в сюжетной целостности, склонности к детализации, в соотношении временной последовательности событий и их логической связанности [4, 6, 8, 9]. Культурные детерминанты когнитивных процессов систематизированы в модели Ю. Миямото [5; 10] следующим образом: 1. дистальные (религия, экология, социальная среда, ведущая деятельность общества); 2. проксимальные (предметная среда, коммуникативные практики, образовательные стили и ценности, игры) и 3. индивидуальные (Я-концепция, мотивация, когнитивные стили, категоризация и атрибуция). Мы предположили, что эти детерминанты проявляются в любой культуре, но степень их влияния на познание зависит от коллективистичности/индивидуалистичности культуры. Для коллективистических культур более существенны факторы 1 и 2 уровней, а для индивидуалистических культур более существенны факторы уровня 3 [2].

В исследовании участвовали жители Баку (культурная принадлежность – 30 азербайджанцев и 18 русских) и русские москвичи – 34 человека. При этом мы опирались на оценку азербайджанской культуры как более коллективистической по сравнению с русской [1, 2]. Была разработана методика устного пересказа видеосюжета, который представлялся без звукового сопровождения. Анализ протоколов проводился по параметрам: 1) сюжетная связность; 2) моральная оценка событий; 3) детализация/обобщенная схематизация рассказа; 4) мотивы и переживания героев; 5) ошибки в опознании предметов; 6) фантазирование; 8) пропуск ключевых событий. Параметры соотносились с уровневой моделью Ю. Миямото.

Оказалось, что более половины всех испытуемых любой культуры демонстрируют целостные сюжеты. Склонность к моральному выводу проявляют около трети всех испытуемых, различия обнаруживаются между русскими бакинцами и азербайджанцами, жителями того же города; последние более склонны к моральным выводам ($\chi^2(4)=4,09$; $p=0,043$). Бакинцы вне зависимости от культуры более склонны упускать в рассказе основные события по сравнению с русскими из Москвы ($t=2,99$; $p=0,005$), при этом бакинцы-азербайджанцы чаще пропускают ключевые события по сравнению с русскими вне зависимости от места жительства ($t=-2,44$; $p=0,018$).

Ложные опознания предметов встречаются редко, чаще эта тенденция проявляется у москвичей по сравнению с бакинцами обеих культур ($t=2,84$; $p=0,006$), при сравнении показателей русских бакинцев и москвичей тенденция сохраняется, существенным является географический критерий. Ложное опознание часто сопряжено с фантазированием и в целом указывает на конструктивный, творческий характер запоминания в ущерб объективности (конструктивный процесс по Ф. Бартлету [3] и подтверждает ранее описанные нами закономерности запоминания [1; 2].

Все испытуемые проявляют склонность к описанию переживаний и мотивов героев, однако на уровне тенденции русские бакинцы несколько чаще упоминают эмоциональные переживания героев по сравнению с бакинцами-азербайджанцами. Русские из Москвы также чаще описывают мотивацию и эмоции, чем азербайджанцы.

Выводы

1. Испытуемые запоминают материал в виде целостного сюжета. У москвичей эта тенденция выражена более существенно по сравнению с жителями Баку вне зависимости от культуры.

2. Испытуемые склонны к пропуску ключевых событий, что более выражено у жителей Баку, особенно принадлежащих к азербайджанской культуре.
3. Существуют различия по ряду показателей между русскими, проживающими в Москве и в Баку (сюжетная целостность, ошибочные опознания предметов). Это говорит о влиянии на мнемические процессы единого социально-бытового пространства, заключающегося в активном влиянии основной культуры (в данном случае азербайджанской) на представителей совместно проживающих других культур.
4. Морализаторство чаще встречается в сюжетах представителей азербайджанской культуры, что говорит о значимости проксимальных детерминант запоминания (по Ю. Миямото) по сравнению с индивидуальными в коллективистических культурах.
5. Искаженное опознание и фантазирование, субъективность интерпретаций более характерны для москвичей по сравнению с бакинцами вне зависимости от их культурной принадлежности (русской или азербайджанской).
6. Анализ мотивации и чувств героев более характерен для русских (Баку и Москва) по сравнению с азербайджанцами, что подтверждает гипотезу о значимости индивидуальных детерминант когнитивных процессов в индивидуалистических культурах.

Литература

1. *Арестова О.Н.* Культурные особенности опосредствования в мнемической деятельности // Вопросы психологии. 2016. №3. С.89–95.
2. *Арестова О.Н., Муслимзаде П.З.* Культурное своеобразие процессов обобщения при решении мыслительных задач (на примере азербайджано-язычных и русскоязычных жителей города Баку) // Вопросы психологии. 2018. №3. С. 87–93.
3. *Бартлетт Ф.* Человек запоминает. // Хрестоматия по общей психологии: Психология памяти // Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. 3-е изд., М.: АСТ: Астрель, 2008. С. 260–268.
4. *Нуркова В.В.* Жизнь – инструкция по применению: результаты графической экспликации Культурного Жизненного Сценария // Международный журнал исследований культуры. СПб.: Эйдос, 2018. Т. 30. № 1.
5. *Самойленко Е.С., Галаничев П.А., Носуленко С.В.* К проблеме межкультурных различий в когнитивных процессах // Экспериментальная психология. 2015. Том 8. № 1. С. 39–59.
6. *Anakwah N., Horselenberg R., Hope L., Amankwah-Poku M., J. Koppen P.* Cross-cultural differences in eyewitness memory reports // Applied Cognitive Psychology, 2020. Vol. 34. P. 504–515. DOI:10.1002/acp.3637
7. *Bartlett F.* Remembering. Cambridge // Cambridge University Press. 1932.
8. *Gutchess A.H, Huff S.* Cross-Cultural Differences in Memory. The Oxford Handbook of Cultural Neuroscience, 2016. P. 155–158.
9. *Leger R.K., Gutchess A.* Cross-Cultural Differences in Memory Specificity: Investigation of Candidate Mechanisms // Journal of Applied Research in Memory and Cognition, 2021. Vol. 10. P. 33–43.
10. *Miyamoto Y.* Culture and analytic versus holistic cognition: Toward multilevel analyses of cultural influences // Advances in Experimental Social Psychology, 2013. Vol. 47. P. 131–188.

Феномен субкультуры в современном социуме

Балашова А.А.

ФГБОУВО МГППУ, Москва, Россия

lara6685@yandex.ru

Субкультуры представляют собой значительное явление в современном обществе. Они отличаются от господствующей культуры на уровне ценностей, норм, образа жизни и социокультурных практик.

Учёные выделяют несколько путей возникновения субкультур. Во-первых, субкультуры могут возникать из-за различных социальных изменений и культурных влияний. Под культурными влияниями понимаются, например, музыка и мода. Стремление стать членом субкультуры может быть реакцией на быстро меняющиеся общественные условия, такие как экономические кризисы, политические события, или изменения в технологической среде [4]. Кроме того, субкультуры могут возникать в результате поисков социальной идентичности, в первую очередь молодёжи, когда отдельные индивиды и группы стремятся найти свое место и свою роль в обществе, отличную от того, что предлагает доминирующая культура.

Специфика зарождения и функционирования субкультур предполагает использование определённых исследовательских методов. К ним относятся, например, методы этнографии и социологии, а также их комбинации.

Практическая значимость изучения субкультурного состава социума объясняется тем, что субкультуры не только представляют собой разнообразие культурных выражений, но также способствуют общественным изменениям и инновациям [3, с. 60–64]. Субкультуры рассматриваются как источник образцов поведения, как направляющие для понимания новейших тенденций как в моде и музыке, влияют на специфику политического мировоззрения через формирование ориентации на будущее [1, с. 181–185].

Субкультуры играют важную роль в формировании социальной идентичности молодёжи, часто становятся площадкой для самовыражения и самопознания, а также для социальной интеграции и принятия [7, с. 139–142]. Также субкультуры оказывают существенное влияние на ценностные ориентации и поведение молодёжи. Они формируют установки, ценности и нормы, которые могут в значительной степени изменять образ жизни молодёжи и их отношение к различным элементам общественного устройства [6, с. 53–59]. Принадлежность к субкультуре может стимулировать молодёжь к принятию активной позиции в социальных и политических вопросах, а также играет важную роль в социализации молодёжи. Участие в субкультурных группах предоставляет молодёжи возможность приобрести новые навыки, развить интересы и участвовать в социальной жизни [2].

В последние пятнадцать лет наблюдается такой феномен, как рост популярности культуры Южной Кореи, в том числе К-поп, К-drama и К-beauty субкультур в России. Их распространение способствует культурному обмену и пониманию, поскольку стимулируют распространение знаний о культуре Южной Кореи и изучение языка участниками субкультурных сообществ. Молодые люди могут использовать для самовыражения современное корейское искусство, овладевая специфическими жанрами и стилями танца и му-

зыка, а любители K-beauty могут экспериментировать с различными продуктами и техниками ухода за кожей.

Несмотря на позитивное влияние K-pop, K-drama и K-beauty, существуют риски, связанные с имитацией и идеализацией. Популярность этих субкультур может приводить к попыткам имитировать корейский стиль жизни, включая внешний вид и поведение [5, с. 21–23]. Это может привести к потере собственной идентичности и подавлению культурного многообразия.

Идеализация красоты, часто присутствующая в K-beauty, может создавать нереалистичные стандарты красоты и вызывать проблемы с самооценкой и самопринятием. Особенно это актуально среди молодежи, которая стремится соответствовать «корейскому идеалу красоты».

Таким образом, субкультуры могут дополнять и обогащать существующий культурный опыт, но не заменять его. Важно обучать молодежь критическому мышлению и помогать им развивать собственные ценности и идентичность в контексте многокультурного мира, в котором они живут.

Литература

1. *Александрова Е.А.* Этнокультурный состав мира: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2023. 260 с. [Электронный ресурс] / URL: <https://urait.ru/bcode/519895> (дата обращения: 25.08.2023).
2. *Кокшаров Н.* Культура и субкультура. М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2013. 172 с.
3. *Колтунов Д.А.* Современные молодежные субкультуры: характерные черты, факторы формирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология, 2011. № 3. С. 60–64.
4. *Писаревская Д.Б.* Что такое постсубкультурные исследования? (обзор) // Этнографическое обозрение. 2014. № 1. С. 8–23.
5. *Чоль К.Е., Енсук К.* Адаптация культурных универсалий корейской культуры в Российской Федерации: история и будущие перспективы // Кореоведение в России: направление и развитие. 2021. Т. 2. № 3. С. 21–33.
6. *Юрьева М.В.* Субкультура как институт социализации современной молодежи // Таврический научный вестник. Педагогика и психология. 2018. С. 53–59.
7. *Якшина Т.В.* Субкультуры как способ самоорганизации молодежи // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. № 1 (29). С. 139–142.

Психологические особенности арабских студентов в контексте образования: мотивация, стиль обучения и культурный контекст

Балыков В.В.

НИУ «БелГУ», Белгород, Россия
balykov@bsu.edu.ru

Арабские студенты в российских вузах представляют собой специфическую группу обучающихся. Среди особенностей психологии арабских студентов можно выделить мотивацию, стиль обучения, отношение к учебе, са-

мооценку и психологические особенности, связанные с культурным и религиозным контекстами.

Мотивация. Мотивация арабских студентов может отличаться от мотивации студентов других культурных и социальных групп. Ниже перечислены некоторые из этих особенностей:

1. Ценность образования: в арабской культуре образование очень ценится и считается ключевым элементом успеха. Арабские студенты могут проявлять сильную мотивацию к получению высшего образования и достижению в нем успеха, так как он считается путем к лучшей жизни.
2. Роль семьи: семья имеет важное значение в арабской культуре. Мотивация студентов может быть связана с определенными ожиданиями и ответственностью перед семьей, которые могут стимулировать их в учебе.
3. Религиозные и культурные убеждения: в арабском мире религиозные и культурные убеждения играют важную роль в жизни. Мотивация арабских студентов может быть связана с желанием соответствовать этим убеждениям и стремлением к священным ценностям.
4. Страх провала: арабские студенты могут чувствовать страх провала и неуспеха, они стараются избежать его и имеют высокие стандарты для себя. Это может служить источником мотивации для учебы и достижения [2, с. 51–52].

При работе с арабскими студентами важно учитывать их особенности мотивации и создавать соответствующие условия для поддержания и укрепления мотивации.

Стиль обучения. Стиль обучения арабских студентов обычно отражает их культурные и социальные особенности. Ниже перечислены некоторые из этих особенностей:

1. Преобладание устного общения: в арабской культуре устное общение считается важным средством передачи знаний. Арабские студенты могут проявлять больший интерес к устной работе, комплексным заданиям, в групповых дискуссиях и дебатах.
2. Предпочтение визуального обучения: арабские студенты обычно больше предпочитают визуальные материалы, такие как рисунки, диаграммы и видео, что может помочь в концентрации и восприятии материала.
3. Эмоциональность: арабские студенты могут иметь в высокой степени выраженную эмоциональность в своем образовании, как в положительном, так и в отрицательном смысле. Они могут проявлять увлеченность и энтузиазм в принятии новых идей и концепций, а также разочарование и неуверенность, когда сталкиваются с трудностями в учебе.
4. Предпочтение общей концепции: арабские студенты часто стремятся к общей концепции и принципам в учении. Они обычно предпочитают понимать широкие охваты тем, программы, вместо детализации.

При организации учебного процесса и обучении арабских студентов необходимо учитывать их стиль обучения и особенности, и использовать соответствующие методики и инструменты обучения, поддерживая их мотивацию и интерес к учебе.

Отношение к учебе. Отношение арабских студентов к учебе может отличаться от отношения студентов других культурных и социальных групп. В целом, арабские студенты проявляют большой интерес к образованию и стремятся к успеху в учебе. Однако, могут возникать проблемы в обучении

арабских студентов, такие как излишняя зависимость от учителя в процессе обучения, например, наличие затруднений в самостоятельном выполнении задания. Кроме того, арабские студенты склонны придавать большое значение обучению в группе, общению со своими сверстниками, а также могут проявлять эмоциональную реакцию на неудачи, показывая депрессию или разочарование. Важно, чтобы учебные заведения обеспечивали адекватные условия для обучения арабских студентов, такие как поддержка при оформлении документов, межкультурные тренинги и обучение языку, кратковременные программы обмена с другими странами, а также создание обучающих программ, которые будут учитывать культурные и индивидуальные потребности студентов [1, с.12].

Самооценка. Самооценка у арабских студентов может быть высокой, но это зависит от различных факторов, таких как социально-экономическое положение, семейный статус, предыдущий опыт образования и т.д. Одна из основных причин высокой самооценки арабских студентов – это их культурное общение, в котором они учатся ставить высокие цели, стремиться к успеху и проявлять высокую активность и эффективность при достижении своих целей. Однако, если студент столкнется с трудностями в учебе или в процессе адаптации к новому месту или культуре, его уровень самооценки может снизиться. Это может привести к потере мотивации и переживанию чувства недостаточности. Важно, чтобы преподаватели и учебные заведения создавали поддерживающую обучающую среду, мотивируя студентов и помогая им развивать свой потенциал. Необходимо учитывать культурные и личностные особенности студентов, оценивать их усилия и достижения, а также предоставлять ресурсы для укрепления и развития их самооценки.

Культурный контекст. Арабские студенты имеют множество культурных особенностей, которые важно учитывать в контексте образовательного процесса. Ниже перечислены некоторые из этих особенностей:

1. Сильная религиозность: Ислам имеет значительное влияние на культуру арабских студентов. Религиозные убеждения могут проявляться в отношении к образованию и в поведении студентов.
2. Уважение к семье: семейные отношения очень важны для арабских студентов. Они обычно привязаны к своим семьям и общаются с ними на регулярной основе.
3. Патриархат: в традиционной арабской культуре присутствует мужское господство. В семьях и обществе мужчины играют более высокую роль, чем женщины.
4. Социальное взаимодействие: в арабских странах общение и социальное взаимодействие являются очень важными аспектами культуры. Арабские студенты склонны к общению в группах и имеют сильное чувство принадлежности к своей культуре.
5. Культурные нормы: в арабской культуре существуют определенные нормы и традиции, которые формируют мироощущение и образ жизни арабских студентов. Некоторые примеры: продолжительность молитвы, социальное поведение, питание и одежда [3, с.7].

Эти культурные особенности очень важны для понимания психологических и поведенческих особенностей арабских студентов, и при разработке методов обучения и организации учебного процесса их следует принимать во внимание.

Заключение. Как можно видеть из приведенных выше особенностей, арабские студенты имеют свои уникальные психологические характеристики, которые необходимо учитывать при разработке методов обучения. Культурные различия, высокая мотивация, стиль обучения, отношение к учебе и самооценка – это все факторы, влияющие на психологию арабских студентов. Важно создавать комфортную обучающую среду, которая учитывает эти особенности и помогает студентам достигать наилучших результатов в своем учебном процессе. Преподавателям, на наш взгляд, нужно постоянно учитывать эти особенности в своей работе.

Литература

1. *Вожякова С.В.* Учет национально-психологических особенностей при обучении РКИ арабских студентов // Актуальные вопросы изучения русского языка как иностранного и проблемы преподавания на русском языке: Сб. ст. по итогам VII Межд. науч.-практ. конф. / Под общ. ред. И.А. Кондратьевой. Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2019. С. 24-26.
2. *Грибанова В.В.* Студенты из стран Северной Африки в вузах РФ: проблемы адаптации // Педагогика, 2016. № 7. С. 47–52.
3. *Резников Е.Н.* Психологические особенности арабов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика, 2008. № 3. С. 6–11.

Личностная типология как причина развития суждений о национальном преимуществе

Басимов М.М.

АНО ВО «УМЦ им. В.В. Жириновского», Москва, Россия
basimov_@mail.ru

Анализ статистических связей между исследуемыми признаками, скорее всего, главный вид аналитических задач, встречающихся практически в любом психологическом исследовании. До сих пор в психологическом сообществе в основном доминирует линейное мышление, хотя психологические данные в большей части имеют нелинейную природу, и не только описываемую зависимостями, близкими к монотонным, когда авторы пособий и статей обосновывают сомнительные преимущества коэффициентов Пирсона или Спирмена друг перед другом [2, с. 62]. В основном, если ограничиваться простейшими нелинейными зависимостями, психологу наиболее интересными должны быть зависимости с максимумом или минимумом, которые часто соответствуют сущности психического как предмета исследования.

Рассмотрим две проблемные для линейной интерпретации зависимости, касающиеся проблематики межнациональной толерантности и ее зависимости от отдельных компонент личностного типа.

Опрос проводился среди студентов Курганского государственного университета, было опрошено 146 человек. Диагностический материал включал социологическую анкету, изучающую различные стороны толерантности, а

также психологическую методику Дж. Олдхема и Л. Морриса «Типы личности» и «Вероятностные расстройств» данного типа. Для расчета использовался авторский метод изучения связей [1].

1. Зависимость показателя «Отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других» (Y) от показателя «Тип D: Авантюрный» (X), представленную значениями сравнительных весомостей зависимой переменной Y для кварт независимой переменной X:

X1: Y = -2654; X2: Y = -19879; X3: Y = +396; X4: Y = +31712.

В рассматриваемой сильной зависимости (коэффициент силы связи **SV=0.86**, при этом коэффициент корреляции описывает ее как достаточно слабую **r=0.27**) показателя «Отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других» (Y) социологической анкеты от показателя «Тип D: Авантюрный» психологической методики Дж. Олдхема и Л. Морриса вначале идет резкое убывание зависимой переменной по сравнительной весомости с -2654 на 1 кварте ($0 \leq X < 3$ по шкале теста, 41 человек) до минимального значения, равного -19879, на 2 кварте ($3 \leq X < 5$ по шкале теста, 36 человек) независимой переменной. После прохождения минимума 2 кварты начинается рост зависимой переменной, вначале до +396 на 3 кварте ($5 \leq X < 8$ по шкале теста, 36 человек), и далее до своего максимального значения +31712 на 4 кварте ($8 \leq X \leq 16$ по шкале теста, 33 человека).

Таким образом, при начальном развитии черт авантюрного типа (2 кварта) отношение к другим национальностям становится явно толерантным в том плане, что нет «хороших» и «плохих» национальностей, но дальнейший рост проявления черт авантюрного типа способствует формированию крайне нетолерантного отношения к другим национальностям в своих максимальных проявлениях.

Зависимость явно односторонняя, т.к. коэффициент связи обратной зависимости X(Y) **SV'=0.30**. Корреляция значимая и, значит, по негласным правилам психологического сообщества данную зависимость нужно трактовать как линейную, когда с увеличением независимой переменной X должна пропорционально расти зависимая переменная Y. В нашем обозначении – это ошибка 2 типа [3].

2. Зависимость показателя «Отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других» (Y) от показателя «Тип I: Преданный» (X):

X1: Y = -2353; X2: Y = -16052; X3: Y = -5478; X4: Y = +35003.

Зависимость, хотя и с некоторыми особенностями, которые хорошо отслеживаются при графическом представлении, по структуре похожа на предыдущую. В этой тоже явно сильной зависимости (коэффициент силы связи **SV=0.81**, при этом коэффициент корреляции описывает ее как достаточно слабую **r=0.30**) показателя «Отношение к суждению, что люди одних национальностей от природы лучше других» (Y) от показателя «Тип I: Преданный» (X) вначале идет резкое убывание зависимой переменной по сравнительной весомости с -2353 на 1 кварте ($0 \leq X < 3$ по шкале теста, 37 человек) до минимального значения, равного -16052, на 2 кварте ($3 \leq X < 5$ по шкале теста, 30 человек) независимой переменной. После прохождения минимума 2 кварты начинается рост зависимой переменной Y, вначале до -5478 на 3 кварте ($5 \leq X < 8$ по шкале теста, 44 человека), и далее до своего максимального значения +35003 на 4 кварте ($8 \leq X \leq 16$ по шкале теста, 35 человек).

Таким образом, при начальном развитии черт преданного типа (2 кварта) отношение к другим национальностям становится явно толерантным в том

плане, что нет «хороших» и «плохих» национальностей, но дальнейший рост проявления черт преданного типа способствует формированию крайне нетолерантного отношения к другим национальностям в своих максимальных проявлениях.

Зависимость явно односторонняя, т.к. коэффициент связи обратной зависимости $X(Y)$ $SV=0.34$. В данной зависимости при традиционной интерпретации также неизбежно приходим к ошибке 2 типа [3].

Чтобы показать, что в предыдущих зависимостях независимые переменные (личностные типы) не повторяют пропорционально друг друга, приведем характеристики зависимости между ними.

3. Зависимость показателя «Тип D: Авантюрный» (Y) от показателя «Тип I: Преданный» (X):

X1: Y= -1901; X2: Y= -15145; X3: Y= -6212; X4: Y= +36242.

Зависимость далека от линейной, даже монотонной (коэффициент корреляции весьма умеренный $r=0.39$), но связь, особенно зависимость показателя авантюрной составляющей личностного типа от составляющей «Преданный тип» достаточно сильная (коэффициент силы связи $SV=0.81$). Обратная связь слабее ($SV=0.60$). Зависимость тоже с минимумом на 2 кварте и общей возрастающей динамикой, что создает интересные возможности для дальнейшего углубления интерпретации в понимании глубинной сути результатов исследования.

Таким образом, в вопросах межнациональной толерантности, как в прочем и во многих других разделах психологической науки, наблюдаются нелинейные эффекты, описываемые той или иной нелинейной зависимостью.

Литература

1. *Басимов М.М.* Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2008.
2. *Гаджигасанова Н.С.* Методы прикладной статистики для социологов. Ярославль: ЯрГУ, 2013.
3. *Basimov M.* Study of political preferences and type 2 errors in the traditional correlation approach // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2019. № 333. P. 11–18.

Динамика агрессивного и тревожного поведения во время трех волн пандемии COVID-19 в России

*Буркова В.Н.¹, Бутовская М.Л.¹, Ермаков А.М.², Галимханов А.Б.³,
Емельянов А.В.⁴, Зинурова Р.И.⁵, Калининченко О.В.⁶, Рымаренко Н.В.⁷,
Симаков Н.Ю.⁸, Сподина В.И.⁹, Феденок Ю.Н.¹*

¹ ИЭА РАН, Москва, Россия; ² ДГТУ, Ростов-на-Дону, Россия;

³ УУНИТ, Уфа, Россия; ⁴ ТГУ имени Г.Р. Державина, Тамбов,
Россия; ⁵ КНИТУ, Казань, Россия;

⁶ ДФУ, Владивосток, Россия; ⁷ КФУ имени В.И. Вернадского,
Симферополь, Крым;

⁸ МГИМО, Москва, Россия; ⁹ Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок,
Ханты-Мансийск, Россия
burkovav@gmail.com

Пандемия COVID-19 оказала влияние на все стороны жизни населения и привела к беспрецедентным трансформациям в поведении человека. Социальное дистанцирование, локдаун, работа и обучение в удаленном доступе – новые реалии жизни, не имеющие никаких аналогов в прошлой повседневной практике большинства из нас, стали новой реальностью, не имеющей альтернативы. На фоне длительного стресса поведение людей менялось в поисках наиболее адаптивных стратегий.

Цель исследования – проследить динамику агрессивного и тревожного поведения в период трех волн пандемии COVID-19 в России в сравнении с допандемическими данными. В нашем исследовании мы охватили три волны COVID-19 в России общей продолжительностью 15 месяцев (с мая 2020 г. по июль 2021 г.) и сравнили их с допандемическими данными. Общая выборка составила 7662 чел. Реакция людей на пандемию оценивалась с использованием опросника измерения уровня тревожности ГТР-7 [6], уровень агрессии измерялся с использованием опросника Басса-Перри [3].

Динамика агрессивного поведения во время волн COVID-19 демонстрирует максимальные оценки по всем шкалам агрессии до начала пандемии. В целом мы наблюдаем тенденцию снижения агрессии в период пандемии с небольшими отклонениями в зависимости от пола: уровень физической агрессии снижался от первой ко второй волне, а к третьей фазе практически не менялся у обоих полов; уровень вербальной агрессии имел аналогичные тенденции у мужчин, но резко снижался от второй к третьей волне у женщин; шкалы гнева и враждебности показали разные половые стратегии: у мужчин уровень агрессии снижался ко второй волне, а к третьей повышался, а у женщин, наоборот, рос ко второй и демонстрировал нисходящий тренд к третьей волне. В отличие от выводов других исследователей, наши данные не показывают всплеска агрессии во время пандемии. В исследовании, проведенном в Германии с 1 октября 2020 г. по 28 февраля 2021 г., показан рост агрессии на фоне пандемии, причем у мужчин он был более значительным, чем у женщин [1]. Такой скачок исследователи связывают с ужесточением ограничительных мер, однако в данном исследовании не анализировалась прямая динамика агрессивного поведения в течение периода исследования. В

китайском исследовании, напротив, было обнаружено снижение уровня агрессивности во время карантина и изоляции [7], однако размеры выборки были крайне малы (66 чел.). В исследовании, проведенном в США на репрезентативной выборке из 5928 человек из 50 разных штатов в период с 9 апреля по 11 сентября 2020 г. агрессивные тенденции продемонстрировали рост среди респондентов [5]. Результаты проведенных исследований динамики агрессии на фоне пандемии довольно противоречивы, однако наша работа охватывает наибольший период пандемии из ныне представленных исследований, что дает нам основания полагать, что выводы о скачке агрессии на фоне пандемии преждевременны. Наши данные показывают, что в течение длительного течения стресса мы наблюдаем снижение агрессивности.

Уровень тревожности был минимальным до пандемии и значительно возрос во время COVID-19, особенно в первой и второй волнах среди женщин. У мужчин нарастание тревожности наблюдается в первую и третью фазы пандемии. Данные о снижении уровня тревожности во время пандемии в целом согласуются с работами, проведенными в разных популяциях [2; 4].

Для оценки взаимосвязи агрессивного и тревожного поведения был использован регрессионный анализ. Наиболее сильные связи выявлены между шкалой тревожности и двумя шкалами агрессии – гневом и враждебностью. Респонденты с высокими показателями тревожности имели высокие оценки по всем шкалам агрессии как в общей выборке (физ. агр. $B=0,159$; $t=15,375$; $p<0,000$; $R^2=0,034$; верб. агр. $B=0,298$; $t=22,297$; $p<0,000$; $R^2=0,069$; гнев $B=0,379$; $t=38,700$; $p<0,000$; $R^2=0,183$; враждебность $B=0,309$; $t=39,099$; $p<0,000$; $R^2=0,186$), так и при разделении выборки по полу и волне COVID-19.

Прослеживаемая динамика поведения в течение трех волн пандемии отражает успешность адаптации населения России к стрессовым условиям – с течением времени уровень тревожности и агрессии снижается. Такие тенденции наблюдаются далеко не во всех исследованных обществах. Полученные данные будут интерпретированы в кросс-культурном аспекте с применением классификаций индивидуалистских/ коллективистских культур Г.Хофстеда и жестких/свободных культур М.Гельфанд. Россия представляет собой синкретизм этих культурных измерений, которые при определенных условиях могут функционировать как защитные адаптивные механизмы против развития тревожных расстройств в ситуации пандемии.

Исследование выполнено в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования РФ (№ 075-15-2022-328).

Литература

1. *Abreu L., Koebach A., Díaz O., et al.* Life with corona: increased gender differences in aggression and depression symptoms due to the COVID-19 pandemic burden in Germany // *Frontiers in psychology*, 2021. 2705.
2. *Bendau A., Kunas S.L., Wyka S., et al.* Longitudinal changes of anxiety and depressive symptoms during the COVID-19 pandemic in Germany: The role of pre-existing anxiety, depressive, and other mental disorders // *Journal of anxiety disorders*, 2021, Vol. 79. 102377.
3. *Buss A.H., Perry M.* The aggression questionnaire // *Journal of personality and social psychology*, 1992. Vol. 63(3). P. 452-459.

4. *Jia H.* National and state trends in anxiety and depression severity scores among adults during the COVID-19 pandemic—United States, 2020–2021 // MMWR. Morbidity and mortality weekly report, 2021. Vol. 70.
5. *Killgore W.D., Cloonan S.A., Taylor E.C., Anlap I., Dailey N.S.* Increasing aggression during the COVID-19 lockdowns // Journal of affective disorders reports, 2021. Vol. 5. 100163.
6. *Moreno E., Muñoz-Navarro R., Medrano L. A., et al.* Factorial invariance of a computerized version of the GAD-7 across various demographic groups and over time in primary care patients // Journal of affective disorders, 2019. Vol. 252. P. 114-121.
7. *Zhang Y., Zhang H., Ma X., Di Q.* Mental health problems during the COVID-19 pandemics and the mitigation effects of exercise: a longitudinal study of college students in China // International journal of environmental research and public health, 2020. Vol. 17(10). 3722.

Черты личности и установки на оказание помощи (на примере трех африканских этнических групп)

Бутовская М.Л., Дронова Д.А.

ИЭА РАН, Москва, Россия

marina.butovskaya@gmail.com, dariadronova@yandex.ru

Правила поведения в традиционных обществах, в том числе в субсахарской Африке, могут служить хорошими моделями для понимания тесной взаимосвязи между влиянием биологических врожденных предрасположенностей в поведении и культурно установленных норм и правил. Социальные связи в традиционном обществе поддерживаются благодаря институту взаимопомощи как между родственниками, так и в кругу общения с неродственниками. Установки на соблюдение моральных норм и культурных правил формируются в процессе социализации и зависят от индивидуальных предрасположенностей [1; 5]. Существенный вклад в изучение возможной связи между типом общества, моральными нормами и установками на оказание помощи другим могут внести индивидуальные личностные характеристики.

Цель работы: выявить различия по самооценкам черт личности и эмоциональной эмпатии у представителей трех хозяйственно-культурных типов – охотники-собиратели (хадза), скотоводы (масаи) и земледельцы (хая); оценить возможные половые различия по этим самооценкам; установить предполагаемую связь между установками на предпочтительную помощь «своим» (членам своего сообщества) в противовес «чужим» (не членам своей этнической группы).

Полевые материалы были собраны в марте и августе 2022 г. в Танзании. Для сравнения были выбраны охотники-собиратели хадза [4], скотоводы масаи [2] и земледельцы хая [3]. Респонденты из этих групп отличались между собой по уровню образования. Большинство хадза (75,6%) никогда не посещали школу, среди масаев – 15,8%, а среди хая таких не было. В общей сложности выборка для настоящего доклада составила 558 человек.

Для целей нашего исследования использовалась краткая версия 5-ти факторного личностного опросника Big Five Inventory-10 [7] и шкала эмоциональной эмпатии из опросника IRI [6]. Ответы ранжировались по 5-ти балльной шкале Ликерта (от 1-го - совершенно не согласен до 5-ти полностью согласен). Альфа Кронбаха по шкале эмоциональной эмпатии для общей выборки составила 0,6. Респонденты также оценивали утверждение: «я считаю, что своим соплеменникам следует оказывать помощь в первую очередь по сравнению с представителями другой этнической группы».

Статистическая обработка данных проводилась в пакете программ SPSS-23. Для общей оценки независимых факторов пол, возраст, этническая принадлежность на комплекс тестируемых переменных, отмеченных выше, использовали общие линейные модели *MANOVA*.

Результаты показали, что этническая принадлежность оказывает достоверное влияние на самооценки по чертам личности и эмоциональной эмпатии: экстраверсия ($F=5,441$, $p=0,005$, $\eta^2=0,019$); доброжелательность ($F=22,802$, $p=0,0001$, $\eta^2=0,076$); добросовестность ($F=5,483$, $p=0,004$, $\eta^2=0,019$); нейротизм ($F=9,387$, $p=0,0001$, $\eta^2=0,033$); открытость опыту ($F=11,086$, $p=0,0001$, $\eta^2=0,039$); эмпатия ($F=16,695$, $p=0,0001$, $\eta^2=0,057$). Хая оказались наиболее доброжелательными, добросовестными, эмпатичными и открытыми новому опыту. Масаи наиболее нейротичными. Факторы пола и возраста в целом достоверного влияния не оказывали. Исключение составили масаи, для которых мужские самооценки по экстраверсии достоверно превосходили женские ($F=14,462$; $p=0,006$). Выраженность этноцентризма по готовности оказывать предпочтительную помощь «своим» по сравнению с «чужими» отчетливо зависела от эмпатичности респондентов и варьировала с учетом этнической принадлежности. Для хадза эта зависимость была достоверно положительной ($F=27,34$, $p=0,0001$, $\eta^2=0,21$) и эмпатичность определяла 19,2% изменчивости по ответам на помощь в пользу «своих», для масаев этот фактор так же вносил достоверный положительный вклад ($F=9,594$, $p=0,002$, $\eta^2=0,047$). Хотя он объяснял всего 4,6% изменчивости в этом случае. Для хая эмоциональная эмпатия не оказывала практически никакого влияния на решения по оказанию помощи «своим» или «чужим» ($F=0,461$, $p=0,498$, $\eta^2=0,002$).

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что на самооценки по чертам личности существенное влияние оказывает этническая принадлежность; значимое влияние оказывает уровень образования и общие размеры популяции: хая являлись самой крупной из трех этнических групп, также хая превосходили хадза и масаев по уровню образования. Выраженность этноцентризма зависела от общих размеров группы и образования.

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования РФ (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328).

Литература

1. Бутовская М.Л., Адам Ю.И., Бутовская П.Р., Лазебный О.Е. Готовность делиться ограниченными ресурсами с друзьями и незнакомцами у тувинских детей и подростков // Вопросы психологии, 2022. Т. 68. № 3.

2. *Бутовская М.Л., Бутовский Р.О.* Масаи Танзании: проблемы устойчивого развития на охраняемой природной территории Нгоронгоро // Сибирские исторические исследования, 2017. №3.
3. *Бутовская М.Л., Дронова Д.А., Джейсон Н.* Живые мертвые: стражи садов, советчики и покровители у современных хая Танзании // Сибирские исторические исследования, 2019. №. 4.
4. *Бутовская М.Л., Дронова Д.А., Карелин Д.В.* Дележ ограниченными ресурсами у детей и подростков охотников-собирателей (хадза) и земледельцев (ираку) в контексте представлений об эволюционных основах альтруизма у человека // *Stratum Plus Journal*, 2021. № 1.
5. *Бутовская М.Л., Дронова Д.А., Семенова О.В., Мабулла А.* Уважение и забота о старших: связь с чертами личности, эмоциональной эмпатией и культурно-хозяйственным типом в трех традиционных обществах Танзании // *Этнография*, 2023. № 2 (20).
6. *Davis M.H.* A multidimensional approach to individual differences in empathy. FL, 1980.
7. *Rammstedt B., John O.P.* Measuring personality in one minute or less: A 10 item short version of the Big Five Inventory in English and German // *Journal of Research in Personality*, 2007. № 41.

Культура и язык: роль переводчика в межкультурном взаимодействии

Гавронова Ю.Д.

ОГБОУ ВО СГИИ, Смоленск, Россия
gavronova0104@yandex.ru

Составная часть культуры – это культура использования языка. Требования к культуре речи различаются в разных странах. В одних культурах допускается небольшой обман из соображений тактичности, чтобы не обидеть собеседника, в других надо говорить правду, как бы она не была неприятна [6]. Это аспекты культуры использования языка. В связи с напряженной обстановкой в современном мире актуальность правильной передачи смысла сказанного или написанного и его интерпретации приобретает особую значимость.

Поэтому для передачи текста и создания качественного перевода переводчик должен погрузиться в культуру исходного языка и языка перевода: качественный перевод невозможен без детального знания языка и в тоже время культуры другого народа. Переводчик должен быть и специалистом в области межкультурной коммуникации: ему необходимо учитывать социальные нормы, особенности национальной идентичности и не провоцировать экономические, социальные и политические конфликты между культурами.

Одна из причин, затрудняющая межкультурную коммуникацию и понимание смысла сказанного – это лексико-фразеологические ограничения. Рассмотрим переводы актуальной русской пословицы «В чужой монастырь со своим уставом не ходят» на другие языки. Английский язык: «When in Rome, do as Romans do» (буквально: «Приехав в Рим, делай как римляне»). Немец-

кий язык: «Andere Länder, andere Sitten!» (буквально: «Другие страны – другие нравы!»). Французский язык: *En terre étrangère, fais ce que tu vois faire.* (буквально: «На чужой земле делай то, что видишь, как делать»). В каждой из этой культур народная мудрость старается предостеречь нас от того, что в современном языке называется термином: «конфликт культур» [5, с. 18].

Вспомним фразу, которую в ярости произнес Никита Сергеевич Хрущёв в 1959 г. в США: «Я Вам покажу Кузькину мать!». В русских пословицах и поговорках Кузьма изображается как злой, мстительный и боевой персонаж. Но данная реалья неизвестна носителям английского языка. Другой вопрос, как же правильно в данном случае поступить переводчику, чтобы не спровоцировать конфликт? Если перевести буквально, это будет очень вульгарно: «I will show you, motherfucker!» (букв. Я тебе мать твою покажу!). Но, к счастью, в тот момент, переводчик растерялся и перевёл дословно «мать Кузьмы», поэтому полного смысла этого выражения американцы не поняли [3]. Несмотря на то, что с тех пор прошло много лет, переводчики до сих пор обсуждают, как лучше перевести данное выражение, и предложено уже много вариантов.

В последние годы другой политик, министр иностранных дел РФ, Сергей Викторович Лавров постоянно озадачивает переводчиков: «Хватит Западу Ваньку валять и наводить тень на плетень!», «Из-за этого у нас руки не доходили до других вещей», «Это шабаш, где Запад пестует неонацистские настроения», «Глядя на него, вспоминается хорошее выражение: не умеешь пить – не пей!»!, «Что касается мячей, мы в разные игры играем: у них, может быть, там бейсбольный мяч, у нас – чижик от лапты», «Пацан сказал – пацан сделал». К сожалению, журналисты не всегда справляются с переводом данных цитат и запутывают американцев и других иностранных подписчиков, которые начинают искать «скрытый смысл» в ярких фразах [2]. Перевод данных выражений постоянно обсуждается на форумах переводчиков: в основном предлагают нейтральные переводы без отрицательной коннотации или описательный перевод. В любом случае ясно, что англоязычной аудитории в силу разного менталитета просто непонятны такие эмоциональные выражения русского языка, и задача переводчика – донести смысл и дать качественный перевод, который в то же время не должен повредить авторитету нашей страны.

Проблема разрешения конфликта между своим и чужим перед переводчиком стоит очень часто. Например, нам всем известно, что наши – это «разведчики», а иностранцы – «шпионы». Но всё зависит от того, для кого мы переводим. В глоссарии Совета Россия-НАТО предложены варианты слова «боевик» [4]. В ходе чеченских войн слово «боевик» в политическом дискурсе несло отрицательную коннотацию и описывало «чужого» в русском языке: для русского человека в каком-либо чеченском конфликте участвовали боевики. Если же это самое событие описывалось в англоязычной прессе, встречалось только положительно окрашенное «*rebel*» («повстанец»), зачисляющее его в ряды «своих», т.е. для одних это «повстанец», а для других – «бандит». Поэтому переводчик решает эту проблему всякий раз, в зависимости от направления перевода, от позиции, которую он занимает. И эта общекультурная проблема оказывается совершенно безразличной при взаимодействии с представителями разных стран [1].

Итак, мы не переводим слова: переводчику нужно работать с содержанием, со смыслом текста и вербализовать картину мира наиболее адекватным способом, чтобы межкультурное взаимодействие и коммуникация прошли успешно.

Литература

1. *Бойко Л.Б.* «Свой – чужой» в переводе // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: Материалы Второй науч.-практ. конф. Т. 2. М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2015. С. 560-564.
2. Журналист не смог перевести слова Лаврова и запутал американцев. URL: <https://ria.ru/20220128/chizhik-1770055045.html?ysclid=lltb8stio7598608902> (дата обращения: 27.08.2023)
3. *Корзун В.* «Я вам покажу Кузькину мать»: крылатые фразы Никиты Хрущева. URL: <https://info.sibnet.ru/article/535628/?ysclid=llv458ppo4122010664> (дата обращения 28.08.2023).
4. Сводный глоссарий Совета Россия – НАТО по сотрудничеству. Москва-Брюссель. 2011. 368 с. URL: http://vsenato.ru/wp-content/uploads/2019/09/glossary_part_1_en-ru_.pdf?ysclid=lltnwfxzuu531785769 (дата обращения: 27.08.2023)
5. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности «Лингвистика и межкультур. Коммуникация». Москва: Слово/Slovo, 2000. 261 с.
6. *Шмелев А.Д.* Понимание культуры через язык. URL: <https://postnauka.org/video/30632> (дата обращения 28.08.2023).

Кубачинцы: этническое самосознание и этнические стереотипы

Гаджимурдова З.М.

ФГБОУ ВО ДГПУ, Махачкала, Россия
gjt@mail.ru

Кубачи – это старинное высокогорное село в Дагестане (1600 м над уровнем моря). С VI до X века его называли Зирихгеран, что в переводе с персидского означало «кольчугоделатель». В V–X веках Кубачи – центр Зирихгерана, одного из раннегосударственных образований Дагестана. С 1921 года Кубачи находится в составе Дагестанской АССР.

Кубачинцы (самоназвание: угбуган, угбуганте, угбуг) – жители села Кубачи Дахадаевского района в Дагестане (5900 чел., оценка); живут также в городах Кавказа и Средней Азии (более 7 тыс. чел., оценка). Дагестанские исследователи А.А. Магомедов, Е.М. Шиллинг, А.Г. Гаджиев, Р.М. Магомедов считают кубачинцев субэтнической группой даргинцев, другие ученые – Р.Ф. Эркет, Х.Д. Френ, Г.Ф. Миллер, И.А. Гильденштендт, П.С. Паллас, Я. Патоцкий, Б.А. Дорн, А.С. Уваров, В.В. Бартольд считают их самостоятельным этносом. Говорят на кубачинском диалекте даргинского языка.

ка. Религия – ислам суннитского толка. В исторических сочинениях кубачинцы известны с VI века как зирихгераны (перс. «кольчужники»), а с XV века как кубачинцы (турец. «кольчужники»). Специфика кубачинского этноса состоит в том, что его жители говорят на одноаульном кубачинском языке. Кубачинцы с древнейших времен известны по всему миру как мастера по работе и резьбе по металлу и серебру; имеют своеобразную культуру, обычаи, традиции.

Специальное исследование особенностей этнического самосознания кубачинцев проводилось с 2016 по 2022 гг. в селении Кубачи и городе Махачкала. Выборка включала в себя всего 200 испытуемых (100 человек взрослого населения и 100 человек молодежи).

Научный инструментарий: включенное наблюдение, этнопсихологический опросник З.М. Гаджимурадовой; методика этнических стереотипов Д. Катца и К. Брейли; шкала социальной дистанции Э. Богардуса.

Анализ результатов исследования выявил интенсивную направленность испытуемых на свою этничность: исключительное знание родного языка и использование его во внутрисемейном и внутриэтническом общении, знание и соблюдение в быту религиозных обычаев и традиций обрядовой жизни своей общности.

Внутриэтническая идентификация кубачинцев предполагает также знания строго выработанных в обществе приветствий на родном языке. Кубачинцы говорят: «Сильдикулдан!» (Чем занимаетесь? чем заняты? что делаете? как поживаете?) – эти приветствия носят вопросительный характер. Но существуют еще многие собственные приветствия. В зависимости от времени суток, говорят: «Далгынтай!» (Доброе утро!), «Дучче Гях духаб!» (Спокойной ночи!), если человек занят делом, к женскому полу обращаются словами: «Йидяхивди?», а к мужскому – «Видяхивди?» (Как работа? как успехи?), и желают ему: «Гяче самат духаб» (Пусть не усложнится ваша работа, или легкой вам работы). При встрече идущего человека навстречу, обращаются к нему со словами: «Сигьулди (Сайигьулди – к женскому полу)?» (Приветствую идущего, прибываете?). Это обращение с вопросительным оттенком. На что отвечают идущие: «Ливдаква сигьул (лийдаква сайигьул – ответ женщины) – Спасибо, иду, прибываю). Также форма обращения к идущему меняется в зависимости от того, откуда он направляется навстречу (на подъеме, на спуске или на ровной местности).

Важная роль в общении принадлежит *благопожеланиям*. Кубачинские благопожелания используются в повседневном общении по случаю рождения ребенка, оказания услуг, покупки, постройки дома, женитьбы, горя, болезни. Они ориентируют человека на развитие и поддержание положительных эмоций, хорошего настроения, взаимной симпатии. По случаю рождения ребенка у кубачинцев принято говорить: «Аллагьле бичивзив (Бичибзий – если девочка) гьаттаваб» («Пусть вырастет одаренным богом»). При выражении соболезнований родственникам покойных кубачинцы говорят: «Алжана бикаб» («Да одарен он будет раем»). При встрече приезжих издалека, принято встречать гостя со словами: «Баркатла ухе (Юхе – женскому полу)!» («Пусть добро сопутствует тебе»). Провожают кубачинцы со словами: «Саламат ви́кье (Йикье – женскому полу)!» («Счастливого пути!»).

Анализ фактического материала показал, что в комплексе народных верований кубачинцев сохранены следы глубоко укоренившихся в них культов

языческих божеств и в частности, божества огня и связанных с ним проклятий. Есть у кубачинцев проклятия, связанные с огнем: «Цал викв» («Стори огнем»), «Ила уке бецл» («Да сгорит сердце твое»), «Цал якъ» («Огнем (молнией) чтоб, ты был повергнут»).

Проклятия, как эмоциональный аспект самосознания, несут в себе заряд деструктивного воздействия на психику человека, на содержание этнического самосознания, что и позволило нам классифицировать их следующим образом:

Проклятия, относящиеся к имени, к роду: «Вигьет» («Чтоб род твой исчез с лица земли, вместе с тобой»), «Бикканте кгЯх» («Чтоб родных твоих убили»), «Вагь валъ» («Чтоб твоих родителей зарубили»), «Къали буг» («Чтоб без семьи ты остался»). Проклятия эти направлены на социальное непризнание, отчуждение и презрение. Проклятия, направленные на будущее: «Ахир сяммякъ» («Чтоб не сложилась жизнь твоя»), «Ахир зябакъ» («Пусть будет испорчена твоя жизнь»), «Вивак» («Чтоб упаковали, сложили тебя»), «Чарухмах» («Не возвратись»).

Е.М. Шиллинг отмечает, что «...фольклорные предания и более ранние сведения говорят о распространении в с. Кубачи христианства, а еще ранее зороастризма» [1, с.357].

Этническая идентификация кубачинцев шла и через отношение к именам собственным. Выявлен высокий уровень приверженности к традиционным именам, вплоть до языческой привязанности

Большое влияние на качественный состав именника кубачинцев оказал ислам. Мусульманские имена составили основной пласт кубачинского именника и в процессе освоения стали восприниматься как исконные. Одним из наиболее употребляемых мусульманских имен у старшего поколения является имя пророка Мухаммада или его разновидности, а также Курбан, Гаджи, Расул, Али, Абдулла, Шапи, а у женщин - Патимат, Хадижат, Аминат, Айшат. Часто встречаются двойные имена как у мужчин: Гаджи Али, Гаджи Гасан, Гаджи Гусейн, Гаджи Магомед, Гаджи Иса, так и у женщин: Гаджи Хадижа, Гаджи Айша, Гаджи Нина, Гаджи Киз.

Надо отметить, что среди личных имен кубачинцев встречаются имена, характерные для последователей иудейской религии, такие, как Сара (Тубче Сара, Алжан Сара), а также родовая фамилия Изгялалхъалла – Изгияевы, где суффикс – хъалла выражает принадлежность к конкретному роду, тухуму. Возможно, в этих именах запечатлены следы иудаизма, проникшего в «царство» Зирихгеран в раннем Средневековье.

Предположительно с бытовавшим в прошлом у кубачинцев христианством могут быть связаны такие родовые фамилии, как Илленхъалла – Ильяновы, Багъданхъалла – Багдановы.

Реликтом тотемизма является у кубачинцев родовая фамилия, производная от названия быка – Бугъахъалла. Бугъа – означает «бык», а суффикс – хъалла принадлежность к определенному роду (тухуму). Представляется, что пережиточные явления, связанные с культовым значением быка, которые сохранились у кубачинцев, имеют определенную связь с религией Передней и Средней Азии, в частности, древнеиранских племен, для которых было характерно почитание мифического первозданного быка, давшего начало злакам и рогатому скоту. Как пишет К.В. Тревер, «в зороастрийских гимнах образы человека и быка лежат в основе всего сущего, – и в Малой Авесте, от-

ражающей культуру уже земледельческого периода, бык и в жизни, и в культуре играет первейшую роль» [2, с.81].

Особенность *половой идентификации* у кубачинцев выражается в наличии жесткой половой дифференциации, определяющей и регулирующей отношения между представителями полов, чьи функции детерминированы традиционными представлениями о роли и месте мужчины и женщины [3, с. 308–312]. У кубачинцев мужчина – «столп дома», продолжатель рода, смелый, независимый, заботливый, защитник семейного очага. В женщине ценится скромность, терпеливость, покладистость, хозяйственность.

Специальное исследование *авто- и гетеростереотипов* кубачинцев по линии приписывания характерных признаков себе и «другому» этносу выявило высокий уровень самопрятия, направленность на свой этнос. Они считают себя смелыми, трудолюбивыми, добрыми, самодостаточными, дружелюбными, предприимчивыми, искусными мастерами. Чувство религиозной близости (ислам) с другими народами Дагестана, похожесть по многим психическим свойствам и знание традиционных норм межличностного общения являются основными характеристиками высокой степени взаимопрятия по отношению к другим дагестанцам. Сохранен эндогамный характер брака (как и у всех других этносов Дагестана), который обеспечивает самосохранение кубачинского этноса.

Литература

1. Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографический этюд. М. – Л, 1949.
2. Тревер К.В. Гопатшах – пастух– царь // ТОВЭ, 1940. Т. 2. С. 7186.
3. Гаджимурадова З.М. Фемелогия этнического самосознания дагестанцев (в ретроспективе истории и в начале XXI века). Махачкала: АЛЕФ, 2022. 343 с.

Связь копинг-поведения с этнической принадлежностью и регионом проживания

Гуриева С.Д., Афанасьева Ю.А.
ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
gurievasv@gmail.com, afanaseva.y@mail.ru

В интересах формирования конструктивных способов преодоления многообразных стрессов в повседневной жизни, необходимо изучать копинг-поведение разных этнических групп, а также факты влияния региона проживания и этнической принадлежности на формирование и проявление совладающего со стрессом поведения. Подобные исследования способствуют лучшему пониманию целостного функционирования личности как субъекта межэтнического взаимодействия [2, с.202].

С целью изучения влияния этнической принадлежности и региона проживания на копинг-поведение нами были опрошены представители русской и осетинской этнических групп, проживающих в двух полиэтнических и поликонфессиональных городах Российской Федерации: во Владикавказе – сто-

лице Республики Северная Осетия-Алания и в Санкт-Петербурге – городе федерального значения. Возраст испытуемых составил от 22 до 32 лет. Общий объем выборки составил 306 респондентов.

Эмпирическое исследование было проведено с использованием следующих методик: Методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях (CISS)» разработанная Н. Эндлер, Д. Паркер (адаптированная Т.Л. Крюковой), использована с целью определения эмоциональных, когнитивных и поведенческих аспектов копинг-поведения; «Опросник совладания со стрессом (COPE)» разработанный К. Карвер, М. Шейер и Дж. Вейнтрауб (адаптированный Е.И. Рассказовой, Т.О. Гордеевой и Е.Н. Осиным), использовался с целью выявления преобладающих копинг-стратегий; Авторская анкета, направленная на изучение социально-демографических характеристик респондентов.

С помощью двухфакторного дисперсионного анализа определено влияние этнической принадлежности на эмоционально-ориентированный копинг ($p < 0.05$), который проявляется в: концентрации на эмоциях, обращении к религии, юморе. Также определено влияние региона проживания на проблемно-ориентированный копинг ($p < 0.05$), который проявляется в: использовании инструментальной и эмоциональной социальной поддержки и активном совладании. Совместный показатель этнической идентичности и региона проживания влияет на копинг, направленный на избегание ($p < 0.05$), который проявляется в: отвлечении и социальном отвлечении, подавлении конкурирующей деятельности, сдерживании совладания и поведенческом уходе от проблемы.

Показатели «эмоционально-ориентированного копинга» респондентов г. Санкт-Петербург выше, чем у респондентов г. Владикавказ, что может свидетельствовать о чрезмерных эмоциональных реакциях первых в ситуации кризиса или стресса. Однако у представителей осетинской этнической группы вне зависимости от региона проживания выявлены высокие значения данной шкалы. Полученные результаты подтверждают факт влияния этнической принадлежности на эмоционально-ориентированный копинг.

Показатели шкалы «Проблемно-ориентированного копинга» среди респондентов, проживающих в г. Владикавказ, выявлены высокие. Это может говорить о том, что в трудной жизненной ситуации жители г. Владикавказ (как русские, так и осетины) скорее будут искать информацию о том, как выйти из сложившейся ситуации, обдумывать и составлять план решения проблемы и могут удерживать себя от импульсивных поступков.

«Копинг, направленный на избегание», «Отвлечение» и «Социальное отвлечение» выше у представителей русской этнической группы, проживающей в г. Владикавказ. Таким образом, данная группа чаще направлена на ограничение контактов с окружающей действительностью и уходу от решения возникающих проблем в ситуации стресса.

Однако, также обнаружены высокие показатели по шкале «Отвлечение» и «Социальное отвлечение» у представителей осетинской этнической группы из Санкт-Петербурга, что может говорить о том, что в трудных ситуациях данная группа отдает предпочтение занятию различными делами, не решая образовавшуюся проблему, и склонны общаться с другими людьми, но не с целью разрешения возникшей проблемы, а скорее с целью выговориться и тем самым снять эмоциональное напряжение [1, с.28].

Респонденты, принадлежащие разным культурам, но при этом имеющие один и тот же этнический статус, пользуются как схожими, так и различными способами борьбы со стрессом. На выбор копинг-поведения влияние оказывает как этническая принадлежность, так и социокультурная среда проживания.

Проведенное исследование способствовало обнаружению еще и факта влияния статуса этнической группы на проявление совладающего со стрессом поведения. Представители изучаемых этнических групп, в зависимости от региона проживания, демонстрировали взаимодополняющее копинг-поведение. Напрашивается вывод о том, что представители «этнического большинства» и «этнического меньшинства» русской и осетинской этнических групп, проживающих в условиях единой социокультурной среды, проявляют противоположные стратегии копинг-поведения, что может говорить о желании группы сохранить свою этнокультурную специфику с одновременным пониманием и уважением к специфике другой культуры, что позволяет испытать чувство групповой солидарности и принадлежности к единому целому [3, с. 133].

Основные результаты и выводы настоящего исследования можно использовать в качестве основы психологического сопровождения и консультирования подростков, а также при разработке учебных программ по этнической, кросс-культурной психологии, психологии стресса, психологии межнациональных отношений и психологии совладающего поведения.

Литература

1. *Афанасьева Ю.А. Гурьева С.Д.* Этнопсихологические особенности копинг-поведения у осетин и русских // *Современные исследования социальных проблем (Russian Journal of Humanities)*, 2019. Т. 11. № 3. С. 27–36. DOI: 10.12731/2077-1770-2019-3-27-36
2. *Гурьева С.Д., Свенцицкий А.Л.* 60 лет социальной психологии в СПбГУ: от истоков к новым достижениям // *Социальная психология и общество*, 2022. Т.13. № 4. С.200–208.
3. *Крюкова Т.Л.* Культура, стресс и копинг: социокультурная контекстуализация совладающего поведения. 2015. 235 с.

Кросскультурный анализ жизнеспособности бурятской и русской молодежи

Дагбаева С.Б., Сараева Н.М., Суханов А.А.

ФГБОУ ВО ЗабГУ, Чита, Россия

soela@bk.ru, saraiewa@mail.ru, suhanob-71@mail.ru

Современная социальная ситуация и условия существования в нашей стране и в мире приводят к значительному росту напряженности психической деятельности человека, предъявляют повышенные требования к его психологической устойчивости, выносливости, умению приспособиться к трудным жизненным обстоятельствам, – то есть становятся реальным вызовом его жизнеспособности. К важным аспектам жизнеспособности относятся ее этнопсихологические харак-

теристика. Несмотря на то, что жизнеспособность является свойством общечеловеческим, она может иметь национально специфические характеристики, формы проявления, факторы становления. Речь идет не о каких-то отдельных уникальных национальных особенностях, а, скорее, об отличающихся сочетаниях всем присущих черт, о возможных отличиях в иерархии компонентов внутри структуры жизнеспособности людей разной национальности.

Жизнеспособность понимается как «индивидуальная способность управлять собственными ресурсами: здоровьем, эмоциональной, мотивационно-волевой, когнитивной сферами в контексте социальных, культурных норм и средовых условий» [1, с. 294]. Понятием жизнеспособности охватывается следующее содержание: это способность человека к преодолению неблагоприятных жизненных обстоятельств с возможностью восстанавливаться и использовать для этого все возможные внутренние и внешние ресурсы, способность к жизни во всех ее проявлениях, способность существовать и развиваться [2; 4].

Цель исследования – с помощью сравнительного эмпирического анализа установить, существуют ли у представителей русской и бурятской молодежи (от 15 до 24 лет) отличия в показателях жизнеспособности, в значимости (иерархии) ее структурных компонентов и факторов, обеспечивающих ее уровень.

Методы исследования. Диагностика осуществлялась по Опроснику «Resilient Youth in stressed environments» - «Жизнеспособная молодежь в стрессовых условиях», RYSE [3]. В исследовании использовался также метод контент-анализа содержаний, которыми испытуемые заканчивали составленные нами незаконченные предложения. По полученным данным рассчитывались средние значения и стандартные отклонения переменных, осуществлялся сравнительный анализ с помощью критерия Стьюдента (t) для двух независимых выборок: выборки русских студентов и выборки бурятских студентов, проводился корреляционный анализ данных по К. Пирсону.

Выборка исследования. По опроснику RYSE диагностику прошли: русских 109 человек, бурят – 98 человек. С незаконченными предложениями работали 85 русских и 87 бурятских студентов. Общий объем выборки – 379 человек. Регион проживания – Забайкальский край.

Выводы. Показатели жизнеспособности и русской, и бурятской молодежи соответствуют высокому уровню. Но существуют некоторые отличия в иерархии ряда компонентов жизнеспособности, внутренних и внешних ресурсов, факторов ее поддержки и рисков.

Корреляционный анализ данных дает основания для вывода о более сильной связи общей жизнеспособности респондентов-бурят с религиозностью, опорой на традиции и национальную культуру, с позитивной оценкой детства. У респондентов-русских показатели общей жизнеспособности также коррелируют с названными переменными, но значения коэффициентов корреляции несколько ниже. Индивидуальная жизнеспособность бурятских респондентов имеет более высокий коэффициент связи с общей жизнеспособностью, чем у русских респондентов.

Материалы контент-анализа показали, что процентное распределение относительных частот категорий анализа не обнаруживает отчетливых различий между выборками русских и бурятских респондентов. Но существуют некоторые отличия. Так, опора на собственные силы, на семью и близких людей, на друзей, важна для жизнеспособности молодых людей, независимо

от их национальности. Но роль семьи в их жизни оценивается выше респондентами-бурятами, чем русскими. Показатели религиозности, принятия традиций и культуры своего народа также выше в выборке бурятских респондентов. А эти переменные вносят дополнительный вклад в жизнеспособность человека, увеличивая ее потенциал.

Таким образом, не обнаружены резко выраженные отличия в уровне жизнеспособности русской и бурятской молодежи, но выявлены некоторые обусловленные этнокультуральными особенностями образа жизни отличия в значимости (иерархии) ряда ее структурных компонентов. Отсутствуют признаки существования каких-то отдельных уникальных национальных особенностей в жизнеспособности представителей русской и бурятской молодежи, но можно увидеть отличия в связях, сочетаниях черт, присущих людям разной национальности.

Авторы надеются, что проведенное исследование поможет составить представление о том, какие этнокультуральные характеристики вносят больший вклад в обеспечение жизнеспособности молодого человека русской и бурятской национальности.

Литература

1. Жизнеспособность молодежного населения в регионе экологического неблагополучия (в Забайкальском крае): коллективная монография / Н.М. Сараева, А.А. Суханов, И.Л. Галиакберова, Э.А. Мысникова, Р.Р. Ишмухаметов / под научной ред. Н.М. Сараевой. Чита: издательство ЗаБГУ, 2019. 260 с.
2. *Махнач А.В.* Жизнеспособность человека: измерение и операционализация термина // Психологические исследования проблем современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 54-83.
3. *Махнач А.В., Лактионова А.И.* Жизнеспособность подростка: понятие и концепция // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 290–312.
4. *Махнач А.В., Лактионова А.И., Постылякова Ю.В., Горьковская И.А., Микляева А.В., Сараева Н.М., Суханов А.А., Терон Л., Унгар М.* Сравнительный анализ жизнеспособности молодежи из регионов с разными культурно-социальными и экологическими условиями // Психологический журнал, 2021. Том 42. № 4. С. 16–27.

Теоретические и практические аспекты формирования межкультурной компетентности

Данчевская О.Е.¹, Матвеев А.В.², Эйтон А.³

¹ФГБОУ ВО МПГУ, Москва, Россия

²независимый исследователь, Москва, Россия

³СПбГТИ (ТУ), Санкт-Петербург, Россия

Успешное взаимодействие в межкультурной среде требует определённого уровня межкультурной компетентности – способности, приобретённой на основе знаний и установок, позволяющей эффективно работать в контексте

различных культур [5]. На межкультурную коммуникацию большое влияние оказывает культурная дистанция, или степень близости культур. Если при взаимодействии с новыми культурными ценностями человек считает их полезными, то он с большей вероятностью изменит свои прежние и примет новые (механизм «губка для разума») [11]. Например, приехавший на работу в Россию профессор из культуры с низкой дистанцией власти может принять новые культурные ценности и обращаться к студентам на «Вы», приветствовать мужчин рукопожатием и вставать для приветствия коллеги [4].

Для лучшего понимания процессов межкультурной коммуникации был разработан ряд теорий. Одной из основополагающих считается теория кросс-культурной адаптации Я. Ким, рассматривающая адаптацию как многоэтапный процесс, в ходе которого человек постепенно привыкает к новым условиям [8]. Среди наиболее востребованных на сегодняшний день выделяется теория снижения неопределённости Ч. Бергера и Р. Калабреса, которые утверждали, что при первых контактах люди испытывают напряжённость, поскольку не знают, что им ожидать от собеседника [7]. Не менее интересны и другие популярные теории, такие как теория координированного управления смыслами Б. Пирса и В. Кронена, конструктивистская теория межкультурной коммуникации П. Бергера и Т. Лукмана, теория социальных категорий и обстоятельств М. Бантона, теория конфликтов на основе работ Л. Гумпловича и теория культурной грамотности Д. Хирша [3].

Понимание теоретических основ межкультурного общения приводит к обобщению этих знаний и опыта в форме концептуальных моделей межкультурной компетентности. При наличии ряда моделей следует особенно отметить композиционные модели и модели развития [5; 9]. Композиционные модели определяют компоненты межкультурной компетентности без описания отношения между ними [5]. Например, «Модель межкультурной компетентности в сотрудничестве» выделяет четыре параметра: навыки межличностного общения, эффективность взаимодействия в коллективе, отношение к межкультурной неопределённости и межкультурную эмпатию [1; 5; 9; 10].

В свою очередь, модели развития предполагают, что продолжительные межкультурные взаимодействия приводят к более компетентным межкультурным отношениям благодаря более глубокому межкультурному познанию и формированию поликультурного мировоззрения. Основываясь на психологии развития, эти модели выделяют определенные этапы роста, показывающие движение от более низкого уровня межкультурной компетентности к более высокому [5]. Широкое применение нашла «Модель развития межкультурной чувствительности» М. Беннетта [6]. В её основе лежит предположение о том, что уровень межкультурной компетентности человека повышается при встрече со сложными и тонкими формами культурных различий. Взаимодействующие переходят от этноцентристского, монокультурного мировоззрения к более дифференцированному, сложному, этнорелятивистскому, поликультурному [5; 6].

Навык межкультурной компетентности – важнейший из гибких навыков – сегодня столь высоко ценится во всех сферах деятельности. Человеку, обладающему высоким уровнем межкультурной компетентности, будет проще приспособиться к новым условиям и ситуациям и не составит особого труда найти общий язык с представителями любых культур. Межкультурную компетентность можно и нужно развивать, поскольку эти навыки – залог успеш-

ного взаимодействия человека с окружающими в любых контекстах общения. Рекомендуется включать обучение межкультурной компетентности в программу вузов [2], проводить тренинги в организациях, а также регулярно применять эти навыки на практике.

Литература

1. *Гриценко В.В., Павлова О.С., Ткаченко Н.В., Усубян Ш.А., Хухлаев О.Е., Шорохова В.А.* Анализ зарубежных эмпирических моделей межкультурной компетентности // Современная зарубежная психология, 2020. Т.9. №3. С. 108–117.
2. *Данчевская О.Е.* Культурная компетентность как основа современного социогуманитарного образования // Культурология в теориях и практиках: к 30-летию кафедры культурологии МПГУ. М.: МПГУ, 2022. С. 89–97.
3. *Данчевская О.Е.* Межкультурная компетентность как вызов времени // Межкультурная компетентность. Теоретические основы. Пер. с англ. / А.В. Матвеев. – М.: Типография Паблит, 2023. С. 15–35.
4. *Комольцев С., Эйтон А.* Стереотипы о России // Специальный выпуск журнала «Экономический вектор»: материалы III Межд. науч.-практ. конф. «Экономика и менеджмент». СПб., 2018. Т.3. №1. С. 532–534.
5. *Матвеев А.В.* Межкультурная компетентность. Ключевые понятия / Пер. с англ. М.: Типография Паблит, 2021.
6. *Bennett M.J.* A developmental approach to training for intercultural sensitivity // International Journal of Intercultural Relations. 1986. Vol. 10. P. 179–196.
7. *Berger Ch.R., Calabrese R.J.* Some explorations in initial interaction and beyond: Toward a developmental theory of interpersonal communication // Human Communication Research. Jan. 1975. Vol. 1(2). P. 99–112.
8. *Kim Y.Y.* Toward an interactive theory of communication-acculturation // Communication Yearbook 3 / Ed. B. Ruben. 1979. P. 435–453.
9. *Matveev A.V.* Intercultural Competence in Organizations: A Guide for Leaders, Educators and Team Players. Management for Professionals Series. N.Y.: Springer Science & Business and Media Group, 2017.
10. *Matveev A.V., Nelson P.E.* Cross cultural communication competence and multi-cultural team performance: Perceptions of American and Russian managers // International Journal of Cross-Cultural Management. 2004. Vol. 4. № 2. P. 253–270.
11. *Vuong O., Napier N.K.* Acculturation and global mindspunge: An emerging market perspective // International Journal of Intercultural Relations. 2015. Vol. 49. P. 354–367.

Исследование профессиональной идентичности личности в условиях эмиграции

Даутова Э.Ш.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
davydova.pr@mail.ru

В условиях глобализации и мировой информатизации общества меняются стандарты и требования к разным профессиям, создавая условия для профессионального развития и одновременно подвергая проверке профессиональное самоопределение и профессиональную идентичность индивида, что особенно актуально и проявляется в условиях кросс-культурной эмиграции.

Профессиональная идентичность личности – «психологическая категория, относящаяся к осознанию своей принадлежности к определенной профессии и определенному профессиональному сообществу» [4, с.42]. Структура идентичности динамична и развивается на протяжении всей жизни человека. Так, автор методики исследования профессиональной идентичности Л.Б. Шнейдер подчеркивает, что личность проходит определенные этапы развития, каждому из которых соответствует определенный статус идентичности: преждевременная и диффузная идентичность, мораторий идентичности, достигнутая позитивная и псевдопозитивная идентичности [4].

В результате переезда человек сталкивается с разными трудностями: утрата дома, разрыв прежних социальных связей, потеря социального статуса и привычного предметно-культурного окружения в совокупности со стрессом аккультурации и кризисом идентичности личности [1; 2].

Наше исследование направлено на изучение психологических особенностей профессиональной идентичности личности в процессе самореализации в значимой профессиональной деятельности в условиях эмиграции. В исследовании приняло участие 134 человека трудоспособного возраста от 30 до 35 лет (средний возраст), 83% с высшим образованием разных профессий (программисты, дизайнеры, инженеры, педагоги, менеджеры, бухгалтеры и др.). Из них 80 русскоговорящих эмигрантов (25 мужчин и 55 женщин), переехавших в страны СНГ и Европы в течение 2022 года и 54 жителя России (8 мужчин и 46 женщин).

В качестве гипотезы исследования мы выдвинули предположение о том, что статус профессиональной идентичности эмигрантов ниже, чем у жителей РФ. Это обусловлено возможным кризисом идентичности и изменениями профессиональной востребованности личности в условиях эмиграции.

Для проверки гипотезы респондентам были предложены: «Методика исследования профессиональной идентичности личности» МИПИ (Шнейдер Л.Б.), выявляющая статус профессиональной идентичности, методика «Профессиональная востребованность личности» ПВЛ (Харитоновна Е.В.), направленная на исследование оценки профессиональной деятельности, отношение других и самоотношение к себе как значимому профессионалу, реализовавшему свой потенциал, и авторская анкета направленная на выявление социально-демографических данных.

По результатам исследования по методике МИПИ выявлены следующие показатели статуса профессиональной идентичности: в выборке эмигрантов

среди мужчин и женщин преобладает статус «Мораторий». Этот статус идентичности характеризуется кризисом идентичности и сопровождается высоким уровнем тревожности. У жителей России преобладает статус «Достигнутая идентичность» (позитивная зрелая идентичность) – у мужчин, и «Псевдопозитивная идентичность» – у женщин, указывающая на развитие гиперидентичности и нарушение механизма самоидентификации. Сравнительный анализ по двум группам показал, что у женщин показатели выраженности профессиональной идентичности выше, чем у мужчин.

Полученные данные подтверждают гипотезу и предполагают ситуацию кризиса профессиональной идентичности у эмигрантов. Эти показатели соотносятся с данными, полученными в результате социально-демографического опроса, где респонденты-эмигранты указали на факторы влияния новой среды на их профессиональную деятельность: трудности языкового барьера в результате переезда в 32% случаев, 17% отметили высокую конкуренцию на рынке труда, а 13,6% столкнулись с невостребованностью своей профессии. В результате действия всех указанных факторов 45% респондентов планируют, а 33% задумывались о дополнительном профессиональном обучении и повышении квалификации.

Показатели по методике ПВЛ соответствуют среднему значению, и различий по уровню профессиональной востребованности между группами респондентов выявлено не было. По данным социально-демографического анкетирования 15% испытуемых эмигрантов на момент исследования указали рабочий статус «безработный», 6,8% устроились не по специальности, что свидетельствует о невостребованности некоторых профессий, требует повышения квалификации или смены профессиональной деятельности и, как следствие, может приводить к депрофессионализации, снижению профессионального статуса, либо утрате профессиональной идентичности личности [3].

В то же время часть эмигрантов востребованы: 23,9% смогли устроиться в стране прибытия по специальности, а 34,1% сохранили прежние рабочие места в стране исхода. Для представителей одних профессий в силу востребованности на международном рынке труда формируются лояльные и комфортные условия для релокации, что создает возможности для непрерывного профессионального развития мигрантов.

Выводы. С одной стороны, в условиях эмиграции повышается риск кризиса профессиональной идентичности, обусловленный барьерами профессиональной реализации по месту прибытия. С другой стороны, перспективы и возможности современных каналов коммуникации обеспечивают сохранение социальных контактов и расширяют возможности профессиональной самореализации без привязки к географическому местоположению, в результате чего мы можем наблюдать сохранение прежних рабочих мест, непрерывность профессиональной востребованности личности в условиях эмиграции, что подтверждается результатами нашего исследования.

Литература

1. *Гриценко В.В.* Русские среди русских: проблемы адаптации вынужденных мигрантов из стран Средней Азии и Казахстана в России // Этническая психология и общество /Отв. ред. Н.М. Лебедева. М., 1997. С.306–315.

2. *Пикулева О.А.* Психология самопрезентации личности: монография. М.: Инфра, 2017.
3. *Рикель А.М.* Профессиональная Я-концепция и профессиональная идентичность в структуре самосознания личности. Часть 2 // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 3(17).
4. *Шнейдер Л.Б.* Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления: автореф. дис. д-ра психол. наук. Москва, 2001.

Культурно-исторический подход к психологическому анализу религиозного сознания

Двойнин А.М.

¹ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ», Москва, Россия

alexdvoinin@mail.ru

Проблема природы, психологической структуры и психологических механизмов формирования религиозного сознания является одной из актуальных проблем психологии религии. В современной науке нет единства в трактовке структурной организации религиозного сознания, а представления о механизмах его формирования носят достаточно обобщенный характер (например, отсылая к базовым социально-психологическим механизмам внушения, убеждения или к комплексному процессу индоктринации).

В настоящее время среди исследователей-религиоведов естественнонаучной ориентации сложились два ключевых подхода к анализу религиозных проявлений психики: когнитивный и эволюционный.

В рамках когнитивного подхода религиозные репрезентации рассматриваются как продукт незначительных когнитивных нарушений – житейских и интуитивных ожиданий, касающихся физических, биологических, рукотворных и т.п. объектов. Например, житейская биология говорит нам о том, что всякое живое существо смертно. Однако существование живого, но бессмертного сверхъестественного существа нарушает наши интуитивные ожидания. «Культурный успех» таких репрезентаций объясняется не их полезностью или потребностями людьми в них, а тем, что они легче привлекают внимание и запоминаются; ими гораздо проще овладеть, чем другими (P. Boyer, J.L. Barrett, D. Sperber). Проблема религиозного сознания в логике данного подхода фактически сводится к проблеме религиозного мышления как оперирования понятиями, которое определяется особенностями когнитивной «архитектуры» психики человека, а не культурными и социальными детерминантами. Чувственная, аффективная сторона религиозного сознания в концептуальных построениях когнитивных религиоведов не представлена.

В контексте эволюционного подхода, фундированного нейробиологическими исследованиями, религиозное сознание, как правило, предстает как религиозный опыт – некое переживание сакрального и сверхъестественного, которому ищутся соответствующие нейробиологические корреляты и маркеры (см., напр., N.P. Azari & M. Slors; A.B. Newberg & E.G. D'Aquili). Понятийная, знаково-символическая сторона и социокультурные факторы генезиса религиозного сознания практически остаются вне исследовательского фо-

куса. Те же эволюционные теории, которые оперируют категориями просоциальности, кооперативности и т.п., в своих объяснительных схемах и вовсе обходятся без понятия религиозного сознания, предпочитая бихевиористскую терминологию (см., напр., A. Norenzayan & A.F. Shariff).

Решение проблемы религиозного сознания так или иначе упирается в общепсихологические представления о сознании как таковом. В этом отношении психологами религии до сих пор не осмыслен эвристический потенциал культурно-исторического подхода Л.С. Выготского, в рамках которого был достигнут существенный прогресс в общепсихологической разработке проблемы сознания. Несмотря на присутствие в современном религиозно-психологическом поле ряда культурноориентированных исследовательских проектов, авторы которых ссылаются на идеи Л.С. Выготского (J.A. Belzen, T.A. Zittoun и др.), ключевые положения культурно-исторического подхода советского психолога не были систематически и корректно приложены к решению проблемы религиозного сознания.

Сознание, по Л. С. Выготскому, имеет семантическую природу и формируется в онтогенезе как результат овладения ребенком особой знаковой системой – языком [1]. Языковые знаки обладают *значениями*, освоение которых в процессе речемыслительной деятельности, позволяет ребенку выделить себя из среды (природной, предметной), т. е. осознать мир и себя как отдельные сущности. Можно сказать, что осознать объект – это приписать ему определенное значение. Помимо системы культурно-детерминированных значений структуру сознания образуют *личностные смыслы* – психические образования, выражающие субъективную значимость чего-либо для человека.

Если рассмотреть религию как систему особых культурных (знаково-символических) средств – «религиозных психологических орудий» (объектов, ритуалов, образов, значений) [2], то религиозное сознание предстает как результат наиболее сложной формы опосредствования человеком собственного поведения и психики – оперирования религиозными значениями (понятиями). Использование верующим в практической жизни религиозных нарративов и понятий (Бога, греха, ада, рая, спасения, просветления, джихада и т.п.) формирует структуру религиозного сознания – совокупность *семантических и смысловых связей*, интегрирующих различные элементы опыта человека. Например, тело для верующего становится «плотью» (религиозное значение) и субъективным источником искушений (личностный смысл), проявление агрессии – «грехом» и может восприниматься как проявление слабости духа и т.д.

С позиции культурно-исторического подхода, можно предположить, что религиозное сознание социально по происхождению и формируется в процессе овладения человеком собственной психикой, поведением, а также в процессе психологического овладения ситуацией. Психологическим механизмом его формирования, таким образом, выступает знаково-символическое опосредствование поведения человека религиозными психологическими орудиями (религиозными объектами, образами, значениями, ритуальными действиями). Можно сказать, что религиозное сознание представляет собой психологическую функциональную систему, результирующую процесс усвоения, главным образом, вербальных знаково-символических средств определенной религиозной традиции. В функциональном плане оно является психической функцией сигнификации (означивания) действительности религиоз-

ными значениями. Существенной характеристикой религиозного сознания, по-видимому, является частичная слитность субъективного и объективного планов действительности. Тогда религиозное действие (например, молитва, пост и т.п.) в своем объективном психологическом значении предстает перед исследователем как попытка верующего *психологически* воздействовать на объективную реальность с помощью религиозных знаково-символических средств.

Обобщая вышеизложенное, можно утверждать, что культурно-исторический подход к психологическому анализу религиозного сознания обладает большим потенциалом, требующим реализации в дальнейших теоретических и эмпирических исследованиях.

Литература

1. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Он же. Психология. М., 2000. С. 512–755.
2. *Двойнин А.М.* Природа религиозного сознания в оптике культурно-исторической психологии Л.С. Выготского // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение, 2022. Вып. 104. С. 123–143. DOI: 10.15382/sturI2022104.123-143.

Влияние внешней религиозности и религиозной практики на психологическую устойчивость личности мусульман в российских мегаполисах (на примере Москвы и Санкт-Петербурга)

Джуад Ю.Ю.

ФГБОУ МГППУ, Москва, Россия
DzhuadYuYu@mgpu.ru

Психологические исследования религиозности на сегодняшний день столь же актуальны, сколь и сложны. В поликультурном пространстве мегаполисов, таких как Москва и Санкт-Петербург, проблемы, связанные с межкультурным взаимодействием, проявляются достаточно сильно. Не редко камнем преткновения является религиозный фактор. Представители различных культур и, соответственно, носители разных религиозных традиций и светской этики имеют достаточно много предубеждений в отношении друг друга, что не редко приводит к конфликтам. Одним из таких предубеждений является представление о том, что религиозность в принципе является фактором риска, что религиозная личность более склонна к конфликтам, как внутренним, так и внешним. Многие исследователи, придерживающиеся секулярной традиции, связывают религиозность и вовлеченность в религиозную практику с низкой психологической устойчивостью, неблагоприятными факторами на стадии становления личности и даже с аддикцией [1]. Актуальность обращения к религиозности мусульман связана с непреодоленным до конца в российском обществе наследием двух первых десятилетий XXI века, изобилующих конфликтами и инцидентами, так или иначе связываемыми с носителями

исламской религии. Исходя из этого, целью данного исследования стало выявление с помощью количественных методов влияния религиозности на психологическую устойчивость личности на выборке мусульман Москвы и Санкт-Петербурга.

Выборка респондентов на первом этапе исследования состояла из 59 человек: 17 – москвичи и 42 – петербуржцы. Возраст опрашиваемых от 16 до 70 лет, из которых 9 мужчин и 50 женщин. Используя опросник Муссарат Джабен Хана «Шкала мусульманской религиозности» [4], опирающегося в разработанной им методике исследования мусульманской религиозности на конструкт Г. Олпорта [3], предполагающий выделение внешней и внутренней религиозности, на первом этапе нам удалось выявить корреляцию между внешней религиозностью мусульман Москвы и Санкт-Петербурга и их психологической устойчивостью. Внешняя религиозность, связывается автором концепта с «атрибутивным» отношением к религии в целом и к религиозной практике, в частности, как к средству достижения социальных целей. Психологическая устойчивость респондентов измерялась с помощью сокращенного опросника доминирующих психологических состояний Л.В. Куликова (ДС-6) [2].

Обработка результатов опросов показала, что большинство респондентов имеют средний уровень внешней религиозности (42 человека), в то время как низкий уровень выявлен у 14 человек, высокой степенью проявленности внешней религиозности не отличился ни один респондент. Проверка достоверности средних значений по шкалам Устойчивости и внешней религиозности между респондентами, проживающими в Москве, и респондентами, проживающими в Санкт-Петербурге, с помощью коэффициента Манна-Уитни показала, что различия средних величин достоверно значимы (на уровне $p=0,039$) между мусульманами Москвы и мусульманами Санкт-Петербурга только по шкале «внешняя религиозность». Это подтверждает, что у мусульман Санкт-Петербурга в большей степени проявлена внешняя религиозность, чем у мусульман, проживающих в Москве. Уровень значимости равен 0,039.

Обработка результатов опросов также показывает, как связаны показатели по шкалам психологической устойчивости с шкалой внешней религиозности. Статистически значимые связи обнаружены между шкалой «активное-пассивное отношение к жизненной ситуации» (АК) и внешней религиозностью ($r = 0,281$ при $p = 0,016$). Это означает, что с повышением значений по шкале «активное-пассивное отношение к жизненной ситуации» (АК) повышаются и значения по внешней религиозности и наоборот.

Между шкалой «Устойчивость-неустойчивость эмоционального фона» (УС) и внешней религиозностью связь отрицательная ($r = - 0,249$ при $p=0,029$). Это означает, что с повышением показателя по шкале «Устойчивость-неустойчивость эмоционального фона» (УС) снижается степень выраженности внешней религиозности и наоборот.

Также обратная зависимость обнаружена между шкалой «удовлетворенность-неудовлетворенность жизнью в целом» (УД) и внешней религиозностью ($r = - 0,240$ при $p=0,034$). Это означает, что с повышением показателя по шкале «удовлетворенность-неудовлетворенность жизнью в целом» (УД) снижается степень выраженности внешней религиозности и наоборот.

Еще одной задачей первого этапа исследования стала проверка гипотезы о влиянии религиозной практики на психологическую устойчивость мусульман – носителей низкой и средней внешней религиозности. Средством изме-

рения вовлеченности в религиозную практику послужил авторский опросник, включающий 22 вопроса с разным количеством вариантов ответа (от 3 до 5). Обработка результатов позволила разделить опрошенных на две группы. В первую группу попали респонденты, набравшие высокие баллы по 5-6 шкалам из 6 шкал устойчивости. Из 47 человек 14 показали высокий уровень вовлеченности в религиозную практику, 32 – средний уровень. Во второй группе оказались респонденты, набравшие высокие баллы по устойчивости лишь по 4-2 шкалам из 6 шкал устойчивости. Из 12 человек 7 продемонстрировали высокий уровень вовлечения в религиозную практику, 5 – средний. Таким образом получается, что мусульмане с высоким уровнем устойчивости обладают средней вовлеченностью в религиозную практику, тогда как мусульмане со сниженной устойчивостью демонстрируют более высокий уровень вовлеченности в религиозную практику.

Наиболее общие выводы, полученные на первом этапе исследования таковы.

- 1) В целом респонденты имеют высокий уровень психологической устойчивости по пяти шкалам из шести (кроме шкалы «активное-пассивное отношение к жизненной ситуации») (АК).
- 2) В целом респонденты имеют средний и низкий уровень выраженности внешней религиозности.
- 3) В целом респонденты имеют среднюю и высокую степень вовлеченности в религиозную практику.
- 4) Мусульмане с высоким уровнем устойчивости обладают средней вовлеченностью в религиозную практику, тогда как мусульмане со сниженной устойчивостью демонстрируют более высокий уровень вовлеченности в религиозную практику.

Литература

1. Денисова Л.В., Рогачева Т.В. Онтологические и социально-психологические основания религиозной аддикции: к постановке проблемы // Гуманитарный вектор. 2020. Т.15. № 4.
2. Куликов Л.В. Руководство к методикам диагностики психических состояний, чувств и психологической устойчивости личности. Описание методик, инструкции по применению. СПб, 2003.
3. Олпорт Г. Личность в психологии. М., СПб., 1998.
4. Khan M. J. Construction of Muslim Religiosity Scale // Islamic Studies, 2018. Vol. 53 (1–2).

Ритуалы подношений в культуре повседневности латиноамериканских стран

Иванова Т.С.
НИТУ МИСИС, Москва, Россия
redactora@yandex.ru

Ритуал как некая обрядовая практика и символическая форма поведения является предметом исследования антропологов, психологов, этнографов и

других учёных. Ритуалы практикуются человеком с незапамятных времён, о чём свидетельствуют ещё древнеиндийские источники. Сегодня ритуал связан со многими современными понятиями, такими, как «right» (англ. «право»), «art» (англ. «искусство»), русское «порядок» и др. [1, с. 74].

В нашем исследовании речь пойдёт о народных ритуалах, массово практикуемых в Латинской Америке, но не являющихся частью религиозных церемоний общепризнанных религий. Дело в том, что ритуалы подношений в латиноамериканских странах часто практикуются в отношении так называемых народных святых, чьи культы получили широкое распространение по всей территории субконтинента. Мы рассмотрим лишь некоторые примеры подобных культов, фигурирующих на территории Аргентины, Чили, Парагвая и Бразилии, а также связанные с ними ритуалы подношений.

Одним из самых известных народных героев, которому совершаются подношения, является Гаучито Гиль, чьим прототипом стал некий Антонио Гиль, живший в XIX в. О реальном Гиле известно крайне мало, но по легенде он вынужден был участвовать в Парагвайской войне, с которой дезертировал. Гиля поймали и повесили, но перед смертью он успел сказать комиссару отряда, что его сын болен и что тот должен молить Гиля о его здоровье. После смерти Гиля комиссар вернулся домой и действительно обнаружил, что его сын тяжело болен, однако молитвы Гилю помогли спасти его. С тех пор к месту смерти Гиля стали совершать паломничество, а сам он прославился в качестве народного святого, который помогает всем, кто ему молится от чистого сердца. Гиль не канонизирован церковью официально, но почитается среди населения Аргентины и соседних стран. В его честь рисуют граффити и возводят небольшие часовни – особенно у дорог и перекрёстков. Проезжающие мимо машины сигналият в качестве приветствия. Верующие также оставляют в качестве подношений Гаучито сигареты, алкоголь, свечи, фотографии, одежду и другие мелкие предметы [5, с. 429–438].

Не менее известным персонажем, чей культ распространён в Аргентине, Парагвае и части Бразилии, считается Сан Ла Муэрте, прототипом которого является живший в XVIII в. монах, лечивший индейцев от проказы. По легенде монах обладал некоей колдовской силой, за что его и заключили в тюрьму, но однажды вместо него обнаружили в камере лишь скелет. В стихийно организованные святилища Сан Ла Муэрте приносят алкоголь, сигареты, флаги, цветы и записки с просьбами и благодарностями. Считается, что этот народный святой – самый справедливый из всех, так как он исполняет даже недобрые желания [4, с. 257–265].

В Чили широко распространён культ так называемых анимит (от исп. *ánima* – душа) – святилищ, представляющих собой крест, деревянный домик или часовню. Анимиты организуются в местах гибели людей в результате трагической случайности или насильственных действий. Считается, что души погибших, в честь которых возведены анимиты, помогают тем, кто им молится. Личности погибших при этом со временем приобретают «священный» ореол, и к анимитам совершаются подношения в виде цветов, свечей, мягких игрушек и предметов, которые могли так или иначе отражать образ жизни усопшего [3, с. 148–157].

Многие исследования говорят о том, что ритуал помогает справиться с тревогой. Так, совершая ритуальные действия, человек получает некую иллюзию контроля над происходящим, в связи с чем снижается общий уровень стресса, улучшается психологическое состояние и самочувствие [6]. Упомянутые выше

народные ритуалы подношений плотно встроены в повседневную жизнь многих людей, существуя параллельно с католицизмом, хотя и не поощряются католической церковью официально. Следуя подобным ритуалам, люди конструируют собственную реальность [2, с. 16]. Применительно к описанным случаям можно утверждать, что верующие находят таким образом утешение, которое не может им дать каноническая религия. Не в последнюю очередь это связано, во-первых, с простотой ритуалов (достаточно лишь молитвы и небольшого подношения для достижения желаемого), а во-вторых, с тем, что большинство обожествляемых персонажей имели в качестве прототипов обычных людей, с кем проще ассоциировать себя невоцерковленному человеку. Очевидно, что психологическая потребность в ритуалах по-прежнему значительна среди народов с высокой степенью религиозности, даже с учётом того, что традиционные религии постепенно сдают позиции в общественном сознании.

Литература

1. *Артемяева А.А.* К вопросу о ритуале: этимология и понятие термина // Вестник Московского университета МВД России. № 7. 2010. С. 74–77.
2. *Байбурун А.* Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993. 253 с.
3. *Иванова Т.С.* К особенностям культурного синкретизма в Чили: анимиты как форма народной памяти и культуры // Этнография, 2022. № 2 (16). С. 146–166. DOI: 10.31250/2618-8600-2022-2(16)-146-166
4. *Frigerio A.* San La Muerte en Argentina: Usos Heterogéneos y Apropiaciones Del «Más Justo De Los Santos» // La Santa Muerte, espacios, cultos y devociones. El Colegio de la Frontera Norte. México, 2016. P. 253-274.
5. *Salvador M.D.* Gauchito Gil, entre la adoración y la justicia divina. Un acercamiento al mito religioso popular desde la comunicación. *Questión. Revista Especializada en Periodismo y Comunicación.* Vol. 1. № 50 (abril-junio 2016). Argentina. P. 428–440.
6. *Singh P, Tewari S, Kesberg R, Karl JA, Bulbulia J, Fischer R.* Time investments in rituals are associated with social bonding, affect and subjective health: a longitudinal study of Diwali in two Indian communities. *Phil. Trans. R. Soc. B* 375, 20190430. 2020 (doi:10.1098/rstb.2019.0430) URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rstb.2019.0430#d1e1709> (Дата обращения: 18.06.2023)

Стадии становления субъектности студентов, сформировавшиеся в образовательных средах школ России и Казахстана

Капцов А.В., Колесникова Е.И.

СФ МГПУ, ФГБОУ ВО СамГТУ, Самара, Россия
avkaptsov@mail.ru, kolesnikovaei@yandex.ru

Одним из этнопсихологических направлений исследований в образовании является учебная миграция, по определению Е.Е. Письменной заключающаяся в «перемещении между странами мигрантов, которые обучаются в школах, колледжах и университетах [4, с. 6]. Преобладают исследования успешности

адаптации иностранных студентов в российской образовательной среде с учетом их этнических особенностей. Например, китайские студенты ориентированы больше на некритическое воспроизведение учебной информации, редкое участие в дискуссии и выражение своего мнения [2]. Сравнение динамики профессионально-личностного становления китайских и арабских студентов, проведенное В.В. Логиновой, показывает, что у китайских студентов оно проходит медленнее в стадии адаптации, у арабских студентов – медленнее в стадии индивидуализации [3].

Особой и наиболее распространенной социальной группой в учебной миграции являются студенты из Казахстана. Это обусловлено тем, что формы и методы организации обучения в средней школе Казахстана преемственны советской (российской) образовательной системе [1]. Близость формы социальной жизни, практическое отсутствие языкового барьера подтверждают опросы студентов из Казахстана, которые вообще не идентифицируют себя с учебными мигрантами, а больше с репатриантами. Они воспринимают себя как русских, возвращающихся на историческую родину (старшие поколения родились в России и покинули ее по производственным, семейным и другим причинам) [5].

В монографии казахстанских авторов [1] анализируются факторы образовательной траектории казахстанцев, выезжающих за рубеж. Для выезжающих в Россию в основном отмечается преобладание выталкивающих факторов, например, престижность иностранного диплома о высшем образовании (миграция для образования). Притягивающие факторы российского направления сосредоточены на решении и готовности всей семьи потенциального студента к переезду на новое место жительства в Россию, а обучение в вузе ребенка становится первым шагом к отъезду (образование для миграции).

В то же время недостаточно проведено исследований сформированности дидактических умений учебных мигрантов, особенно междисциплинарного характера.

Поэтому было проведено исследование стадий становления субъектности, с позиции онтологического подхода (В.И. Панов) описывающих степень овладения учебными действиями в процессе обучения. В исследовании принимали участие 100 студентов-первокурсников технического вуза бюджетной формы обучения (случайная выборка 50 человек студентов, приехавших на обучение в Россию из Казахстана, и 50 человек студентов-россиян; юношей и девушек в каждой выборке поровну). Исследование проводилось в первый месяц обучения в вузе, все участники свободно владели русским языком. Мы полагаем, что в данный период образовательная среда вуза уступает по силе воздействия школьной образовательной среде, в которой стадии становления субъектности формировались до поступления в вуз. Для исследования использовалась методика стадий становления субъектности ОСС-С с определением системных характеристик связности и целостности стадий субъектности [6].

С помощью критерия Манна Уитни был выявлен более высокий уровень стадий становления субъектности для девушек, приехавших учиться из Казахстана, по сравнению со студентками-россиянками по репродуктивным стадиям. Так, значения медианы стадии «субъект мотивации» у приезжих 28 баллов, а у россиянок – 24 балла, по стадии «наблюдатель» соотношение 25 и 18 баллов, стадии «подмастерье» 20 и 15 баллов, стадия «ученик» 22 и 17

баллов, стадия «критик» 16 и 10 баллов. У юношей подобные различия дополняются и по продуктивным стадиям: стадия «мастер» соотношение медиан у приезжих и россиян составляет 26 и 17 баллов, стадии «творец» 22 и 15 баллов. То есть, учебные мигранты считают, что репродуктивные и продуктивные учебные действия освоены ими на более высоком уровне. Но, для всей выборки выявлена более низкая связность стадии «субъект мотивации», а у девушек – более низкая целостность структуры стадий. Это говорит о высокой готовности к учебным действиям одновременно с их низкой согласованностью и затрудненном целеполагании конечной цели обучения.

Важно, что методика диагностики представляет собой описание учебных действий, не имеющее социальной желательности, и это лишает студентов стремления казаться лучше, чем есть на самом деле. Между тем, выявленное преобладание следует соотносить с объективными учебными показателями (педагогическое тестирование). Полученные результаты следует учитывать при проектировании образовательных маршрутов с учетом этнопсихологического аспекта.

Литература:

1. Зарубежная образовательная траектория казахстанцев: между стереотипами и прагматизмом: монография / Г.О. Насимова, С. Каплан, М.М. Бузуртанова. Алматы, 2020.
2. Кошелева Е.Ю., Пак И.Я., Чернобыльски Э. Этнопсихологические особенности модели обучения китайских студентов // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 2.
3. Логинова В.В. Психологические детерминанты профессионально-личностного становления иностранных студентов в образовательной среде российского вуза // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2010. № 3.
4. Письменная Е.Е. Социальные последствия учебной иммиграции в Россию: вопросы теории и методики исследования: автореферат дис. ... доктора социологических наук. Москва, 2009. 64 с.
5. Садырин А.А. Учебный мигрант из Казахстана: правда или вымысел? (случай г. Томска) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. №. 2 (40)
6. Становление субъектности: от эконпсихологической модели к психодидактическим технологиям: коллективная монография / под ред. В. И. Панова. СПб., 2022.

Исследование мечты у студенческой молодёжи: кросс-культурный аспект

Кауненко И.И.¹, Хорозова Л.Ф.²

¹Институт культурного наследия, Кишинёв, Республика Молдова

²КГУ, Комрат, Республика Молдова

irina.caunenco@gmail.com, larisahorozova@yandex.ru

Исследование межкультурных отношений у молодёжи, наряду с исследованием этнической идентичности, межкультурного интереса, восприятия своей этнической группы во временной перспективе, миграционных установок, включало и исследование мечты.

Выборка составила 80 респондентов. Возрастной состав – 19-25 лет. Социальный статус: студенты, магистранты университетов г. Кишинёва, г. Комрата (АТО Гагаузия); период исследования – 2021 г. Этническая группа – молдаване, гагаузы. Методика исследования – проективное предложение «Я мечтаю...». *Цель* – исследование мечты у студенческой молодёжи молдаван и гагаузов. В своём исследовании мы исходили из того, что мечта имеет проекцию в будущее как на личную, так и на общественную перспективу, в ней отражено не только то, что важно для человека ситуативно или в более-менее близкой перспективе, но и социальные ценности (справедливости, равенства, мира, красоты и гармонии и пр.) [1, с.101].

Результаты эмпирического исследования. На основе контент-анализа нами были выделены следующие категории: «Я», «карьера», «семья», «путешествие», «общество», «материальное благополучие», «другое». Один ответ мог также относиться сразу к нескольким категориям. Мечты молодёжи чаще были связаны с категорией «Я»: у молдаван – 42% («Быть добрым человеком», «Быть здоровым», «Быть счастливым»); у гагаузов – 34% («Быть счастливым и ни в чём себе не отказывать», «Быть здоровой и целеустремлённой»). Данная категория получила первый ранг. Второй ранг у молодых молдаван заняла категория «Общество» – 25% («О процветающем будущем моей страны», «О лучшем будущем Молдовы, защищённой от опасности и чрезмерного контроля»; «О мире, где у всех равные возможности»). Третий ранг у молдавской молодёжи связан с категорией «Семья» – 17% («Семья, карьера, свобода, успех», «...чтобы моя семья всегда была здорова»). Четвёртый ранг – «Карьера» – 11% («О успешной карьере...», «...достижения моих профессиональных целей») и категория «Другое» («На данный момент у меня нет никаких мечтаний, самое главное достигнуто»). Пятый ранг – «Путешествие» – 6% («Посетить как можно больше стран и особенных мест...»). Нас удивило, что в содержании мечтаний молдавской молодёжи не было материальных устремлений (категория «материальное благополучие»). Мы предполагаем, что здесь одним из факторов, возможно, является то, что выборка молодёжи из Молдавии была набрана в г.Кишинёве (столица), где экономическая ситуация более благополучная, чем в других регионах (легче найти подработку и др.). Наше исследование по миграционным установкам студенческой молодёжи молдаван и гагаузов выявило, что чаще молодёжь обеих групп хочет *уехать от* низких зарплат, нестабильной финансовой ситуации. Открытым остаётся вопрос: «Как влияет на мечту у молодёжи соци-

ально-экономическая ситуация? И влияет ли?». Вместе с тем было бы целесообразно провести исследование мечты у студенческой молодежи молдаван в другом городе, и на большей выборке.

У гагаузской молодежи второй ранг заняла категория «материальное благополучие» – 29% («Мечтаю быть богатой и много путешествовать», «О хорошей зарплате», «Быть богатым»). Третий ранг – категория «Карьера» 18% («Получить высшее образование и устроиться на хорошую работу»; «Стать более успешным в своём деле»; «Открыть свой бизнес»); четвёртый – «Путешествие» 13% («Путешествовать по миру, изучить менталитет и культуру других стран»); пятый ранг связан с категориями «Семья» и «Общество» – 11% («О счастливой семье»; «О счастливой и здоровой семье, которая ни в чём не нуждается»), («О стабильности в стране, о перспективном будущем»; «О доброжелательном обществе, построенном на взаимоуважении»); «другое» – 3%.

Выводы: Наше исследование выявило, что молодые молдаване и гагаузы мечтают о личном счастье, карьере, о благополучии страны, путешествиях, семье. Представляется целесообразным провести сравнительное исследование мечты у разных этнических групп молодежи; изучить влияние социально-экономической ситуации на мечту.

Литература

1. *Егорова П.А.* Адаптивные функции мечты и процессы мечтания: дисс. ...канд. психол. наук. Москва, 2022.

Представления о доме в условиях миграции

Конашкина Е.А., Кривцова А.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
KrivcovaAS@mgppu.ru

В современном мире миграция становится все более распространенным явлением, затрагивающим множество аспектов жизни людей. Одним из важных аспектов, который оказывает значительное влияние на жизнь мигрантов, являются их представления о доме. Дом является основой для адаптации и интеграции в новую среду, а также местом формирования и поддержания идентичности и комфорта. Исследование представлений о доме у мигрантов имеет особую актуальность, поскольку помогает понять, как мигранты воспринимают и присваивают смысл концепту «дом» в новом контексте.

Зарубежные психологические исследования представлений о доме, как отмечает А.А. Бочавер [1, с. 5–15], в большинстве своем осуществляются в рамках психологии среды и направлены на изучение взаимосвязей между объективными средовыми характеристиками и их субъективными переживаниями. В отечественной психологической науке тему дома вообще и представлений о доме, в частности, активно развивает С.К. Нартова-Бочавер. В ее монографиях «Дом и его обитатели» и «Дом как жизненная среда человека» собраны исследования группы ученых, разделяющих интерес к этой теме [3, с. 220].

Представления о доме у мигрантов значительно влияют на их адаптацию, психологическое благополучие и уровень удовлетворенности жизнью в новой культурной среде.

В качестве основного метода исследования был выбран тематический анализ интервью респондентки, эмигрировавшей из России два года назад. Переезд респондентки был вынужденным, но при этом не произошло ухудшения финансового положения, что позволяет ей поддерживать в эмиграции тот уровень жизни, к которому она привыкла на родине. Этот фактор позволяет выявить динамику и изменения в представлениях о доме, и связать с уровнем ее удовлетворенности жизнью в новой среде.

Основываясь на тематическом анализе интервью можно сделать вывод, что в ходе реализации миграционных намерений происходит смещение образа дома из внешнего к внутреннему. В состоянии некоторой неопределенности и отсутствия ощущения полной принадлежности жилья, происходит контейнирование таких функций дома, как безопасность, спокойствие, восстановление внутри себя. К физическим характеристикам дома предъявляются минимальные претензии, только лишь самые базовые, а поддержание связи с домом происходит за счет наполнения его какими-то деталями и вдохновляющими символами. Происходит это вследствие сильных расхождений ожиданий от дома с существующей реальностью. Усиливается потребность в контроле нового дома, которая выражается в регулярном наведении чистоты и порядка. Для респондентки возможность поддерживать чистоту является признаком того, что она контролирует свое пространство, в результате чего дом становится местом, где она может чувствовать себя уверенно и спокойно.

Связь дома с ощущением безопасности и уюта является одним из главных аспектов, выделенных в интервью. Респондентка отмечает, что несмотря на явные недостатки нового дома, процесс отделения от семейного дома рассматривается как шаг к обретению внутренней безопасности. Она видит дом не только как физическое пространство, но и как место, окруженное теплом и заботой, создающее атмосферу спокойствия. Респондентка также подчеркивает, что дом для нее не является готовым объектом, а требует вложения усилий. Она отмечает, что выбор дома, его организация и наполнение предметами, которым она придает определенный смысл, являются процессами, в которых она активно участвует. Кроме того, для респондентки было важно перенести некоторые символические предметы из прошлого дома в новый, чтобы создать связь и преемственность между ними. Она рассматривает этот процесс как способ сохранить воспоминания и чувство принадлежности к своей истории. Таким образом, дом становится проявлением ее личности и способом выражения себя. В понятие дома входит не только само здание, но и его наполнение: как утилитарные предметы, так и дорогие сердцу вещи. Этот аспект чрезвычайно важен для англичан, как отмечают исследователи концепта дом в английской картине мира [2, с.181].

Таким образом, анализ интервью позволяет сделать вывод, что для респондентки дом имеет глубокое эмоциональное и символическое значение. Он ассоциируется с ощущением безопасности, уюта и заботы. Дом становится местом, где она может восстановить силы, преодолеть внутренние конфликты и наладить взаимоотношения с близкими людьми. Важными аспектами для нее являются активное участие в формировании и организации дома, поддержание порядка и чистоты, а также сохранение связи с прошлым

через символические предметы. Эти факторы способствуют созданию домашней атмосферы, которая является источником внутренней стабильности и комфорта.

Изменение представлений о доме у мигрантов со временем может быть связано с процессом адаптации и взаимодействия с новой культурной средой. Эмоциональная привязанность к родной стране и культуре играет важную роль в формировании представлений о доме, а ностальгия и положительные эмоциональные воспоминания, связанные с родным домом, могут влиять на восприятие нового дома. Поддержка социальной среды и создание комфортной домашней среды для мигрантов способствуют формированию положительных представлений о доме и повышению уровня их адаптации и благополучия. Поэтому исследования данных аспектов представляются немаловажным вкладом в формирование общества в 21-м веке.

Литература

1. *Бочавер А.А.* Представления о доме как элемент персонального опыта // Псих. журн., 2015. Т. 36. № 4. С. 5–15.
2. *Валеева Д.Р.* Репрезентация концепта «дом» в русской языковой картине мира: дисс. канд. филол. наук. Казань, 2010. 181 с.
3. *Нартова-Бочавер С.К.* Дом как жизненная среда человека: психологическое исследование / Нартова-Бочавер С.К., Бочавер А.А., Дмитриева Н.С. [и др.] М., 2016. 220 с.

Трансформация идентичности иностранных студентов, обучающихся в российских ВУЗах

Константинов В.В., Путилова Н.В.

ФГБОУ ВО ПГУ, Пенза, Россия

konstantinov_vse@mail.ru, natalia-p@bk.ru

В условиях продолжающейся глобализации, студенческая мобильность и связанные с ней проблемы интеграции студентов в новую поликультурную среду актуализируют необходимость системного обращения к вопросам психологического сопровождения процессов трансформации идентичности иностранных студентов. Вопросы идентичности личности и ее трансформации разрабатываются на протяжении более полувека представителями различных научных традиций [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Тем не менее, в свете новых глобальных и локальных вызовов, возникает запрос на уточнение содержательных характеристик процесса трансформации идентичности иностранных студентов в российских ВУЗах. Были использованы следующие методики исследования: опросник «Аспекты идентичности», опросник стилей идентичности М. Берзонски, ценностный опросник Ш. Шварца, культурно-ценностный дифференциал Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой, методика «Переживание кризиса личностью (ППК)», методика Л.В. Янковского «Шкала аккультурации в России» (ШАР) (И.А. Новикова, А.Л. Новиков, Д.А. Шляхта), индекс жизненного стиля (LSI, Р.Плутчик, Г.Келлерман, Х.Р.Конте), методика «Мотивация аффилиации» в модификации М.Ш. Магомед-Эминова. В выборочную сово-

купность включены студенты, граждане Таджикистана и Кыргызстана, в количестве 406 человек в возрасте от 18 до 31 года.

Первичная диагностика показателей идентичности осуществлялась в Таджикистане и Кыргызстане на этапе, предшествующему миграции студентов. Далее исследование было разделено на этапы, на каждом последующем курсе обучения в российском ВУЗе. В ходе проведенной факторизации характеристик идентичности иностранных студентов были выделены 3 фактора – вида идентичности иностранных студентов:

– «ролевая идентичность» (дисперсия 27,9 %) – обеспечивает динамику социально-статусных и ролевых позиций студента. Иностранные студенты стремительно осваивают систему социальных ролей, предписанную в контексте учебно-профессиональной деятельности. Однако в условиях освоения данной идентичности они ситуативно принимают идентификационные характеристики, далее трансформируют их, в ситуации взаимодействия приобретают субъектность. Данные признаки на разных уровнях обеспечивают им психологическую устойчивость. Конструктивная интеграция в условиях поликультурного сообщества, освоение новых видов деятельности позволяет приобрести и усвоить групповые ценности, соотносить с личностными ценностями, отделить идеальный образ Я от реального образа. В условиях формирования ролевой идентичности основополагающими ценностями личностного порядка становятся «универсализм», «достижения», а на уровне групповых ценностей «направленность на взаимодействие».

– «ценностная идентичность» (дисперсия 17,1 %) – характеризуется вариативным рядом идентичностей, которые отражают специфику включения личности в социальные отношения и систему самоотжествления на личностном и групповом уровнях. Информационный стиль идентичности описывает идентичность иностранных студентов с позиции активного информационного и познавательного поиска решения задач самоопределения. В условиях личностных, социальных и культурно-национальных отношений, ими реализуются собственные стратегии идентификации, которые прошли этапы отвержения, принятия и индивидуализации. Личностные ценности «достижения» и «стимуляция» сочетают в себе личностные и социальные маркеры, ориентированные на достижение успеха индивида в условиях социального оценивания, а также ценности спонтанности и активности, которые мотивирует личность развиваться и двигаться в направлении проживания глубинных смыслов и новизны.

– «кризисная идентичность» (дисперсия 10,52 %) – проявляется в разветвленной, но парадоксальной схеме идентичностей. Этническая и религиозная идентичности составляют основу центрации личности. Однако кризисные проявления в личностных показателях идентичности свидетельствуют о выстраивании уникальной идентичности, но не возможности эту идентичность представить и отстоять в системе значимых взаимоотношений. Подвижность личностной идентичности и ее специфичность, отличность от идентичности других, противопоставляет индивида на уровне понимания, не приносит ему признания. Диффузный статус идентичности иностранных студентов свидетельствует о кризисном периоде, в процессе которого студенты не делают никакого выбора, не исследуют идентификационные характеристики, негативно оценивают свои достоинства и подчеркивают недостатки, пребывают в одиночестве. Возможность построения идентификационного интроекта отсутствует, потому что они принимают решение не делать никакого выбора, избегать возможности даже негативного выбора идентификационных харак-

теристик. Ценности безопасности и конформности на базовом уровне обеспечивают удовлетворение потребностей.

Факторизация видов идентичности свидетельствует об особой комбинации видов идентичностей, наборе личностных и групповых ценностей, которые обеспечивают консолидацию идентичности. Важным в этой связи является эмоционально-оценочный компонент, который позволяет на разных уровнях принять идентичность иностранного студента в условиях получения высшего образования.

Литература

1. *Мурашенкова Н.В., Гришенко В.В., Калинина Н.В., Ефременкова М.Н., Кулеш Е.В., Константинов В.В., Гурьева С.Д., Маленова А.Ю.* Этническая, гражданская и глобальная идентичности как предикторы эмиграционной активности студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России // *Культурно-историческая психология*, 2022. Том 18. № 3. С. 113–123. DOI: 10.17759/chp.2022180314
2. *Солдатова Е.Л.* Структура и динамика нормативного кризиса перехода к взрослости: монография. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. 267 с.
3. *Стефаненко Т.Г.* Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 2009. №2. С. 3–17.
4. *Тхостов А., Емелин В.* Темпоральные модели идентичности // *Российский психологический журнал*. 2018. Том 8. №3. С. 41–53. DOI: 10.21702/rpi.2011.3.4
5. *Konstantinov V.* The Role of the Host Local Population in the Process of Migrants' Adaptation // *Social Sciences*, 2017. Vol. 6(3). DOI:10.3390/socsci6030092

Возможности использования народных игр в работе с младшими школьниками

Кривцова А.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

KrivcovaAS@mgppu.ru

В современном российском обществе семья и дети являются ценностью. Но мы наблюдаем смещение акцентов в сторону детоцентрированности. Все силы семьи направлены на развитие своего чада. Современные родители много уделяют внимания развитию интеллектуальных способностей. И в меньшей степени уделяется внимание развитию личностных качеств и социальных навыков. Это связано с тем, что дети практически лишены возможности играть в разные игры, особенно в коллективные (как основной вид деятельности в дошкольном возрасте). Приходя в школу, первоклассник отлично может решать, бегло читать, но при этом совершенно не умеет взаимодействовать, принимать поражение или неудачу, уступать, дружить, общаться с одноклассниками. Современный ребенок лишен возможности в дошкольном возрасте пройти необходимые этапы развития в силу разных причин: страх родителей за безопасность своих детей (родители боятся отпустить одного ребенка во двор играть);

страх родителей, что их ребенок будет хуже всех учиться; страх не соответствовать современным представлениям и трендам о «хороших и правильных родителях» и т.д., важные для формирования личности ребенка [8].

Отсутствие у детей в дошкольном возрасте коллективной игры влечет за собой негативные последствия в виде несформированности к концу дошкольного периода навыков саморегуляции поведения [3; 4]. Это может проявляться в неумении детей подчиняться общим правилам и требованиям, неумении выполнять общую задачу, при этом агрессивно отстаивать свои права, соотносить личные интересы с групповыми, агрессивно реагировать на неудачу свою и успех других. Это часто в школе может приводить к трудностям в обучении. Трудно выдержать урок, трудно делать то, что просит учитель, трудно взаимодействовать с одноклассниками по учебным предметам. Современная система образования в начальной школе требует от ученика высокого уровня саморегуляции поведения, коммуникативных навыков, самостоятельности деятельности [3; 4].

Если обратиться к опыту наших предков то, мы увидим, как происходил процесс социализации ребенка в традиционных культурах [5; 6; 7]. Отсутствие системы дошкольного воспитания (в той форме, которая существует сейчас) и специально выделенных взрослых для присмотра за детьми, давало возможность семье и группе сверстников обеспечивать подготовку ребенка ко взрослой жизни. Одним из основных способов социализации была игра. Через игры со сверстниками осуществлялся процесс социализации ребенка, включение его в общество, а также развивалась его аффективная сфера, познавательные процессы [5; 6; 7].

Анализируя опыт социализации детей в традиционных культурах, мы можем сделать вывод о важном психологическом значении игры. Игра позволяет преодолевать познавательный и личностный эгоцентризм; игра развивает произвольное поведение; в процессе игры ребенок получает знания о мире, познает себя и свои возможности, приобретает опыт сотрудничества; формируется умение отстаивать свою позицию и принимать во внимание интересы окружающих без агрессии; в процессе игры происходит подготовка к выполнению трудовых навыков, присущих той или иной культуре.

Приходя в школу, современные дети, как уже было отмечено выше, слабо умеют коммуницировать, имеют искаженные представления о себе (очень часто завышенная самооценка), но в тоже время сильно ориентированы на успех, желание быть первым и лучшим, без понимания того, как это можно сделать. Младший школьный возраст – очень ответственный период школьного детства, от полноценного проживания которого зависит уровень интеллекта и личности, желание и умение учиться, уверенность в своих силах [3]. Поэтому важно в этот период дать возможность детям в рамках школьного коллектива через игру сформировать или компенсировать то, что еще можно и нужно сформировать и приобрести для полноценного развития в обществе. Сделать то, что не успели в дошкольном возрасте – проиграть, доиграть и отыграть.

Анализируя опыт традиционных культур в социализации детей, учитывая современную специфику системы образования начального звена, психологами АНО «ШКОЛА ПРЕЗИДЕНТ» был внедрен игровой элемент в систему образования, который позволил в рамках начальной школы играть с детьми в коллективные игры и обучать их через игру необходимым навыкам для

взрослой жизни. Психологи разработали возможность использования народных игр в начальной школе. Такой проект активно используется в работе со второго класса первой четверти и по четвертый класс. В проекте могут принимать участие, как психологи, так и педагоги (классные руководители, учителя-предметники, так и старшекласники).

Проект: «Игры народов мира». Ход работы:

Психолог заранее готовит карту мира (можно для этой работы привлечь старших ребят, начиная с четвертого класса, размер листа А3 или ватман). Также психолог заранее готовит небольшое описание специфики традиционных видов деятельности данного народа и подбирает несколько традиционных народных игр, которые использовали взрослые для формирования необходимых навыков у детей [1; 2]. Например, у некоторых индийских народов была очень важна быстрота реакции, так как опасность нападения змей была очень высока. В связи с этим, у детей с раннего детства развивали ловкость и реакцию, чтобы опередить змею. Старшие дети показывали младшим игру на развитие быстроты реакции. Игра: дети сидят все в кругу на земле. Выбирается ведущий. Он закрывает глаза и вытягивает ладони вперед. Ведущий должен бесшумно подойти и хлопнуть по ладоням сидящего с закрытыми глазами своими ладонями. Ребенок с закрытыми глазами должен среагировать и убрать свои ладони... [2]. Карта вешается в классе и психолог, обговорив с классным руководителем временные рамки, на регулярной основе работает с классом. Время проведения: перемена (15-20 минут). Психолог приходит к ребятам в класс и заранее анонсирует проект, целью которого является знакомство ребят с культурным многообразием и обучение игре в разные игры, которые они потом могут использовать в процессе школьного обучения (играть на прогулке, на переменах в перерывах для переключения и отдыха).

На перемене психолог подводит к карте и предлагает выбрать любую страну на карте. Ребята называют или показывают на карте место, про которое хотят узнать побольше. Психолог рассказывает о культурных особенностях данного народа и о тех играх, в которые играли дети данного народа и почему (это важно, так как все традиционные народные игры были направлены на формирование тех или иных навыков, необходимых для полноценного существования в данном обществе). Можно с ребятами подумать, а как данное качество может помочь им в современных условиях.

Психолог рассказывает и показывает, как играть в данную игру. Далее ребята сами проигрывают данную игру несколько раз; закреплять опыт игры можно на каждой перемене, сначала под руководством психолога, потом приглашать на помощь старшекласников; потом ребята, освоив и поняв принцип игры, могут играть самостоятельно. В течение года можно использовать данный проект. В конце года можно пригласить родителей и вместе с ними поиграть в игры, которые освоили дети. Это всегда способствует укреплению собственной значимости и эмоциональному контакту с родителями. Игры в классе с родителями проходят весело, шумно и позитивно. Могут служить ярким завершением учебного года.

Опыт осуществления данного игрового проекта позволяет наблюдать положительную динамику в классе (детском коллективе) во взаимоотношениях, в желании узнать что-то новое. Несмотря на то, что игра уже не является ведущей деятельностью в младшем школьном возрасте, ее можно использовать как вспомогательный вид деятельности, в котором также формируются ос-

новые новообразования как личностные, так и познавательные, необходимые для полноценного развития младшего школьника. Важно отметить, что не только высшие психические функции активизируются игрой, но игра имеет важное значение для преодоления познавательного и личностного эгоцентризма, для развития произвольного поведения, дает возможность для проявления детской активности и самостоятельности.

Литература

1. Давай играть. 64 игры народов мира. М.: Айар, 2021.
2. Игры народов мира / Сост. Е. Пальгина. М., 2002.
3. Крайг Г. Психология развития. СПб., 2000.
4. Ледлофф Ж. Как вырастить ребенка счастливым. Принцип преемственности. М., 2004.
5. Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.
6. Мид М. Мир детства и традиционная культура. М., 1995.
7. Хухлаева О.В., Кривцова А.С. Этнопедагогика. М., 2022.
8. Эриксон Э. Детство и общества. СПб., 1996.

Специфика инклюзивных взглядов белорусских и иностранных студентов

Кривуть М.Л.

УО «Барановичский государственный
университет», Барановичи, Республика Беларусь
krivut@mail.ru

Мировые интеграционные процессы, глобализация, модернизация, принятие идей инклюзивного образования, развитие толерантности и гуманности общества оказывают существенное влияние на систему образования Республики Беларусь.

Проблема инклюзивного общества не нова и рассматривается сегодня с разных аспектов. Одним из главных достижений в её реализации является рассмотрение сквозь призму инклюзии Целей в области устойчивого развития, разработанных в 2015 году Генеральной ассамблеей ООН в качестве «плана достижения лучшего и более устойчивого будущего для всех» [4].

Анализируя со студентами понятие «инклюзия», мы часто наблюдаем стереотипное понимание «инклюзии» как включение в общество людей с инвалидностью. Однако детальный анализ данного понятия позволяет взглянуть на проблему с разных ракурсов: гендерное, этническое, межрасовое равенство и т.д.

Значимость реализации принципа инклюзии в образовании обучающихся учреждений высшего образования подчёркивается в работах С.Н. Захаровой, И.Н. Хафизуллиной, В.В. Хитрюк и др. [1; 2; 3].

Общество неоднородно как по гендерному, возрастному, религиозному, этническому составу, так и с точки зрения особенностей психофизического развития (далее – ОПФР) людей, наличия либо отсутствия у них инвалидности, временных затруднений со здоровьем. Рассматривая данные особенности только как трудности, можно прийти к тупику, что малоэффективно. С другой сто-

роны, общественное разнообразие – это огромный ресурс, который не только необходимо уметь увидеть, но и использовать в экономическом и культурном развитии человечества. Для этого необходимо формировать у молодого поколения высокий уровень не только профессиональной компетентности, но и инклюзивной культуры, позволяющей уметь видеть и ценить личностные достоинства каждого человека, не зависимо от его пола, возраста, этнических особенностей либо ОПФР и т.д.

В учреждении образования «Барановичский государственный университет» (далее – БарГУ) особое внимание «инклюзивной» подготовке уделяется при обучении специалистов педагогического профиля, так как именно будущие педагоги стоят у истоков формирования инклюзивной культуры обучающихся, а нередко и их родителей. Данная подготовка обязательна для всех будущих педагогов независимо от того, это белорусские или иностранные студенты.

На базе БарГУ функционирует лаборатория «Центр идей и практик в целях устойчивого развития», в состав которой входит научно-методическая площадка «Ресурсный центр инклюзивного образования», реализующая ряд образовательных программ по вопросам инклюзивного образования. В процессе одной из образовательных программ «Дискриминация лиц с инвалидностью. Способы борьбы с дискриминацией» проводится анкетирование, показывающее отношение участников программы не только к проблеме дискриминации в их странах, но и к инклюзии в целом.

Ответы респондентов 4-х курсов педагогических специальностей (120 белорусских и 48 иностранных студента (Республика Узбекистан)) за 2022/2023 учебный год показывают, что:

- все респонденты хотят жить, растить детей и строить карьеру в обществе с высоким уровнем инклюзивной культуры;
- инклюзивные процессы в образовании принимают 89% белорусских и 30% иностранных респондентов, подчёркивая приоритет специального образования для детей с инвалидностью и ОПФР;
- при этом если только 17% белорусских студентов оценивают современную физическую среду своего государства как доступную лицам с инвалидностью и/или ОПФР, то среди иностранных студентов эта цифра выше – 48%;
- все респонденты согласны с высказыванием, что буллинг не допустим в учреждении образования;
- 78% иностранных студентов и 32% белорусских говорят о значимости внешнего вида обучающихся в образовательном процессе;
- 82% иностранных студентов и 52% белорусских подчёркивают значимость влияния этнокультуры на образовательный процесс;
- 68% отечественных студентов и 56% иностранных уверены, что справятся с обучением детей из семей, находящихся в социально опасном положении;
- в вопросе о необходимости детского труда (с 14 до 18 лет) согласны 78% иностранных студентов и 34% белорусских;
- 89% белорусских и 53% иностранных респондентов считают, что человек имеет право на работу без ограничений по возрасту при условии сохранения всех социальных гарантий;
- примерно 96% белорусских и 60% иностранных студентов положительно относятся к гендерному равенству в обществе.

Таким образом, все студенты, участвующие в исследовании, хотели бы жить в инклюзивном обществе, в то же время, многие из них только находят-ся на пути внутреннего принятия идей инклюзии.

Впервые сталкиваясь с вопросами инклюзивного общества, многие молодые люди проявляют ряд сформированных стереотипов в отношении лиц с инвалидностью и/или ОПФР, роли женщин, мигрантов и т.д. в современном мире. Однако анализ жизненных историй людей обоих полов, с инвалидностью и без, тренинговая работа по формированию гуманистических взглядов, толерантному отношению к инакомыслию, просмотр и анализ документальных и художественных фильмов, личные встречи показывают, что студенческий возраст является благоприятным периодом для формирования инклюзивной культуры.

Литература

1. *Захарова С.Н.* Специфика подготовки педагогов к реализации инклюзивного образования в Республике Беларусь // Европейский Союз и Республика Беларусь: перспективы сотрудничества: Междунар. конф., Минск: БГУ, 2014.
2. *Хафизуллина И.Н.* Формирование инклюзивной компетентности будущих учителей в процессе профессиональной подготовки: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 – Астрахань, 2008.
3. *Хитрюк В.В.* Инклюзивная готовность педагогов: генезис, феноменология, концепция формирования, Барановичи: БарГУ, 2015.
4. United Nations Resolution adopted by the General Assembly on 6 July 2017, Work of the Statistical Commission pertaining to the 2030 Agenda for Sustainable Development A/RES/71/313.

Специфика профориентационной работы со старшими школьниками в различных социокультурных парадигмах

Крылов А.А.

ФГБОУ ВО ТГУ им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия

KrylovAlan@yandex.ru

Профориентационная работа – это комплекс мероприятий, направленных на оказание помощи индивидам в определении своих профессиональных интересов, навыков, способностей и целей, а также на предоставление информации о различных профессиях и возможностях образования и карьерного развития. Эта работа включает в себя консультирование, тестирование, тренинги, ознакомление с реальной рабочей средой и другие методы, направленные на помощь людям принять информированные решения относительно выбора профессионального пути. В современной России используются различные профориентационные программы для школьников, и поскольку нет единой программы, отталкиваясь от стандартов, школы сами создают условия для формирования понимания у школьников как собственных способностей, так и знаний о существующих профессиях. Однако, в рамках Российской профориентационной работы в школах существуют проблемы: многие школьники не удовлетво-

рены качеством проводимой работы, предоставляемые меры не помогают им определиться с будущей профессией [2, с. 180]. Среди россиян 40% работают по полученной в университете специальности [3].

Если говорить о различии в подходах к профориентации школьников в России и других странах, то можно сказать следующее.

Российская профориентация привязана прежде всего к конкретной школе, поскольку как уже говорилось ранее, именно она задаёт направление профориентационной деятельности. Этот фактор, в том числе, снижает эффективность профориентационных программ, поскольку школы отталкиваются, прежде всего, не от запросов школьников, а от собственных возможностей, и наиболее комфортных для себя условий проведения. Основные направления российской профориентации – информационное ознакомление с имеющимися профессиями, тестирование склонностей к тем или иным видам деятельности и профпробы.

В европейских странах большую роль играют независимые организации: например, во Франции, есть 4 учебных заведения, разрабатывающих профориентационные программы для школьников: Институт психологических и психолого-социальных исследований в г. Бордо, Парижский институт исследований в области труда и профессиональной ориентации, Региональный институт профориентации в г. Лилле и Марсельский институт биометрии человека и профессиональной ориентации. По выведенным в данных заведениях данным, школьникам, в большей степени, предлагают выявление внутренних талантов и задатков, которые могут раскрыться в рамках какого-либо вида деятельности. В азиатских странах, наоборот, профориентационной работой преимущественно занимается государство, в Китае существует 4 основных направления профориентации: профпросвещение, профконсультации, профотбор, профадаптация. Отличием от российской системы профориентации, применяемой в большинстве школ, является профадаптация, где школьники не просто проходят стажировки, а наблюдают за работой опытных профессионалов, изучая их особенности, привычки, образ жизни и т.д. [1, с. 192]. В Японии данный вопрос реализуется с помощью системы: «F-тест» (Fukuyama-тест). Это уникальная тестовая программа, нацеленная на определение потенциальной профессии школьника. Автор выделяет три основных фактора осознанного выбора профессии: самоанализ, анализ профессий, профессиональные пробы. Каждый год учащиеся 7-9 классов пробуют себя в 16 различных профессиях из разных областей: сельское хозяйство, научная деятельность, бизнес и т.д. Таким образом за три года они пробуют свои силы в 48 различных профессиях [4, с. 85].

В заключении можно сказать, что есть необходимость в совершенствовании системы профориентации российских школьников. Существует возможность для интеграции в российскую систему профориентационной работы элементов F-теста, с учётом национальных особенностей мышления российских школьников.

Литература

1. *Барбашева Л.Ю.* Опыт профориентационной деятельности в Китайской Народной Республике: учителя только открывают двери, дальше идёте

- вы // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык, 2017. С. 188–209.
2. Крылов А.А. ПрофорIENTATIONная работа в школах: особенности психологического восприятия подростков // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию, 2023. № 2. С. 178–183.
 3. По специальности, полученной в вузе, работают 4 из 10 россиян [Электронный ресурс] URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112775/po-specialnosti/> (дата обращения: 31.08.2023).
 4. Черникова Л.В. Методология современной профориентации за рубежом // Вестник Института экономических исследований, 2019. С. 80–87.

Формирование межкультурной компетентности обучающихся-инофонов в полиэтнической среде Хабаровского края

Кулеш Е.В.

ФГБОУ ВО «ТОГУ», Хабаровск, Россия
resurssentr@mail.ru

Интеграция обучающихся-инофонов в полиэтнической среде Хабаровского края – тема, которая остается крайне актуальной на протяжении порядка десятилетия, поскольку оказывает определяющее влияние на развитие образования, так как в ДВ регионе происходит увеличение доли детей иностранных граждан и одновременно детей с миграционной историей, которые еще не являются гражданами России.

В обозначенном контексте все чаще возникает вопрос, связанный с психолого-педагогическим сопровождением обучающихся-инофонов, которые в большинстве своём трудно справляются с разрешением задач социально-культурной адаптации к условиям проживания принимающей стороны. Вопросы трудностей обучения заставляют педагогов разрабатывать технологии, способствующие эффективной адаптации каждого индивидуума с акцентом на формирование межкультурной компетентности в условиях гражданского становления российского общества. При этом решение задач языковой и социокультурной адаптации детей иностранных граждан должно основываться на комплексном подходе с учетом специфики конкретного образовательного учреждения с использованием активных методов обучения [4].

В обозначенном контексте в Хабаровском крае с 2013 года ведется работа по реализации модели формирования межкультурной компетентности личности обучающегося через деятельность краевого инновационного комплекса (далее КИК) при поддержке ХКИРО (Хабаровский краевой институт развития образования). Решение ключевых задач КИК включает, прежде всего, мероприятия, направленные на устранение преград и нахождение путей эффективной межкультурной коммуникации, на раскрытие собственных потенциальных возможностей с развитием рефлексии среди обучающихся [6]. Также стоит отметить, что ресурсом обозначенной модели деятельности является консолидирование усилий государственных структур и институтов гражданского общества, в частности комитета внутренней политики Прави-

тельства края и Ассамблеи народов Хабаровского края, в состав которой входит АНО «Дальневосточный ресурсный центр межкультурного взаимодействия». Остановимся на характеристике конкретных примеров мероприятий проектной деятельности, направленных на обеспечение указанного выше процесса [1]. Так в 2020 г. был реализован проект «Русская культура в объективе гражданского мира многонациональной молодежи Хабаровского края» включающей разработку электронного сетевого регионального контента «Интеграция» (<http://resource-center.tilda.ws/integration-list>), направленного на «... формирование культурного интеллекта субъектов взаимодействия в полиэтнической образовательной среде Хабаровского края» [2; 3].

Организация обучения с помощью цифрового контента основываются на идеях А.М. Смолкина, где используются такие методы обучения, которые в процессе усвоения учебного материала заставляют активизировать познавательную деятельность и выточивать навыки прикладного характера для лучшего его усвоения [5]. Кроме того, указанный выше проект включал еще одно мероприятие с использованием активных методов обучения в виде дидактической игры «Ковер дружбы». Цель дидактической игры направлена на освещение знаний о национальных традициях разных народов Хабаровского края, развитие толерантности и межкультурной компетентности. Игра «Ковер Дружбы» была апробирована со студентами балакавриата факультета психологии ФГБОУ ВО «ТОГУ» и далее с обучающимися МБОУ СОШ № 16 и № 76 г. Хабаровска.

Кроме того, значимым этапом в реализации указанного выше проекта является использование технологии с проведением конкурса-фестиваля «Древо жизни», направленного на использование технологий развития билингвизма с творческими проявлениями у детей и молодежи ДВ региона. Проведение конкурса показало, что интерес к его проведению ежегодно растет, поскольку у обучающихся появляется возможность проверить знания родного языка и одновременно оставить «след в истории», поскольку лучшие из работ входят в содержание каталога «Древо жизни» с размещением в открытом доступе на сайте портала Правительства Хабаровского края «Многоликий Хабаровский край» в разделе «Медиатека» <https://mnogolikiy.ru/>, а также на сайте организации «Дальневосточный ресурсный центр межкультурного взаимодействия» под рубрикой «Клуб ценителей русской и родной культур» [Ресурсный центр \(tilda.ws\)](http://resource-center.tilda.ws/).

Резюмируя сказанное, хочется отметить, что представленные вниманию технологии активных методов обучения позволяют «погружаться» в образовательный контент, реализующийся на основании обеспечения актуальных, научно подтверждаемых данных, определяющих возможность формирования целевого для стратегии ФГОС становления целостной, рациональной картины мира у обучающихся. Нужно сказать, что представленные технологии, – это лишь определенная часть из множества технологий, где важно осознавать, что выбор методов активного обучения будет зависеть от множества причин и факторов, связанных с индивидуально-психологическими особенностями каждого представителя инофона, где выбор предполагаемых средств обучения будет «открывать двери» понимания себя в поликультурном мире.

Литература

1. *Кулеш Е.В.* Проектная деятельность ресурсного центра профессионального образования в системе межнационального взаимодействия полиэтнического региона // Интеграция научных школ Дальнего Востока в образование региона. Сб. статей по итогам Всерос. науч.-практ. конф. / Отв. ред. В.А. Давыденко. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2021. С.163–167.
2. *Кулеш Е.В., Дьячкова Л.Г., Шулик И.В.* Дидактический потенциал проектирования учебного сетевого контента в процессе обучения будущих педагогов (на примере реализации проекта «Русская культура в объективе гражданского мира многонациональной молодежи Хабаровского края») // Проблемы современного педагогического образования. Сб. науч.тр. – Ялта: РИО ГПА, 2021. Вып. 72. Ч.2. С. 137–142.
3. *Кулеш Е.В., Дьячкова Л.Г.* Дидактические инструменты кластерного подхода к проектированию межкультурной компетентности обучающихся в цифровой образовательной среде // Проблемы современного педагогического образования. Сб. науч. тр. Ялта: РИО ГПА, 2022. Вып. 76-3. С. 285–288.
4. Методические рекомендации для органов государственной власти субъектов Российской Федерации «О социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных граждан в Российской Федерации». ФАДН России, 17 ноября 2020 г., № 142.
5. *Смолкин А.М.* Методы активного обучения: метод. пособие для преподавателей и организаторов проф. и экон. обучения кадров. М.: Высш. шк., 1991. 175 с.
6. *Черняк Н.В.* «Межкультурная компетенция» и смежные термины в понятийном аппарате межкультурной дидактики // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. №2.

Гендерные различия обращения за социальной поддержкой у российской и южноосетинской молодежи

*Куфтяк Е.В.¹, Бехтер А.А.²,
Филатова О.А.², Газзаева Н.М.³, Сиукаева Е.Г.³*

¹ФГБОУ ВО РАНХИГС, Москва, Россия;

²ФГБОУ ВО ТОГУ, Хабаровск, Россия;

³ГАОУ ВПО ЮОГУ им. А.А. Тибилова,

Цхинвал, Республика Южная Осетия

elena.kuftyak@inbox.ru

Кросс-культурный аспект исследования социальной поддержки у молодежи интересен с точки зрения понимания особенностей совладания в разных странах. Как правило, это обусловлено традицией разных культурных сообществ. Обращение за социальной поддержкой выступает как индикатор присутствия в сознании некоторой установки на коллективные формы совладания. Именно поддержка от других на уровне установки заставляет молодых людей верить в то, что о них заботятся, любят, уважают и что они являются

участниками сети взаимных обязательств [4]. И это позволяет молодежи избегать чувства тревожности и изоляции [1; 4; 5].

Мы рассматриваем социальную поддержку как любые действия, добровольно и с благими намерениями совершаемые в отношении знакомого человека, которые приносят ему немедленный или отсроченный положительный эффект [3]. Известно, что социальная поддержка оказывает прямое положительное влияние на психологическое здоровье, а также производит буферный эффект, защищая от стрессов [4], также является ресурсом для эффективного решения эмоциональных проблем [5].

Нами было выявлено, что молодые люди из России и Южной Осетии различаются по поиску инструментальной поддержки, обращению за помощью к социальному окружению и противостоянию [2]. Поэтому целью настоящего исследования было определить, существуют ли гендерные различия в обращении за социальной поддержкой у молодежи разных этносов. Мы предположили, что молодые женщины и мужчины разных этносов имеют разные возможные обращения за социальной поддержкой, что обусловлено культурными особенностями.

Выборку из России составили 97 студентов (75 девушек и 22 юноши) в возрасте от 19 до 25 лет ($M = 20.31$, $SD = 1.80$); выборку из Южной Осетии составили 103 студента (57 девушек и 46 юношей) в возрасте от 19 до 25 лет ($M = 21.60$, $SD = 1.81$). Среди российских респондентов 97 % относят себя к русским, среди осетинских – 100 % относят себя к осетинам. В исследовании приняли участие студенты различных направлений специализации (гуманитарное, техническое, экономическое), обучающихся в российских вузах Москвы, Санкт-Петербурга, Ярославля, Екатеринбургa, Хабаровска; Южно-осетинском вузе Цхинвали.

Нами были использованы «Опросник способов копинга» в адаптации Е.В. Битюцкой и методика «Проактивный копинг» в адаптации Е.П. Белинской и др. Сбор данных осуществлялся с использованием Google Forms и бланковых версий опросников. Обработка и анализ данных осуществлялись с помощью статистического пакета Jamovi 2.3.21.

Анализ основных статистик позволяет говорить о том, что в основном распределение близко к нормальному, исходя из показателей асимметрии и эксцесса. Анализ средних значений реактивно-проактивных стратегий совладания позволил установить, что женщины и мужчины двух этносов различаются по выраженности стратегий обращения за социальной поддержкой – русские девушки более склонны искать социальную поддержку в разных ее формах (эмоциональную, информационно-сетевую и непосредственно социальную как компонент взаимодействия). Этот факт вызвал у нас пристальный интерес, поскольку до этого нам удалось установить, что одним из важных предикторов проактивно-реактивного совладания является именно обращение за социальной поддержкой [2].

Сравнение русских и осетинских молодых девушек показало, что они различаются по поиску инструментальной ($t = 3.48$, $p = 0.003$, $d = 0.602$) и эмоциональной поддержки ($t = 2.21$, $p = 0.028$, $d = 0.382$), обращению за помощью к социальному окружению ($t = 3.25$, $p = 0.001$, $d = 0.562$). У парней статистически значимых отличий в различных видах поиска поддержки не обнаружено. На наш взгляд такое различие у русских и осетинских девушек связано с нормами социального поведения. В культуре Южной Осетии женщина чаще не

может инициировать жалобы другим и обращаться за социальной поддержкой, так как это считается недопустимым или неприемлемым, в русской культуре данные паттерны являются необходимой частью женского общения.

Исследование обращения за социальной поддержкой у южноосетинской и российской молодежи будет продолжено в наших последующих работах. Перспектива исследования состоит в анализе сочетания предикторов социальной поддержки и ее роли в реактивно-проактивном совладании молодежи.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и МОНРЮО, проект № 21-513-07004 «Совладание с вызовами сложности изменяющегося мира в период ранней взрослости (молодости)».

Литература

1. *Битюцкая Е.В., Курилова Е.В., Логачева Е.А.* Коллективные формы совладания с трудными жизненными ситуациями // Теория и практика культурно-исторической психологии: материалы XVIII Международных чтений памяти Л.С.Выготского / Под ред. Г.Г. Кравцова. В 2 ч. Ч. 2. М., 2017. С. 95–101.
2. *Куфтяк Е.В., Бехтер А.А., Филатова О.А., Газзаева Н.М., Сиукаева Е.Г.* Предикторы проактивного преодоления на этапе ранней взрослости: кросс-культурное исследование // Клиническая и специальная психология, 2023. Т. 12. № 2. С. 164–191.
3. *Силантьева Т.А.* Социальная поддержка как ресурс совладания со стрессом в трудной жизненной ситуации // Психология стресса и совладающего поведения в современном российском обществе. Материалы II Межд. науч.-практ. конф. Кострома, 2010. Т. 1. С. 177–179.
4. *Cobb S.* Social Support as a Moderator of Life Stress // *Psychosomatic Medicine*, 1976. Vol.38 (5). P. 300–314.
5. *McNaughton-Cassill M.E., Lopez S., Knight C., Perrotte J., Mireles N., Cassill C.K., Silva S., Cassill A.* Social Support, Coping, Life Satisfaction, and Academic Success Among College Students // *PSI CHI JOURNAL*, 2021. Vol.26 (2). P. 82–90.

Представления о России у разных групп россиян

Лебедева Н.М., Бушина Е.В., Кузнецова Ю.А.
¹ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ», Москва, Россия
lebedhope@yandex.ru

Изучение образа страны остается актуальным вопросом в любое историческое время. Образ России всегда был и остается непостоянным, многоликим и противоречивым: одни считают Россию великой и могущественной державой, другие – бедной, и зачастую слабой, при этом в современных условиях мирового кризиса эти мнения еще больше поляризуются, как внутри страны, так и за ее пределами. Однако для жителей России этот вопрос остается самым главным, потому что он определяет их будущее.

Согласно социологическому мониторингу ФОМ (2012–2016 гг.) по мнению 36% россиян, к нашей стране в мире относятся объективно, 51% опро-

шенных придерживаются обратного мнения. При этом подавляющее большинство опрошенных убеждены, что Россию мир уважает (73%) и боится (86%), что ее считают развитой (60%), богатой (70%) и свободной (56%) страной. В сравнении с прошлыми опросами, позитивные представления россиян о своей стране и о ее имидже в мире встречаются несколько реже, негативные – чаще [2].

Результаты исследования социальных представлений студентов о России в связи с их эмоциональными особенностями в условиях неопределенности, возникших с началом специальной военной операции показали, что позитивные представления о России выступают в роли личного ресурса, оптимизирующего эмоциональные состояния (тревожность и стрессоустойчивость). Результаты исследования опровергают распространенный в общественном сознании миф об отсутствии патриотизма у современной студенческой молодежи [1].

Для изучения представлений о России у представителей разных социальных групп россиян в современных условиях сотрудниками Центра социокультурных исследований НИУ ВШЭ была создана и апробирована методика «Представления о России в современном мире». В ходе факторного (эксплораторного и конфирматорного) анализа были выделены 3 шкалы: «Авторитет России в мире», «Внутренняя русофобия», «Потенциал и вектор развития России», которые показали хорошую внутреннюю согласованность и пригодность для эмпирических социально-психологических исследований.

Опросник был апробирован в эмпирическом исследовании, которое было проведено в январе-феврале 2023 года в онлайн формате с использованием платформы Anketolog.

В исследовании приняли участие 658 человек в возрасте от 16 до 74 лет, средний возраст составил 40,8 лет. Опрос проводился в 8 федеральных округах. Мужчины в данном исследовании составили 34,6% опрошенных, женщины – 65,4%. К русским себя отнесли 84,2%, к представителям других этнических групп – 15,8% (сюда вошли татары, башкиры, карелы, буряты, представители народов Северного Кавказа, марийцы, ханты, якуты и др.). Православными себя считают 61% опрошенных, к исламу себя отнесли 7,4%, 25,9% опрошенных указали, что они не исповедуют никакой религии. Наибольшее количество опрошенных составляют россияне с высшим образованием (63,3%); респонденты со средним специальным образованием (26,1%), со средним (6,5%), респонденты, имеющие ученую степень (2,6%), менее всего в выборке представлены люди с неполным средним образованием (1,5%).

Межгрупповые сравнения по разным показателям (возраст, образование, уровень дохода, этнический статус, религиозность, регион проживания) показали, что ряд показателей, например, регион проживания, не оказывают значимого влияния на представления о России: россияне, вне зависимости от региона своего проживания, разделяют одни и те же представления о России: высокий уровень авторитета России в мире, позитивные представления о потенциале и векторе (ориентация на Восток) развития России и низкий уровень русофобии (негативных представлений о России, включая намерение эмигрировать из страны).

Небольшие колебания факторов представлений о России наблюдаются в зависимости от поколения, образования, уровня дохода, этнического статуса и религиозности. В частности, в сознании молодых людей (от 12 до 34 лет) в це-

лом представления о России носят более негативный характер, чем у представителей более старших поколений (от 35 до 80 лет): они значимо ниже оценивают авторитет и потенциал страны, а уровень русофобии у них повышен.

Сравнение по отдельным факторам представлений о России показало, что уровень образования влияет только на фактор «Авторитет России»: люди с более низким уровнем образования значимо выше оценивают авторитет России, чем интеллектуальная элита России.

Что касается дохода, то в целом представления о России позитивнее по всем трем шкалам у людей, которые не испытывают материальных затруднений и которым хватает своего дохода. Они значимо выше оценивают авторитет России и ее потенциал, у них значимо ниже выражен уровень русофобии в отличие от тех, кому жить «довольно трудно» или «очень трудно».

У представителей русского этнического большинства фактор «Внутренняя русофобия» менее выражен, чем у представителей этнических меньшинств. Авторитет России и ее потенциал значимо выше оценивают религиозные люди (православные и мусульмане), в отличие от нерелигиозных людей, при этом внутренняя русофобия значимо ниже у православных россиян.

Таким образом, обобщая, следует сказать, что более позитивные представления о России у русских людей старше 35 лет, с высоким и средним уровнем дохода и религиозных (православных и мусульман), чем у молодых россиян до 35 лет, людей с низкими доходами, нерелигиозных, принадлежащих к этническим меньшинствам, которые более критически оценивают авторитет и потенциал России.

В плане практических рекомендаций необходимо продумать программы, способствующие росту доходов, поддержке молодых россиян, росту влияния традиционных для России конфессий, воспитанию позитивной этнической и общероссийской гражданской идентичности у подрастающих поколений.

Литература

1. *Ендовицкий Д.А., Гайдар К.М., Мазкина О.Б.* Социальные представления о России и эмоциональные особенности студентов в условиях неопределенности // Вестник ВГУ: Проблемы высшего образования, 2022. №4. С. 37–44.
2. Фонд общественного мнения. Представления о России [Электронный ресурс] / URL: <https://fom.ru/Mir/13168> (дата обращения: 06.09.2023).

Особенности переживаний женской идентичности у современных россиянок

Ляниёва И.А., Ткаченко Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
inna.aldanova@gmail.com,

Описывая культурную и социальную ситуацию в мире большинство современных авторов говорят об уходе целостной системы представлений [2]. Целостная система обеспечивала единый язык, общность взглядов, в том

числе и по поводу того, какими качествами должны обладать идеальные мужчина и женщина. Современный мир, в этом смысле, потерял цельность и определенность. Современный человек стоит перед большим количеством равноправных выборов. Такая ситуация приводит к пересмотру представлений о том, что такое быть женщиной. В социальных представлениях российских женщин сегодня одновременно присутствуют традиционные для коллективистской культуры женские образы, феминистические идеи и индивидуалистические ценности [3]. Неоднородный комплекс из противоречивых стереотипов, идеалов и суждений создает особую ситуацию для формирования личностной идентичности вообще, и женской, в частности.

В нашей работе была поставлена *задача* описать особенности переживания принадлежности к женщинам у современных россиянок. При этом переживание понимается как особая внутренняя деятельность по переработке событий внешней и внутренней жизни женщины [1].

Методы исследования. Для сбора эмпирических данных в работе использован проективный метод М. Куна. Основным методом анализа выступил качественно-количественный метод контент-анализа. Количественная оценка проводилась с учетом всех предъявлений-ответов. Качественный анализ проводился путём выделения категорий в тексте ответов респондентов. На этапе сбора данных участницам предлагалось ответить на вопрос «Кто такая женщина?»

Выборка исследования. В исследовании приняли участие 68 женщин, проживающих в России горожанок с высшим образованием. Респондентки были поделены на 3 поколения: молодое 18–35 лет, среднее 36–50 лет и старшее поколение 50+.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе работы собран эмпирический материал – 1030 предъявлений. Это представления, мысли и чувства современниц о себе как о женщинах. В результате анализа данных – ответов на вопрос «Кто такая женщина?» мы выделили 16 тематических категорий. Наиболее полно представлены во всех трех поколениях: были следующие 4 категории: «Традиционные женские качества», «Женские состояния», «Семья», «Мифы. Волшебство».

Группу «Традиционные женские качества» мы связали с комплексом традиционных нормативных представлений о женщине, существующих в русской культуре. Сюда включены относимые к материнскому архетипу забота, жалость, жертвенность; качества, причисляемые к женскому стереотипу, например, теплота, доброта; а также качества, традиционно приписываемые русским, например, гостеприимство, душевность, изобретательность и другие.

Следующая большая группа – «Женские состояния». Категории «Традиционные женские качества» и «Женские состояния» выглядят близкими, но, на наш взгляд, требуют разделения. Оно проходит по границе социально-приемлемого. Качества, воспринимаемые как женские, но маркируемые неоднозначно и часто выражаемые как состояния, мы отнесли к категории «Женские состояния». Для определения этой группы мы опирались на исследовательский труд Клариссы Пинколы Эстес «Бегущая с волками» [4], посвященный женскому архетипу Первозданной Женщины. Работа исследовательницы включает мифы о Дикой Женщине, не ограниченной еще социальными рамка-

ми. В эту категорию были отнесены такие ответы как «источник энергии», «радость», «танец», «жизнь», «легкость», «раскованность», «загадка» и другие.

Следующую по величине категорию составили ответы, в которых женщины определяют себя через семейную функцию, роль, семью. Сюда вошли ответы «мать», «дочь», «жена», «сестра», «семья» и другие.

Респондентки в определении женщины обращались также к мифологическим образам и образам природы. Из общего количества ответов 70 отражали мифологические представления и были связаны со сказочными персонажами или действиями. Например, «целительница», «кикимора», «ведунья», «ведьма», «волшебница», «русалка», «высшее божественное начало», «Мать-Земля» и другие.

Межпоколенческие различия проявились в нижеследующих категориях и согласуются с задачами возраста. Для молодого поколения – «Профессиональная роль», для среднего поколения – «Отношения с женщиной», для старшего поколения – «Природа» и «Муза».

В целом, наибольшее количество предъавлений лежит в области традиционных представлений о женщине, 355 ответов из 1030. Таким образом, можно сделать вывод, что основное ядро женской идентичности остается общим у всех поколений.

Сопоставление с результатами ранее проведенных исследований помогло заметить новые тенденции в звучании темы женской идентичности в наши дни. 28 ответов попало в категорию «давнизм». Эти ответы описывают женщину через научный лексикон отличительных признаков и, в целом, не выделяют человека и женщину из животного мира. В этом мы видим рост увлечения научно-популярной литературой. («особь с признаками женского пола», «человеческая особь, имеющая женские половые признаки», «женщина – это человек женского пола, биологически – самка человека», «индивид женского пола»). 9 ответов пытались определить специфически женское через противопоставление мужскому («просто те, кто не мужчины», «такой же человек, как и мужчина», «не мужчина») и в этом, возможно, отражаются желание утвердить независимую роль женщины.

Литература

1. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 9.
2. Новейший философский словарь. Постмодернизм / [гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов]. Минск: Современный литератор, 2007. 815 с.
3. *Чикер В.А., Свирихина Д.А.* Социально-психологические особенности женщин, состоящих в антифеминистских интернет-сообществах // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 4. С. 145–146.
4. *Эстес К.П.* Бегущая с волками: женский архетип в мифах и сказаниях / [пер. с англ.: Т. Науменко]. М.: София, 2008. 653 с.

Национальный характер в начале XXI века. Некоторые методологические подходы в западной науке

Мажинский С.В.
ФГАОУ ВО ТюмГУ, Тюмень, Россия
mazhinsky@yandex.ru

В начале 2000-х годов возрос интерес к национальному характеру, характеризующийся линейным ростом количества статей, связанных с концептуализацией данного феномена [8, р. 1]. Несмотря на критику концепции национального характера, вплоть до ее отрицания в XX веке, в начале XXI века для описания национальных особенностей вновь потребовалась концепция национального характера.

Несмотря на рост в начале XXI века исследовательских статей, касающихся проблематики концепции национального характера, британский социолог Энтони Д. Смит в 2001 году пришел к выводу, что концепция национальной идентичности заменила концепции национального характера, а затем и национального сознания. Хотя ученый признавал, что термин «национальная идентичность» не поддается простому определению [7, р. 18].

Главная проблема, которая была обозначена в начале XXI века, касается национального характера и его связи с усредненными личностными качествами [10, pp. 2-3]. К началу века были собраны обширные данные личностных характеристик в рамках кросс-культурных исследований, проведенных с начала 1970-х по конец 1990-х годов. Начался поиск моделей, в рамках которых можно совместить концепцию национального характера и собранные эмпирические данные личностных характеристик. Одну из первых моделей предложили Герт Хофстед и Роберт МакКрей в 2004 году. Они предположили, что с помощью данных, которые описывают культурные и личностные измерения, возможно проследить связь между личностью и культурой в процессе взаимодействия [2, pp. 55–56].

Также была сделана попытка эмпирически оценить концепцию национального характера в рамках исследования, проводившегося в 49 странах мира. В рамках него были включены такие модели опроса как: NEO PI-R (пересмотренный личностный опросник NEO) и FFM (пятифакторная модель). Также был предложен опросник, который измерял национальный характер (NCS). Итогом исследования стало то, что национальный характер является социальной конструкцией с различными функциями [9, р. 6].

Британскими учеными была предпринята попытка отождествления концепции национального характера с феноменом национальной идентификации. Они, используя феномен национальной идентификации, попытались через различные контексты сравнения (межгрупповые, временные и т.д.) описать общие черты национального характера. Ими было доказано, что феномен национальной идентификации играет важную роль в понимании национального характера [6, р. 688].

Попытка понять национальные стереотипы, посредством рассмотрения климатических особенностей разных регионов, была сделана группой ученых из Европы и Америки. Их исследования были построены на рассмотрении особенностей стереотипов Севера и Юга, корреляции богатства с климатическими условиями в 49 странах. Учеными была получена поддержка гипотезы

о том, что климатическая теплота и национальное процветание приводят к проявлению межличностной теплоты и страсти [5, pp. 953–976].

В начале 2010-х годов было сформировано два подхода в рамках изучения национального характера. Первый подход подразумевал использование большого спектра характеристик, включая интеллект, внешний вид, пищевые предпочтения и спортивные способности. Второй – сконцентрирован на качествах личности, в рамках которого используются всеобъемлющая модель личностных черт и FFM [4, p. 832]. С одной стороны два подхода направлены на получение эмпирических данных, что создает иллюзию исчисляемости национального характера, с другой – очевидна тенденция на отождествление национальных стереотипов с национальным характером.

Развитие и апробация подходов кросс-культурной психологии привели к тому, что использование FFM по изучению личностных характеристик было признано универсальным среди психологов. Практически, это означало, что культурные психологи во всем мире могли опираться на установленные открытия в понимании личности в своей культуре и могли вносить свой вклад в общую совокупность знаний. Теоретически, это предполагало, что черты личности являются глубокой частью человеческой природы, структурируют не только самооценку, но и групповые стереотипы. Все культуры должны учитывать индивидуальные различия в личностных чертах FFM, и, возможно, сама культура частично формируется по образцу FFM [3, p. 64]. Хотя также было высказано предположение, что FFM не способна показать особенности личности во всех культурах [1, p. 195].

Подводя итог развития концепции национального характера в начале XXI века можно заметить, что несмотря на то, что в конце XX века подавляющее большинство западных ученых отказалось от использования термина «национальный характер», то за неимением более полной концепции произошло возвращение и переосмысление подходов национального характера, и поиск новых методов продолжается до сих пор.

Литература

1. *Allik J., Realo A.* How valid are culturelevel mean personality scores? // *The Praeger handbook of personality across cultures* / Edited by A.T. Church. Santa Barbara, California: Praeger, 2017.
2. *Hofstede G., McCrae R.R.* Personality and Culture Revisited: Linking Traits and Dimensions of Culture // *Cross-Cultural Research*, 2004. Vol. 38. № 1.
3. *McCrae R.R.* The five-factor model across cultures // *The Praeger handbook of personality across cultures* / Edited by A.T. Church. Santa Barbara, California: Praeger, 2017.
4. *McCrae R.R. et al.* The inaccuracy of national character stereotypes // *Journal of Research in Personality*, 2013. Vol. 47. №. 6.
5. *McCrae R.R. et al.* Climatic warmth and national wealth: some culture-level determinants of national character stereotypes // *European Journal of Personality*, 2007. Vol. 21. №. 8.
6. *Nigbur D., Cinnirella M.* National identification, type and specificity of comparison and their effects on descriptions of national character: Identification and context in national identity // *European Journal of Social Psychology*, 2007. Vol. 37. № 4.

7. *Smith A.D.* Nationalism: theory, ideology, history. Cambridge, UK ; Malden, MA: Polity, 2010. Second edition.
8. *Sneffella B., Schmidtke D., Kuperman V.* National character stereotypes mirror language use: A study of Canadian and American tweets // PLOS ONE, 2018. Vol. 13. № 11.
9. *Terracciano A. et al.* National Character Does Not Reflect Mean Personality Trait Levels in 49 Cultures // Science, 2005. Vol. 310. № 5745.
10. The Five-Factor Model of Personality Across Cultures / Edited by. R.R. McCrae, J. Allik. Boston, MA: Springer US, 2002.

Этническая идентичность представителей народов Поволжья и социально-психологическая устойчивость личности

Малышев И.В.

ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»,
Саратов, Россия
iv.999@list.ru

Изучение личности современного молодого человека, включая ее индивидуальные и социально-психологические характеристики, в настоящее время занимает важное место в психологических исследованиях и не теряет свою актуальность. Согласно современным научным представлениям, под дефиницией «личность» в социальной психологии рассматривается индивид как член общества и определенной социальной группы, который способен к осознанной и активной деятельности в основных сферах общественной жизни в силу своего уровня социально-психического развития [4]. Особенно важное значение имеет данная проблематика в контексте изучения этнической идентичности и ее связи с социально-психологической адаптацией личности.

Этническая идентичность – это осознание, оценивание и переживание индивидом своего тождества с определенной этнической общностью и обособление от других этнических групп. Этническая идентичность выступает отражением ценностно-мотивационной направленности личности в процессе восприятия происходящих в современном обществе политических, социально-экономических, этнокультурных событий.

Интерес психологов к данному феномену обусловлен той значимостью, которую имеет этническая идентичность в условиях нарастания глобализации экономических и социальных процессов [2; 3]. В современных исследованиях подчеркивается роль этнической идентичности как существенного показателя успешности социально-психологической адаптации личности представителей разных этнических групп в условиях социально-экономической нестабильности и незащищенности [1; 6].

Важной характеристикой социально-психологической адаптации личности выступает также ее устойчивость к негативным воздействиям окружающей среды. Прежде всего, под психологической устойчивостью подразумевается особое психологическое образование, имеющее нравственный характер. Оно складывается в результате самостоятельного нахождения личностью смысла

своего существования, усвоения традиционных нравственных ценностей, которые проявляются при принятии любых жизненных решений и жизненных выборов, включая выбор способов получения и потребления материальных благ [5]. В этой связи представляет интерес исследование М.А. Чуусова. Автор исследует социально-психологическую устойчивость личности несовершеннолетних, для которой характерно ответственное отношение к социальным нормам, правилам, ценностям, а также нетерпимое отношение к негативным явлениям окружающей действительности. Отмечается, что такое отношение молодого человека к жизни приводит к развитию самоорганизации и саморегуляции его поведения, формированию навыков отстаивания своей точки зрения и своих принципов. Тем самым подчеркивается, что молодой человек, обладающий высоким уровнем социально-психологической устойчивости, способен нести ответственность за свои взгляды и перед самим собой, и перед конкретным коллективом, и перед обществом [8].

Учитывая недостаточную изученность вышеописанных феноменов «этническая идентичность» и «психологическая устойчивость» в их взаимосвязи и взаимовлиянии, целью нашего исследования является изучение характера взаимосвязи когнитивно-эмоциональных составляющих этнической идентичности молодых людей с их психологической устойчивостью. В качестве выборки предполагается изучение студентов, обучающихся в вузах Саратовской области и других областей Поволжского региона. Так, Саратовская область характеризуется богатым представительством малых народностей. В пилотажном исследовании мы акцентировали свое внимание на студентах Саратовских вузов – выходцев из компактных мордовских поселений. В настоящее время финно-угорская языковая группа насчитывает 26 млн. человек, из которых 4,5 млн. человек проживают в России. Вместе они составляют 2 большие этнические группы представителей мордвы: эрзя и мокша. В Саратовской области мордва составляет большинство среди других национальностей финно-угорского происхождения, компактно проживающих в Петровском, Энгельском и других районах региона [7].

В процессе предварительного этапа исследования (подготовки анкеты и в ходе выборочного собеседования с испытуемыми) показано, что представители малых народов в идентификации со своим этносом ищут, прежде всего поддержку и опору. Уровень этнической идентичности представителей малых народов характеризует их психологическую устойчивость в самых разных аспектах.

В целом теоретический анализ проблематики и предварительный этап эмпирического исследования позволяют говорить о важной роли этнической идентичности в развитии личности молодых людей (в частности, студенческой молодежи Саратовской области), как фактора их моральной и социально-психологической устойчивости. Для полного подтверждения данной гипотезы, свидетельствующей о взаимосвязи между данными явлениями, необходимы дополнительные исследования с увеличением выборки испытуемых, применением более широкого репертуара методических средств.

Литература

1. *Гриценко В.В.* Этническая идентичность и социально-психологическая адаптация // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика, 2006. Т. 6. № 1-2. С. 62–70.

2. *Гриценко В.В., Ковалева Ю.В.* Связь ценностей культуры с нормами и типами просоциального поведения русских и белорусов // Психол. Журнал, 2014. № 4. Том 35. С. 56–67.
3. *Гриценко В.В., Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Значимость гражданской, этнической и региональной идентичности для жителей малых российских городов и ее детерминанты // Социальная психология и общество, 2020. Том 11. № 4. С. 165–181. DOI:10.17759/sps.2020110412.
4. *Журавлев А.Л., Соснин В.А., Красников М.О.* Социальная психология: учеб. пособие. М., 2006. 416 с.
5. *Зыкина Е.И.* Методика развития нравственной устойчивости у студентов – будущих юристов на занятиях по английскому языку // Вестник ИжГТУ имени М.Т. Калашникова, 2015. №3 (67). С. 129–130.
6. *Константинов В.В.* Системно-динамический подход к социально-психологической адаптации мигрантов // Человеческий капитал, 2018. № 4 (112). С. 49–62.
7. *Потанов А.Е.* Этногенез и основные черты культуры мордвы // Культура и история народов Саратовского Поволжья: Учебное пособие. Саратов: Научная книга, 2005.
8. *Чуносов М.А.* Психолого-педагогический аспект формирования у несовершеннолетних морально-ценностной устойчивости к идеологии экстремизма // Обзор. НЦПТИ, 2018. № 2 (13). С. 34–38.

Межкультурная адаптация иранских студентов в России

Маслова О.В., Осипян М.Д.

ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России
(Сеченовский университет), Москва, Россия
olgamas@list.ru, marah.osipyan@yandex.ru

Проблема межкультурной адаптации иностранных студентов изучается уже более полувека, но в условиях роста образовательной миграции интерес к ней только растет.

Результаты научных исследований и практический опыт показывают, что помимо методологически обоснованной и технологически оснащенной организации процесса обучения ведущим фактором его эффективности является адаптация студентов к новой культуре, к новым социально-психологическим условиям жизни. Наряду с общими для всех иностранных студентов трудностями (недостаточный уровень знания языка, различия в методах обучения и моделях взаимодействия между людьми и т.д.), межкультурная адаптация студентов из разных регионов имеет свои особенности [2] и их необходимо учитывать для оптимизации процесса межкультурной адаптации.

В российских вузах сегодня обучаются более 6,5 тысяч граждан Ирана, за последний год численность студентов выросла на 2 тысячи человек [6]. Такая динамика говорит об интересе к российскому образованию со стороны граждан Ирана. В частности, много иранских студентов обучается в Сеченовском университете. Однако работ, посвященных изучению адаптации иранских студентов в вузах России, нам найти не удалось.

Целью нашего исследования было выявление особенностей и гендерных различий в межкультурной адаптации иранских студентов.

В исследовании приняли участие 27 иранских студентов, мужчины составили 67%. Подавляющее большинство выборки (80%) составили студенты из Сеченовского университета, а 20% – студенты из РУДН. Средний возраст респондентов составил 23 года. В качестве инструментов исследования мы использовали: «Шкалу аккультурации к России» (ШАР) [1], «Шкалу социокультурной адаптации» [5], методику выявления стратегий аккультурации Дж. Берри и широко используемую «Шкалу удовлетворённости жизнью» [4]. Исследование проводилось очно и дистанционно, на основе сервиса Google-формы. Соблюдалась анонимность и добровольность исследования. Методики предлагались в 2-х вариантах – на русском и английском языке.

По результатам исследования среднее значение индекса аккультурации по выборке равно 76 баллов из 100 возможных. Наиболее высокие значения получили такие пункты: «Я веду себя в ответствии с нормами и правилами России» (4.71 из 5 баллов), «Я люблю говорить по-русски» (4.6), «Мне нравится путешествовать по разным местам России» (4.55), «Я люблю русскую природу» (4.55). Наименьшая степень согласия у респондентов была с утверждениями «Мне нравится русская еда» (2,85), «У меня есть несколько русских друзей» (3.03 баллов), «Я знаю многих великих людей в истории России» (3,07 баллов), «Я знаком с русской литературой (Пушкин, Достоевский, Чехов и др.)» (3.14), «Я чувствую себя в России как дома» (3.25).

Главная трудность наших респондентов – «Подружиться с кем-нибудь», эта проблема вызывает большие и экстремальные сложности у 48% респондентов. Также в качестве основных трудностей иранскими студентами признаются: «Следовать нормам и правилам» (44%), «Жить в этом климате» (44%) и «Найти еду, которая нравится» (41%). Самый высокий средний балл (3.33) набрала трудность «Иметь дело с бюрократической системой», эту проблему отмечают, как *крайне сложную* 37% испытуемых.

Наиболее выраженными стратегиями аккультурации является *интеграция* и *ассимиляция*, наиболее благоприятствующие адаптации к новой культуре (средний балл равен соответственно 16,26 и 12,3 из 20 максимально возможных). *Сепарация* и *маргинализация* выражены в меньшей степени (средний балл равен соответственно 9,41 и 8,89).

Важным показателем адаптации является удовлетворенность жизнью. По нашим данным среднее значение удовлетворенности жизнью иранских студентов равно 21,7 из 35 возможных баллов. При этом у 22% исследованных студентов – высокий уровень удовлетворённости жизнью, у 41% респондентов – средний, а у 37% респондентов – низкий.

Нас интересовал вопрос о гендерных различиях по изучаемым аспектам межкультурной адаптации. Сравнение индексов аккультурации, удовлетворенности жизнью, выраженности стратегий аккультурации у мужчин и женщин с помощью критерия Манна-Уитни не выявило значимых различий. Возможно, это связано с небольшой численностью выборки.

Как видим, несмотря на сложности, с которыми сталкиваются наши респонденты, они стремятся к интеграции и погружению в новую культуру. И задача принимающей стороны – помочь им в этом. С целью повышения у студентов межкультурной (этнокультурной) компетентности наиболее пред-

почтительными, на наш взгляд, являются тренинговые подходы и разработка программированного пособия «Культурный ассимилятор» [3].

Литература

1. Ардла А., Маслова О.В., Новикова И.А., Шляхта Д.А., Агилар Ю. Разработка и психометрическая проверка шкалы аккультурации иностранных студентов к России // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 3. С. 393–415. DOI: 10.22363/2313-1683-2019-16-3-393-415
2. Маслова О.В. Различия в межкультурной адаптации студентов из Африки, Латинской Америки и Китая // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии / Отв. ред. В.В. Гриценко. Смоленск, 2008. С.399–405.
3. Стефаненко Т.Г. Адаптация к новой культурной среде и пути ее оптимизации // Введение в практическую социальную психологию / Под ред. Ю.М.Жукова, Л.А.Петровской, О.В.Соловьевой. М.: Смысл. 1996. С.167–185.
4. Diener E., Emmons R.A., Larsen R.J., Griffin S. The Satisfaction with Life Scale // Journal of Personality Assessment, 1985. Vol. 49(1). P. 71–75. DOI: 10.1207/s15327752jpa4901_13
5. Ward C., Kennedy A. The measurement of sociocultural adaptation // International Journal of intercultural relations, 1999. Vol. 23. Vol. 659–677.
6. В России растет число иранских студентов в вузах [Электронный ресурс] / URL: <https://rsr-online.ru/news/2023/4/27/v-rossii-rastet-chislo-iranskih-studentov-v-vuzah/>

Оценки агрессивности по обобщенным мужским портретам тувинцев-эрзинцев

Мезентцева А.А.¹, Ростовцева В.В.¹, Бутовская М.Л.^{1,2,3}

¹ИЭА РАН, Москва, Россия; ²РГГУ, Москва, Россия;

³НИУ ВШЭ, Москва, Россия

a.mezentseva@iea.ras.ru,

victoria.v.rostovtseva@gmail.com,

marina.butovskaya@gmail.com

Внешность физически сильных и физически слабых индивидов весьма различается. По литературным данным, лица физически сильных индивидов обоих полов более массивные, с крупной нижней челюстью. Лица физически слабых индивидов обоих полов более грацильны, с относительно узкой нижней челюстью заостренной формы [1; 2; 7; 9]. Известно, что человек способен очень точно распознавать физическую силу мужчин по внешнему облику, просматривая изображения их лица [1; 2; 6]. Также известно, что физиономические признаки физической силы ассоциируются с представлениями о личностных и поведенческих качествах человека. Крупное мужское лицо может сигнализировать как о хорошем иммунитете и привлекательности, так и готовности к энергозатратной агрессии. Например, в нескольких западноевропейских исследованиях была зарегистрирована положительная взаимосвязь между физи-

ческой силой мужчин и их самооценкой по агрессии [5], а в одном исследовании [4] сообщалось о положительной связи между физической силой мужчин и воспринимаемой, по их фотографиям, агрессивностью. Эти результаты контрастируют с результатами недавнего исследования, реализованного в традиционном обществе, среди полукочевых скотоводов Восточной Африки, масаи [3]. Настоящим экспериментальным исследованием мы продолжаем работу по изучению особенностей восприятия мужского лица по критерию агрессивности. Целью нашей работы является проверка утверждения о специфических особенностях восприятия внешности физически сильных мужчин в традиционных обществах, далеких от западных культурных ценностей и контекстов.

За основу был взят стимульный материал, полученный в ходе нашего предыдущего исследования, реализованного в мужской популяции тувинцев-эрзинцев [1; 7]. Предъявляли два обобщенных мужских портрета, морфированных по уровню физической силы: физически слабый/сильный. Исследование проводилось методом дистанционного онлайн-опроса, в котором испытуемому предлагалось оценить агрессивность каждого из мужчин по 3-х балльной шкале (шкала оценочных значений – от 1 до 3, где 1 – слабо выражено, 2 – средне, 3 – очень выражено). К оцениванию были привлечены мужчины и женщины из независимых выборок того же происхождения, что и натурщики. Это – тувинцы монгун-тайгинцы ($N_{жен}=102$, ср. возраст =27,3; $N_{муж}=39$, ср. возраст = 26,8) и тувинцы из Кызыла ($N_{жен}=39$, ср. возраст =28; $N_{муж}=55$, ср. возраст = 27,9). А также контрольная выборка из контрастной популяции – русские студенты ($N_{жен}=154$, ср. возраст =20,3; $N_{муж}=42$, ср. возраст = 20).

Результаты нашего исследования показали, что у представителей тувинских групп, как у мужчин и у женщин, внешность физически сильного мужчины-тувинца ассоциируется с отсутствием агрессивной мотивации, тогда как внешность физически слабого – воспринимается агрессивной. Эти результаты полностью воспроизводят результаты аналогичного исследования, реализованного в популяции скотоводов Северной Танзании, масаев [3]. На основе экспериментальных данных, настоящего и предыдущего исследований, были выявлены результаты, не соответствующие общепринятым представлениям о положительной связи между физической силой и агрессией. Только молодые русские мужчины, студенты, оценивали портрет физически сильного мужчины (тувинца) агрессивным. Это может скорее объясняться фактором возраста, нежели кросс-популяционными различиями.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФ №23-18-00277.

Литература

1. Мезенцева А.А., Бутовская М.Л., Ростовцева В.В., Ананьева К.И., Демидов А.А. Визуальные маркеры физической силы (на примере формы лица тувинцев) // Экспериментальная психология, 2022. Т.15. №3. С. 88–99.
2. Butovskaya M.L., Windhager S., Karelin D., Mezentseva A., Schaefer K., Fink B. Associations of physical strength with facial shape in an African pastoralist society, the Maasai of Northern Tanzania // PLoS One, 2018. Vol. 13. № 5.
3. Butovskaya M.L., Mezentseva A.A., Mabulla A., Shackelford T.K., Schaefer K., Fink B., Windhager. Facial cues to physical strength increase attractiveness but decrease aggressiveness assessments in male Maasai of Northern Tanzania // Evolution and Human Behavior, 2022. Vol. 43. №. 2. P. 115–121.

4. *Gallup A.C. et al.* Handgrip strength and socially dominant behavior in male adolescents // *Evolutionary Psychology*, 2010. Vol. 8. №. 2.
5. *Gallup A.C., Fink B.* Handgrip strength as a Darwinian fitness indicator in men // *Frontiers in Psychology*, 2018. Vol. 9. P. 439.
6. *Holzleitner I.J., Perrett D.I.* Perception of strength from 3D faces is linked to facial cues of physique // *Evolution and Human Behavior*. 2016. Vol. 37. №. 3. P. 217–229.
7. *Mezentseva A.A., Rostovtseva V.V., Butovskaya M.L.* Facial cues to physical strength are not always associated with facial masculinity: Comparative study of Europeans and Southern Siberians // *American journal of human biology*, 2023.
8. *Sell A., Cosmides L., Tooby J., Sznycer D., Von Rueden C., Gurven M.* Human adaptations for the visual assessment of strength and fighting ability from the body and face // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, 2009. № 1656. P. 575–584.
9. *Windhager S., Schaefer K., Fink B.* Geometric morphometrics of male facial shape in relation to physical strength and perceived attractiveness, dominance, and masculinity // *American Journal of Human Biology*. 2011. Vol. 23. №. 6. P. 805–814.

Отражение традиционных ценностей и установок в коммуникации современных японцев

Мирей А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
mireianastasiia@yahoo.com

Основными ценностями в коммуникации остается вежливость по отношению к собеседнику, которая стала включать в себя заботу о безопасности собеседника. Результатом подобной заботы стал переход на удаленную форму работы, и в данной коммуникации особую важность обрела ценность быть постоянно на связи, что также очень сильно повлияло на личную жизнь и общение внутри семьи. Япония – это высоко контекстная культура, и в традиционных установках для продуктивной коммуникации важным является не только понимание того, что говорится, но и как это говорится [1], то есть очень важным является понимание тона голоса, жестикуляции, выражения лица, языка тела, паузы, возможность видеть и считывать собеседника. Из-за влияния удаленной работы и ношения масок возможность делать это существенно снизилась, и, хотя на данный момент многие компании вернулись в обычный режим работы, необходимость более четко артикулировать остается, что является для японцев необычным, так как они не принадлежат к нациям, активно выражающим эмоции.

Из-за влияния пандемии и режима самоизоляции, восприятие работы японцами изменилось – теперь для них стал более очевидным факт, что работа – это не вся жизнь, кроме этого, существуют очень важные вещи, такие как семья и дружба [5]. В целом выражается сожаление, что с уходом с жестких традиционных позиций стиля работы японцев утрачивается их уникальность, и выражается сомнение в сохранении японцами лидерства в мировых пози-

циях по продажам техники, так как лучшие результаты приписываются именно традиционному стилю работы японцев. Хотя при этом отмечается, что работать стало легче из-за уменьшения физического и психологического давления на рабочем месте.

Из-за распространения социальных сетей отношения теперь стали более прозрачными, утаить факт социально неприемлемого действия становится все сложнее, из-за чего, например, в частности, на рабочем месте, японцы стали вести себя более холодно и формально во избежание сближения, в котором проявление насилия является более вероятным. Любопытным является то, что увеличилось количество ухода с работы вышестоящих чинов, однако, по факту, ими создают условия работы, в которых они больше не могут проявлять психологического насилия в таких объемах, как раньше, и это является для них фактором, из-за которого они не могут продолжать работать [3].

Традиционные установки в коммуникации и работе японцев остаются неизменными – упорство, вежливость, важность довести дело до конца, не важно в каком темпе, и даже с каким результатом. Главное выполнять то, что было обещано и не вести себя высокомерно [4].

Несмотря на влияние американской культуры, формальность и вежливость, внимание по отношению к собеседнику и запрет на доставление неудобства окружающим остаются главенствующими принципами коммуникации японцев. И хотя наблюдается некоторое изменение в ценностных позициях и возрастающего гедонизма, в частности – индивидуализации японцев и предпочтения жить сегодняшним днем, а не стараться ради будущего, японцы не утратили своего национального характера [2, с. 1].

Таким образом можно сказать, что традиционные установки и ценности в коммуникации японцев продолжают сильно влиять на стиль общения, уважение к собеседнику и боязнь причинить ему неудобство. Это самая главная характерная черта японской коммуникации, однако, это влияние формальностей и традиций постепенно трансформируется, и в некоторых сферах, например, в компаниях, ориентированных на молодежь, начинает ослабевать.

Литература

1. *Бенедикт Р.* Хризантема и меч. Модели японской культуры. М., 2004.
2. *Дыбовский А.С., Ларина Л.Л.* О некоторых сходствах и различиях ценностных ориентаций японской и южнокорейской молодежи // Россия и АТР, 2016. №3 (93).
3. *Изотова Н.Н.* Интернет-коммуникации в Японии: социокультурный аспект // Ценности и смыслы, 2016. №2 (42).
4. *Орлянская Т.Г.* Ключевое слово японской культуры sumimasen // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. №1.
5. *Такэути Итиро* Техника коммуникации в эпоху коронавируса. Токио, 2022.

Эмоциональная стабильность, альтруизм и кросс-культурная адаптация китайских студентов в России

Музыченко Ю.Н., Почебут Л.Г.
ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
Iuliia.muzychenko@mail.ru, ludmila.pochebut@gmail.com

Согласно информации из Минобрнауки, количество студентов из Китая в российских вузах на 2023 г. выросло до 32,6 тыс. [1]. Принимая во внимание программу «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» до 2025г., научные работы по изучению адаптации и качеств, способствующих адаптации, представляются особенно актуальными.

В данном эмпирическом эмис-исследовании авторы поставили целью изучение опосредованной роли альтруизма в механизме положительной связи между эмоциональной стабильностью и кросс-культурной адаптацией. Выборка составила 87 китайских студентов, приехавших обучаться в российских вузах.

Альтруизм – это также включение в сетевые механизмы формирования социального капитала [2], поэтому его проявление может помочь адаптироваться в новой среде, завести новые знакомства. В данной работе авторы сосредоточат внимание на шкале альтруизма из Chinese Organizational Citizenship Scale (OCB) [6], которая нацелена на оценку альтруизма второго уровня, а именно альтруизма, направленного на процветание группы, который отличает человека от животного [2]. Безусловно, данная шкала оценивает намерения, а не реальное поведение, что следует учитывать при интерпретации данных. Более того, в некоторых странах альтруизм может быть выражением культурных особенностей, таких как понятие гуанси – важной части китайской культуры, подразумевающей некий социальный обмен: оказание услуги или помощи с пониманием, что в будущем, в случае необходимости, будет оказана ответная услуга; предыдущие исследования показали связь данной шкалы альтруизма с гуанси [17].

Альтруизм ассоциирован с личностными чертами, измеряемыми в тесте Big5 [3]. Эмоциональная стабильность Big5 связана с большим вовлечением в просоциальное поведение [5], низкий её уровень связан с более высоким уровнем эмпатии, как показало недавнее исследование на большой выборке из 530 китайских студентов [15]. Это особо актуально для нашего исследования, связанного со стрессовой ситуацией переезда. Любой стресс запускает цикл изменений по всему телу организма [11]. Последние исследования стрессовых ситуаций показали, что повышение кортизола после стрессового события связано с пониженным уровнем альтруизма в связи с блокированием некоторых мозговых путей, связанных с социальным принятием решений у людей с большим уровнем ментализации (эмоциональная восприимчивость и когнитивная способность представлять психическое состояние свое и других людей) [14], который обусловлен эмпатией [10]. Данное исследование мозговой активности и ментализации показало, что со временем эффект компенсировался и человек продолжал вести себя альтруистично по отношению к другим, но когда человек находится в другой стране и в состоянии хронического стресса довольно долго, то базовый уровень кортизола тоже повышается [13], что гипотетически могло бы отразиться и на альтруистическом поведении в негативную сторону.

Мы выдвинули следующую гипотезу: альтруизм опосредует взаимосвязь между эмоциональной стабильностью и кросс-культурной адаптацией китайского студента в России.

Участники были набраны в 2018 г. в МГТУ им. Н.Э. Баумана, протокол исследования был рассмотрен и одобрен руководством вуза; автор получил формы согласия от всех участников (ФЗ РФ № 152 от 27.07.2006 г). В опросе приняло участие 62 (71,3%) мужчины и 25 (28,7%) женщин в возрасте $Mdn = 23$ лет ($Q1 = 22$, $Q3 = 25$) (онлайн-инструмент Survey Monkey). Размер выборки соответствует критерию 5 участников на элемент опроса [7]. Опросы для этого исследования проводились на английском, русском и китайском языках (процедура обратного перевода). Все инструменты были адаптированы из ранее опубликованных исследований, что могло подтвердить надежность измеряемых переменных [16]. Для измерения эмоциональной стабильности использовалась шкала Л. Гольдберга IPIP-50 [8] (альфа Кронбаха 0.872, $M = 3.25$, $SD = 0.77$), кросс-культурной адаптации – шкала Д. Блека и Г. Стивенса [4] (альфа Кронбаха 0.911, $M = 4.56$, $SD = 1.54$) и альтруизма – Chinese Organizational Citizenship Scale [6] (альфа Кронбаха при удалении 1 вопроса повысилась с 0.728 до 0.838, $M = 5.91$, $SD = 0.96$). Опасения по поводу систематической ошибки дисперсии общего метода были сняты с помощью процедурных средств защиты данных [12]. Анализ данных проводился в IBM SPSS Statistics v.23 и IBM SPSS Amos Graphics v.23. После соединения ошибок 3 схожих элементов [9] пригодность модели значительно улучшилась ($CFI = .942$, $RMSEA = .072$, $PCLOSE = .102$, $SRMR = .0767$).

Должно быть отмечено, что сложно было измерить эффект социальной желательности. Так как данные были собраны одним инструментом, была проведена оценка общей дисперсии. Harman's single factor test показал отличный результат 29.527% [12]. При связи с латентным фактором (CLF), результат теста разности хи-квадрат был значим $p=0.064$ (в расчет берется либеральный 90% ДИ). Методы дали разный результат, но принимая во внимание тот факт, что CLF нарушает саму модель, было решено продолжать анализ без него.

Прямой эффект был найден $\beta=0.387$, $p=0.001$, при добавлении медиации он немного снижался $\beta=0.382$, $p=0.001$. При проверке медиации модель сохраняла хорошую пригодность, не было найдено значимого эффекта медиации $\beta=0.01$, $p=0.583$. Для большей уверенности в результатах был проведен post hoc анализ мощности, наблюдаемая статистическая мощность для прямого эффекта была на высоком уровне 0.965, а для проверки значимости эффекта медиации её было недостаточно – 0.285.

Заключение

Роль эмоциональной стабильности как предиктора адаптации китайских студентов за рубежом была доказана. Однако, несмотря на то, что альтруизм значимо коррелировал с адаптацией ($r=0.23$, $p<0.05$), он не играл опосредующей роли переменной-медиатора во взаимосвязи между альтруизмом и кросс-культурной адаптацией в данном исследовании. Несмотря на то, что предыдущие исследования указывали на положительную и значимую взаимосвязь между эмоциональной стабильностью и альтруистическим поведением [5], этого не было выявлено в нашей выборке. Возможное объяснение данного феномена может быть следующим. Уровень альтруизма у китайских студентов был выше, чем у представителей других стран в базе, но был менее

связан с личностными качествами, из чего можно сделать предположение, что у китайцев альтруизм, измеренный шкалой ОСВ, в большей степени обусловлен культурными, нежели индивидуально-психологическими особенностями личности. Мощностъ эффекта модерации может быть обозначена как ограничение данного исследования, и может быть предложено изучить данный феномен более подробно в следующих исследованиях.

Литература

1. За прошедший год число студентов из Китая в российских вузах увеличилось на 10% // Сайт Минобрнауки России. 24.04.23. [Электронный ресурс] URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/51810/>
2. *Марарица Л.В., Казанцева Т.В., Почебут Л.Г., Свенцицкий А.Л.* Вклад личности в социальный капитал группы: структура альтруистического инвестирования // *Социальная психология и общество*, 2018. Том 9. № 1. С. 43–66.
3. *Ashton M., Paunonen S., Helmes E., Jackson D.* Kin Altruism, Reciprocal Altruism, and the Big Five Personality Factors // *Evolution and Human Behavior*, 1998. Vol. 19. Iss. 4., P. 243–255.
4. *Black J., Stephens G.* The Influence of the Spouse on American Expatriate Adjustment and Intent to Stay in Pacific Rim Overseas Assignments // *Journal of Management*, 1989. Vol. 15(4). P. 529–544.
5. *Carlo G., Mestre M., McGinley M., Samper P., Tur A., Sandman D.* The interplay of emotional instability, empathy, and coping on prosocial and aggressive behaviors // *Personality and Individual Differences*, 2012. Vol. 53. Iss. 5. P. 675–680.
6. *Farh J.-L., et al.* Impetus for Action: A Cultural Analysis of Justice and Organizational Citizenship Behavior in Chinese Society // *Administrative Science Quarterly*, 1997. Vol. 42. № 3. P. 421–444.
7. *Field A.* *Discovering statistics using IBM SPSS statistics.* London [etc.]: Sage, 2018.
8. *Goldberg L.* The development of markers for the Big-Five factor structure // *Psychological Assessment*, 1992. Vol. 4(1). P. 26–42.
9. *Hermida R.* The problem of allowing correlated errors in structural equation modeling: concerns and considerations // *Computational Methods in Social Sciences (CMSS)*, 2015. Vol. 3(1). P. 5–17.
10. *Hooker C., Verosky S., Germinie L., Knight R., D'Esposito M.* Mentalizing about emotion and its relationship to empathy // *Social Cognitive and Affective Neuroscience*. 2008. Vol. 3, Iss. 3. P. 204–217.
11. *Muzychenko I., Apollonova I., Evans D. et al.* The Psychophysiological Effects of Cross-Cultural Transaction in Foreign Students in Russia // *Proceedings of the third International Conference on Medical and Health Informatics 2019*. P. 99–105.
12. *Podsakoff P., Mackenzie S., Lee J. et al.* Common method biases in behavioral research: A critical review of the literature and recommended remedies // *Journal of Applied Psychology*, 2003. Vol. 88(5). P. 879–903.

13. *Qin, Dd., Rizak, J., Feng, Xl. et al.* Prolonged secretion of cortisol as a possible mechanism underlying stress and depressive behaviour // *Sci Rep.* 2016. Vol. 6. P. 30187.
14. *Schulreich S., Tusche A., Kanske P., Schwabe L.* Altruism under Stress: Cortisol Negatively Predicts Charitable Giving and Neural Value Representations Depending on Mentalizing Capacity // *The Journal of neuroscience.* 2022, Vol. 42(16). P. 3445–3460.
15. *Song Y., Shi M.* Associations between empathy and big five personality traits among Chinese undergraduate medical students // *PLoS ONE*, 2017. Vol. 12(2).
16. *Treadwell D.* *Introducing communication research.* Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2017.
17. *Yu X., Huang B.* Motivations of Organizational Citizenship Behavior's Altruism: Through the Perspective of Guanxi // *Proceedings of the International Conference on Logistics, Engineering, Management and Computer Science*, 2015.

Социально-психологическое пространство эмиграционных намерений российской студенческой молодежи

Мураценкова Н.В.¹, Гриценко В.В.², Ефременкова М.Н.²

¹ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ», Москва, Россия,

²ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

ncel@yandex.ru, gritsenko2006@yandex.ru, mnetema@yandex.ru

Представленные данные являются частью научных результатов, полученных в рамках работы над Проектом РФФИ № 20-013-00156 «Социально-психологическое пространство эмиграционных намерений молодежи: кросс-культурный анализ». Осуществлен синтез двух концепций: теории планируемого поведения А. Айзена и концепции социально-психологического пространства А.Л. Журавлева и А.Б. Купрейченко; проведен кросс-культурный анализ структуры социально-психологического пространства эмиграционных намерений студенческой молодежи Беларуси, Казахстана и России; выявлены общие и культурно-специфические особенности. Ознакомиться с результатами исследования можно на страницах монографии, подготовленной по результатам Проекта [1]. Ниже приведены данные, характеризующие социально-психологическое пространство эмиграционных намерений российской студенческой молодежи.

Сбор эмпирических данных проходил в форме анонимного онлайн-опроса с января по апрель 2021 г. в условиях пандемии COVID-19. Анкета была размещена на платформе *anketolog.ru.*, ссылка на нее распространялась среди студентов вузов преподавателями университетов. В российскую выборку вошли 250 граждан России в возрасте 18–25 лет, обучающихся в вузах Москвы, Санкт-Петербурга, Омска, Пензы, Смоленска и Хабаровска (M=20 лет; SD=1,5; 75% женщин). Количество респондентов, проживающих в столице, –

46%, 87% опрошенных идентифицировали себя как русские. Личный опыт заражения COVID-19 присутствовал у 29% опрошенных.

На основе теоретического анализа была выделена система психологических предикторов – элементов социально-психологического пространства эмиграционных намерений молодежи. Мы предположили, что эмиграционные намерения могут быть положительно связаны с негативными представлениями о настоящем и будущем страны проживания; со слабой выраженностью эмоциональных привязанностей субъекта к стране, месту проживания и значимым людям, с ценностями Самоутверждения, Самопреодоления и Открытости изменениям; и отрицательно – с ценностью Сохранение (в терминологии теории Ш. Шварца). Наряду с этим проверялись гипотезы о положительных связях эмиграционных намерений с негативными представлениями молодежи о своем личном настоящем; с низкой удовлетворенностью жизнью; с позитивными представлениями о своем личном будущем; с выраженной глобальной и профессиональной идентичностями; с низким уровнем гражданской идентичности; с высоким уровнем воспринимаемой дискриминации; с воспринимаемой небезопасностью в стране проживания; с низким уровнем страха перед COVID-19; с воспринимаемой поддержкой от значимых других за границей. Была выдвинута также гипотеза об отрицательной связи эмиграционных намерений с возрастом респондентов и уровнем их материальной обеспеченности, а также предположение о положительной связи с опытом международной мобильности и владением иностранными языками. Относительно возможной связи эмиграционных намерений с полом респондентов, особенностями их этнической идентичности и объективной дистанцией с COVID-19 были сформулированы исследовательские вопросы. Методический инструментарий и методы исследования подробно описаны в монографии [1].

Согласно полученным результатам, в 2021 году среди российских студентов с выраженными эмиграционными намерениями преобладали те, кто ориентировался на временную, а не на постоянную эмиграцию. В целом в условиях пандемии мы зафиксировали довольно большой процент студентов (более 60% в выборке), планирующих переезд за границу. При этом практически треть из них уже определилась со страной предполагаемого переезда: чаще отмечалось европейское и североамериканское направления, реже – восточное. То есть пандемия не стала препятствием на пути формирования эмиграционной активности молодежи, не обнаружено также и статистически значимых связей эмиграционной активности молодежи со страхом перед COVID-19 и объективной дистанцией с данным заболеванием. Половых различий в выраженности эмиграционных намерений у российских студентов не выявлено. При этом важную роль в формировании эмиграционных намерений молодых российских студентов в 2021 году играла низкая материальная обеспеченность, владение иностранными языками и поддержка от близких, находящихся за границей. Доминирующими эмиграционными мотивами являлись следующие: обеспокоенность высоким уровнем коррупции и недовольство экономической ситуацией в стране; неудовлетворенность политической системой, системой правосудия и качеством образования в России; обеспокоенность экологической обстановкой; а также интерес к жизни в других странах. Взаимосвязей между ценностями и эмиграционными намерениями обнаружено не было, что может объясняться неоднородностью российской выборки и присутствием в ней респондентов из разных регионов страны с различными

социально-экономическими условиями жизни и ценностными приоритетами. Выявлена отрицательная связь между эмиграционными намерениями и эмоциональным компонентом гражданской идентичности: снижение позитивного отношения к согражданам способствует развитию эмиграционной активности российской молодежи. Помимо этого, выявлено, что позитивная эмоциональная идентификация с людьми всего мира (глобальная идентичность), как и неопределенность этнической идентичности положительно связаны у российских студентов с эмиграционной активностью. Обнаружена также положительная связь эмиграционных намерений молодых россиян с низкой удовлетворенностью жизнью, слабой эмоциональной привязанностью к стране и месту проживания, а также с низким уровнем воспринимаемой безопасности в стране проживания (последний предиктор значим только для российской молодежи и не характерен для белорусов и казахстанцев). Представления о стране проживания внесли наибольший вклад (в сравнении с другими психологическими факторами) в формирование эмиграционных намерений молодых россиян. В 2021 году среди российских студентов эмиграционные намерения были выражены в большей степени у тех, кто рассматривал настоящее страны как менее длительное, менее свободное, скорее значительное, чем незначительное, но, в то же время, более скучное. Будущее России настроенная на эмиграцию российская молодежь представляла в 2021 г. как значительное, но не насыщенное событиями и не новаторское. В отношении собственного настоящего и будущего у российских студентов с эмиграционной активностью проявилось желание дистанцироваться от настоящего, изменить его в будущем путем переезда и введения новаторского компонента. Представленный социально-психологический портрет российской студенческой молодежи, ориентированной на эмиграцию, может быть интересен и полезен специалистам, работающим с молодежью и ориентированным на предотвращение оттока ценного образованного человеческого капитала из страны.

Литература

1. *Муращенкова Н.В., Гриценко В.В., Ефременкова М.Н.* Социально-психологическое пространство эмиграционных намерений студенческой молодежи: кросс-культурный анализ. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023.

Ценностные основания мотивов конструирования этнической идентичности у русских старшеклассников из центрального и дальневосточного регионов России¹

Муращенкова Н.В.¹, Гриценко В.В.²

¹ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ», Москва, Россия,

²ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
ncel@yandex.ru, gritsenko2006@yandex.ru

В условиях перманентной неопределенности и нетипичных кризисов важно изучать ресурсный потенциал различных видов социальной идентичности и влияющих на этот потенциал факторов у молодежи как особо уязвимой социальной группы. Более 10-и лет назад Т.Г. Стефаненко написала: «этнос все еще остается для человека надежной, а в ситуации кризисов – аварийной группой поддержки» [4, с. 4]. В рамках данного исследования мы задались вопросом: *выступает ли этническая идентичность ресурсом для современной русской молодежи и, если да, то в чем это проявляется и от чего это зависит?* Значимую роль в процессе становления идентичности в юношеском возрасте, особенно в ситуационно неопределенном и изменчивом социальном контексте, играют ценности [1], сквозь которые пропускаются все возникающие у человека потребности и мотивы [2], что позволяет выдвинуть предположение о взаимосвязи индивидуальных ценностей и мотивов конструирования этнической идентичности. В своей работе мы опираемся на теорию мотивированного конструирования идентичности В. Виньола [7] и уточненную теорию базовых индивидуальных ценностей Ш. Шварца [6].

Целью исследования стал *анализ выраженности и взаимосвязи мотивов конструирования этнической идентичности и индивидуальных ценностей у русских старшеклассников (этнического большинства) из городов двух моноэтнических регионов России, характеризующихся высокой долей русского населения (более 90%), но различающихся географическим положением (близость Смоленска к странам Европы, а Хабаровска – к Китаю и Японии) и качеством жизни* [3]. Мы предположили, что данные отличия могут выступать факторами различий ценностных оснований мотивов конструирования этнической идентичности у молодых русских смолян и хабаровчан.

В связи с тем, что нам не удалось обнаружить отечественные и зарубежные научные публикации, описывающие ценностные основания мотивов конструирования этнической идентичности, мы предполагаем, что подобная научная психологическая работа проводится впервые.

Выборку исследования составили 319 русских старшеклассников-граждан России от 15 до 18 лет из Смоленска (N = 185, M = 16,3, SD = 0,48, 59,5% девушек) и Хабаровска (N = 134, M = 16,8, SD = 0,72, 67,9% девушек). Большинство респондентов проживают в Смоленске и Хабаровске с рождения (87,6% и 78,4% старшеклассников соответственно), приехали в эти города из Смоленской области и Хабаровского края 7,0% и 15,7% респондентов,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01283, <https://rscf.ru/project/23-28-01283/>

остальные переехали в Смоленск (5,4%) и Хабаровск (5,9%) из других городов РФ.

Сбор данных проходил в мае 2023 г. Опрос в обеих выборках проводился очно при личном присутствии сборщиков данных: старшеклассники подписывали информированное согласие, с помощью мобильных устройств переходили по ссылке и заполняли онлайн-анкету, размещенную на платформе anketolog.ru. Вознаграждение за участие в опросе не предполагалось.

В онлайн-анкету были включены «Портретный ценностный опросник» Ш. Шварца (PVQ-RR) [6], Шкала экспресс-оценки выраженности этнической идентичности Н.М. Лебедевой [5], а также разработанные нами в соответствии с теорией мотивированного конструирования идентичности В. Виньола [7] утверждения для оценки мотивов этнической идентичности. Мы обратились к воображаемой ситуации утраты этнической идентичности: старшеклассникам предлагалось представить ситуацию, в которой по независящим от них причинам они перестали бы быть представителями своего народа. Далее респонденты в соответствии с 6-и балльной шкалой (от 1 – «абсолютно не согласен» до 6 – «абсолютно согласен») оценивали 6 возможных последствий утраты этнической идентичности (окончания предложения «Если бы я перестал быть представителем своего народа, то вместе с этим я...»): «почувствовал бы себя неудачником» (*мотив самоуважения*), «наверяд ли смог бы быть способным, компетентным и добиться успеха» (*мотив эффективности*), «ощутил бы неприятный разрыв между своим прошлым, настоящим и будущим» (*мотив непрерывности*), «потерял бы свою уникальность, непохожесть на других» (*мотив самобытности*), «ощутил бы утрату чувства принадлежности и связанности с другими людьми» (*мотив принадлежности*), «потерял бы смысл жизни» (*мотив смысла*). В онлайн-анкете фиксировались также пол, возраст, материальное положение респондентов, их длительность проживания в городе, гражданство и этническая принадлежность.

Полученные результаты показали, что подавляющее большинство респондентов отчетливо ощущают себя представителями русского этноса. Значимых различий в выраженности этнической идентичности (U-критерий Манна-Уитни) и мотивов ее построения (t-критерий Стьюдента) у смолян и хабаровчан не обнаружено. В то же время, выявлено, что этническая идентичность не выступает для респондентов особо значимым ресурсом удовлетворения важных потребностей: средние значения показателей мотивов конструирования этнической идентичности у русских старшеклассников из Смоленска и Хабаровска ниже 4-х баллов при максимально возможном значении в 6 баллов. Тем не менее, *наибольший вклад* в формирование их этнической идентичности вносят мотивы *непрерывности* и *принадлежности*: этническая идентичность выступает ресурсом, позволяющим старшеклассникам сохранять ощущение связанности своего прошлого, настоящего и будущего, а также быть включенными и принятыми в своем социальном контексте, чувствовать связь с другими людьми. *В меньшей степени* конструирование этнической идентичности у русских школьников из двух городов обусловлено мотивами *самобытности*, *самоуважения*, *эффективности* и *смысла*.

Согласно результатам эксплораторного факторного анализа (метод главных компонент с вращением Варимакс с нормализацией Кайзера) мотивы построения этнической идентичности у старшеклассников из двух регионов группируются в идентичную структуру, состоящую из трех факторов,

названных нами «индивидуальные опоры» (мотивы самоуважения, эффективности и смысла), «социальная включенность» (мотивы непрерывности и принадлежности) и «ощущение уникальности» (мотив самобытности). Совокупные доли объясненной дисперсии – 85,89% в выборке смолян и 87,01% в выборке хабаровчан.

Анализ различий (t-критерий Стьюдента) показал, что смоляне в большей степени, чем хабаровчане ориентированы на ценности Благожелательность – Забота, Самостоятельность – Мысли, Универсализм – Забота о других, Универсализм – Толерантность, Универсализм – Забота о природе и Традиция. Тем не менее иерархический профиль ценностей (согласно средним значениям) у смоленских и хабаровских старшеклассников практически идентичен. Доминирующие позиции занимают такие ценности, как Благожелательность – Забота, Благожелательность – Чувство долга, Самостоятельность – Поступки, Самостоятельность – Мысли и Гедонизм. Менее значимыми являются ценности Достижение, Универсализм – Забота о других, Универсализм – Толерантность, Безопасность – Личная, Безопасность – Общественная и Репутация. Ценности Стимуляция, Конформизм – Правила, Конформизм – Межличностный, Универсализм – Забота о природе, Власть – Ресурсы, Власть – Доминирование, Скромность и Традиция наименее выражены у старшеклассников в обеих выборках. Результаты иерархического регрессионного анализа показали, что в группах смоленских и хабаровских школьников ценности, вносящие вклад в развитие мотивов конструирования этнической идентичности, различаются. Ощущать связанность своего прошлого, настоящего и будущего (*мотив непрерывности*) этническая идентичность помогает тем смоленским старшеклассникам, которые ценят безопасность и стабильность в обществе (*ценность Безопасность – Общественная*) и стремятся к сохранению культурных традиций и норм (*ценность Традиция*). Для хабаровских школьников, чья русская этническая идентичность способствует ощущению связанности их жизненного пути (*мотив непрерывности*), также значима общественная безопасность (*ценность Безопасность – Общественная*), но в сочетании со стремлением к достижению успеха (*ценность Достижение*). Реализовать *мотив принадлежности* русская этническая идентичность позволяет юношам-хабаровчанам, ориентированным на достижения (*ценность Достижение*), а также смолянам (и девушкам, и юношам), ориентированным на поддержание традиций (*ценность Традиция*). В смоленской выборке удовлетворить *мотив самобытности* русская этническая идентичность помогает тем школьникам, для которых значимо сохранение культурных традиций (*ценность Традиция*), но не актуально стремление к равенству, справедливости и защите всех людей в целом (*ценность Универсализм – Забота о других*). В хабаровской выборке русская этническая идентичность помогает поддерживать ощущение уникальности и непохожести на других (*мотив самобытности*) тем школьникам, которые стремятся к достижениям (*ценность Достижение*) и ориентированы на сохранение природной среды (*ценность Универсализм – Забота о природе*). Позитивно воспринимать и оценивать себя (*мотив самоуважения*) идентификация с русским этносом помогает смоленским старшеклассникам, ориентированным на поддержание культурных традиций (*ценность Традиция*) и общественной безопасности (*ценность Безопасность – Общественная*), и хабаровским старшеклассникам, стремящимся к успеху (*ценность Достижение*), ориентированным на заботу о при-

роде (*ценность Универсализм – Забота о природе*), поддержание безопасности в обществе в целом (*ценность Безопасность – Общественная*), но нивелирующим значением личной безопасности (*ценность Безопасность – Личная*). Для смоленских старшеклассников, чья русская этническая идентичность помогает чувствовать себя компетентными и способными влиять на внешний мир (*мотив эффективности*), характерна ориентация на поддержание культурных традиций и норм (*ценность Традиция*) в сочетании со стремлением к удовольствию и развлечениям (*ценность Гедонизм*). У хабаровских старшеклассников данный мотив этнической идентичности (*мотив эффективности*) связан с ориентацией на заботу о природе (*ценность Универсализм – Забота о природе*), с сохранением культурных традиций (*ценность Традиция*) и с нивелированием значимости собственной безопасности (*ценность Безопасность – Личная*). Ощущение осмысленности жизни (*мотив смысла*) русская этническая идентичность в наибольшей степени дает тем смоленским старшеклассникам (и юношам, и девушкам), которые ценят культурные традиции и нормы (*ценность Традиция*), а также хабаровским школьникам мужского пола, ориентированным на заботу о природе (*ценность Универсализм – Забота о природе*) и поддержание общественной безопасности (*ценность Безопасность – Общественная*), но нивелирующим значимость личной безопасности (*ценность Безопасность – Личная*) и проявления преданности группе и заботы о благополучии ее членов (*ценность Благожелательность – Забота*).

Таким образом, полученные в исследовании результаты продемонстрировали наличие различий в ценностных основаниях мотивов конструирования этнической идентичности у старшеклассников из Смоленска и Хабаровска, что свидетельствует о региональной специфике механизмов формирования и развития русской идентичности у этнического большинства российской молодежи в моноэтнической среде. Выявлено, что доминирующей ценностной основой мотивов построения этнической идентичности для русских старшеклассников из Смоленска выступает ценность Традиция, а для старшеклассников из Хабаровска – ценности Достижение и Универсализм – Забота о природе, что может быть обусловлено в том числе и природно-географическими особенностями регионов, а также, возможно, и различиями в представлениях молодежи о русской этнической идентичности в целом. Данное предположение будет проверено нами в ходе дальнейших исследований с применением качественной методологии.

Несмотря на ряд ограничений исследования (нерепрезентативность выборок, использование данных самоотчетов, опрос русских старшеклассников лишь двух моноэтнических городов), проведенная работа имеет как теоретическое, так и прикладное значение, связанное с приращением знания в области социальной психологии и возможностью использования полученных результатов в практической работе с молодежью.

Литература

1. *Белинская Е.П.* Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика, 2018. Т. 8. Вып. 1. С. 6–15.

2. *Брызгалин Е.А.* Ключевые положения о личностных ценностях и смыслах (по материалам отечественных и зарубежных научных источников) // Теоретическая и экспериментальная психология, 2022. № 2 (15). С. 46–66.
3. Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2022. РИА Новости. 13.02.2023 [Электронный ресурс] / URL: https://ria.ru/20230213/kachestvo_zhizni-1850749274.html (дата обращения: 31.08.2023).
4. *Стефаненко Т.Г.* Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2009. № 2. С. 3–17.
5. *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Методы этнической и кросскультурной психологии. М.: НИУ ВШЭ, 2011.
6. *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Лунатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.
7. *Vignoles V.L.* Identity Motives. In: Schwartz S., Luyckx K., Vignoles V. (eds.). Handbook of Identity Theory and Research. 2011. Springer, New York, NY. DOI: 10.1007/978-1-4419-7988-9_18

Опыт использования метода автоэтнобиографии для изучения этнической идентичности

Муха В.Н., Шиповалова Н.А.
ФГБОУ ВО КубГТУ, Краснодар, Россия
v.mukha@bk.ru

Этноавтобиография – это своеобразное изложение биографического материала под углом осознания своей этнической идентичности, отражение ценностно-эмоционального отношения к этнической принадлежности, выделение значимых для индивида критериев, по которым происходит соотнесение себя с определенным народом. Этноавтобиография как метод изучения этнической идентичности был разработан и апробирован Г.К. Уразалиевой [1, с. 371], и заключается в написании эссе по вопросу «Я – (указание национальности), что это для меня значит».

Мы использовали этот метод для изучения этнической идентичности студенческой молодежи. Для анализа были отобраны 94 текста студенческих эссе, которые были написаны студентами 2–4 курса КубГТУ (2019–2022 гг.) в рамках дисциплины «Этносоциология». Авторы эссе идентифицировали себя как представителей русского этноса. Студенты в свободной форме должны были отразить в эссе следующие моменты: основания/критерии отнесения к данному этносу (*когнитивный компонент*), какие ситуации актуализировали осознание своей этнической принадлежности (*поведенческий компонент*); какие чувства вызывает принадлежность к этносу (*аффективный компонент*). Анализ текстов эссе осуществлялся в два этапа: на первом применялся контент-анализ для определения основных категорий, на втором этапе – качественный анализ текста.

Исследование показало, что ведущими критериями отнесения себя к русскому этносу выступают культура, язык и воспитание в определённой социо-

культурной среде (*«Для меня русская культура – это один из основных признаков русского этноса, это тот опыт, что передан мне другими поколениями»*). При этом некоторые студенты, выходяцы из этнически смешанных семей, отмечают, что именно воспитание в традициях русской культуры стало для них основой этнической идентификации. В целом, в текстах эссе часто фигурируют распространённые клише «великая русская культуры», «могучий язык» и т.п., что свидетельствует о влиянии на процесс обретения этноидентичности таких институтов социализации как СМИ, школа, посредством которых происходит трансляция официальных идеологем.

Почти половина авторов эссе определяют свою этноидентичность через государство, рождение или проживание в стране: *«Я – русская, потому что я живу на территории Российской Федерации, имею российское гражданство»*, *«... потому что я родился в России»*, по сути, отождествляя «русскость» и «российскость». На наш взгляд, это навряд ли можно отнести как индикатор оформленной общероссийской идентичности молодого поколения. Чаще всего это именно констатация того факта, что родился в России, есть российский паспорт и т.п., а не проявление гражданственности как некой нравственной позиции, предполагающей ответственность и долг, осознание обязанностей перед Отечеством. Только несколько человек обозначили гражданскую позицию: *«быть русским сегодня – это уметь уважать тех, кто рядом, не только своих, но и представителей других национальностей ... помогать своим ближним и не оставлять в беде своих сограждан»*.

Следующий по значимости критерий отнесения студентов к русскому этносу – этническая принадлежность родителей. Такая практика установления этнической принадлежности является весьма распространённой и наглядной, поэтому нередко авторы эссе указывают на «примордиальность» данного критерия: *«этническую принадлежность не выбирают, с ней рождаются... мои родители русские и я – русский»*, *«для меня быть русской – это значит быть такой, как мои родители ... быть русской – это просто часть меня»*, *«быть русской в моём сознании выработано на уровне инстинктов»*. Данный критерий озвучивается и теми, кто родился в этнически смешанной семье и, как правило, авторами далее указывается основание, по которому они идентифицируют себя как русские, к примеру: *«во мне смешаны столько национальностей, я все же считаю себя русской, так как уже не одно поколение живет на русской земле, и я родилась в России»*.

Еще один распространенный критерий – общее происхождение, история. Данный параметр идентификации, как правило, дополняется рассуждениями о достижениях, подвигах народа: *«русская, потому что я – часть народа, история которого насчитывает более тысячи лет, народа, одержавшего не одну великую победу»*, *«для меня моя национальность означает общий исторический опыт, который связывает с прошлым, заставляет его уважать»*. Чаще всего студенты пишут о том, что считают себя причастными к историческому прошлому народа, и одна треть указывает на то, что данный факт налагает определенные обязательства, предполагает некую ответственность: *«подвиги и достижения моих предков я не воспринимаю как наследную привилегию, то, что было сделано русскими ... нам никто не должен, наоборот – это мы обязаны своей истории, настоящему, будущему и самим себе»*.

Религия как критерий этнической самоидентификации хотя и не является доминирующим, но называется студентами достаточно часто. Кто-то говорит

в целом о религии: «... без веры все равно никуда. Вера важна. Я верую. Я – русская», другие отмечают, что именно православие определяет русского человека «православная вера – это главная черта русскости», «православный храм – вот место, где я чувствую себя частью русского народа».

В целом, по результатам анализа этноавтобиографических эссе можно отметить, что базовыми критериями идентификации выступают происхождение и культура. Так же качественный метод «этноавтобиография» показал свою эффективность, позволил выявить скрытые механизмы конструирования этнической идентичности, способы и формы соотнесения себя с референтной этнической группой.

Статья подготовлена в ходе проведения работы в рамках проекта «Зеркальные лаборатории» НИУ ВШЭ.

Литература

1. Уразалиева Г.К., Беккерова Е.В. Этноавтобиография как методика анализа этнической идентичности // Социологические методы в современной исследовательской практике: сборник статей. М.: НИУ ВШЭ, 2011. С. 371–382.

Культурологический аспект развития социального характера личности

Накохова Р.Р.

ФГБОУ ВО «СКГА», Черкесск, Россия
rid.r_nakoh@list.ru

Культура пронизывает все сферы социальной жизни личности и является главным источником и носителем смыслов. Культура, являясь целостным феноменом коллективного существования находится вне биологических и психологических особенностей отдельного человека.

В процессе жизнедеятельности личность, этногруппы вынуждены обращаться к своему прошлому, культурному наследию или к опыту других культур. Современная историческая ситуация определяется тем, что этносы открыты для восприятия культурного опыта других народов и могут делиться продуктами своей культуры.

Межкультурные контакты присущи как малым, так большим народам. Культурные элементы: традиции, ценности, поведение, нравственно-моральные особенности, этика и другие составляющие культуры разных народов оказывают взаимовлияние на традиционную культуру. Прибавление к традиционной культуре этносов новых элементов определяет культурную интеграцию данных народа и в мировую культуру.

Формирование личности в конкретной социальной среде, со специфическим мироустройством и этнокультурными особенностями определяют разные учения о типологии социального характера [6]. Социальный характер есть «культурное ядро» личности, писал Э. Фромм, который объединяет психику личности с ценностями, идеалами этноса. Социальный характер, ядро характера, по Э. Фромму, свойственно представителям одной культуры, в

противовес социальному характеру представителей другой культуры. По мнению Э. Фромма ценности делятся на ценности, которые осознаются и признаны обществом, этносом, и бессознательные ценности, являющиеся главными мотивами поведения этнофоров [11, с. 281].

По данным исследований Н. Лебедевой существует непосредственная связь между культурой и поведением личности: *природа – культура – социализация – личность – поведение*.

Природа, в которой живет этнофор, – среда обитания, климатические условия, источник ресурсов для жизни и деятельности человека. Разные виды деятельности могут закрепиться и распространяться в этнокультурной группе, приобретая статус традиционности и переходя в обычаи и традиции этнофоров данной культуры. Традиции народов выступают социальными ценностями и регуляторами поведения личности [1, с. 190].

Виды деятельности этнофоров определяют специфические особенности видения социальной среды и формируют элементы *субъективной культуры*. Субъективная культура есть культура воспринимаемых социумом культурных традиций, ценностей, норм, верований, характерных для каждой культуры; особенности социального восприятия человеческого окружения, категоризация социальных объектов, выделения связи между категориями.

Разделяемые всеми представителями группы, нормативные составляющие традиционной культуры становятся элементами культуры данного этноса и определяют поведение личности и этноса [2, с.25]. Особенности природы, климата, условий жизни и деятельности этнофора определяют условия развития культуры, поведения, характера и социализации личности.

Г. Триандис в своих исследованиях субъективной культурой называет способы социального восприятия, характерные для каждой культуры, с помощью которых этногруппа познает и выделяет категории норм, ценностей, роли, характера и т.д. [10].

Таким образом, культура является фактором общественной жизни с ее идеями, принципами, представлениями, которые разделяются всеми членами этногруппы и обеспечивает коллективную деятельность этнофоров, определяет поведение, характер и особенности развития личности [5].

Доминирование в сознании этнофоров на Северном Кавказе традиционных ценностей, посредством морально-этического кодекса горцев, например, строго предписывающего определенные образцы поступков, определит модели поведения, такие как кровная месть или кража невесты, которые могут воспроизводиться, если даже они противоречат законом государства [6].

Многие ученые, в частности Э. Дюркгейм, Ю. Лотман и другие считали, что в основе мировоззренческого портрета этноса лежит мифологизированный образ, что является субъективной культурой народа [3]. Данной мысли придерживаются и современные ученые в области психологии, философии, социологии.

Поддерживаем концепцию немецкого ученого Ф.Тенбурка, который утверждает, что культура есть социальный конструкт специфики человеческого понимания действительности и деятельности; она является репрезентативной. Культура отражает картину мира, убеждения, идеи, ценности, которые принимаются всеми членами группы активно или пассивно, в следствии чего формируется социальный характер [9].

Л.Г. Ионин считал, что «репрезентативная культура репрезентирует в сознании членов общества все или любые факты, которые важны для индивидов данной группы», в то же время этнофоры данного этноса наличествуют в культурной репрезентации [9].

Культура многогранна, она охватывает разные аспекты жизни человека, регулирует взаимоотношения человека со своей микро- и макрогруппой, определяет систему статусов и ролей. Определяет субъективные аспекты жизни, такие как установки, ценности, язык, традиции, и передается из поколения в поколение [4].

Объективный фактор жизнедеятельности личности в социуме определяет предпосылку формирования общественного содержания индивидуального сознания, а личное бытие индивида включает в себя и бытие общества, в такой трактовке мысли человек представляет индивидуальное и общественное сознание.

Культурно обусловленный характер поведения может проявляться в культурных ценностях и нормах, разделяемых этногруппой.

Согласно исследованиям Г. Олпорта, основной тип личности отражает традиционные ценности своей этнокультуры, которые формируют специфический тип личности, определенной этногруппы, отражающие основные черты социального и национального характера [7].

Подводя итог, можно констатировать, национальный характер – исторически обусловленная совокупность устойчивых психологических особенностей этноса, личности, определяющих специфические особенности поведения, манеры, нормы, образ жизни, отношение к себе, к своей культуре и другим этносам. Социальный характер – специфические признаки, свойственные определенной этногруппе, личности, являющиеся продуктами общественного развития.

Литература

1. *Крысько В.Г.* Этническая психология. М., 2009. 320 с.
2. *Лебедева Н.М.* Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М. 2009.
3. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: В 3-х т. Т. 1. Таллин, 1992. 336 с.
4. *Мацумото Д.* Психология и культура. М., 2011. 418 с.
5. *Накохова Р.Р.* Психология ценностных ориентаций этносов и этнофоров Северного Кавказа. 2ое издание. М., 2021. 385 с
6. *Накохова Р.Р.* Социальная психология. Психология общения. 2ое дополненное изд. М.: Перо, 2022. 250 с.
7. *Олпорт Г.* Личность в психологии: Пер. с англ. – М.; СПб.: Ювента, 2018. – 345 с.
8. *Эфендиев Ф.С.* Этнокультура и национальное самосознание. Нальчик: Изд.центр Эльфа, 2009. 329 с.
9. *Tenbruck F.* Burgerliche Kultur // *Kolner Zeitschrift fur Soziologie und Sozialpsychologie, Sonderheft?* 1986. № 27. P. 263–285.
10. *Triandis H.C.* Culture and Social Behavior. New York: McGraw- Hill, Inc., 1994. М., 2004. 320 с.
11. *From E.* Wege ans einer kranken Gesellschaft. -Frankfurt na. М., 1981. 352 с.

Кросскультурная психотерапия для мигрантов и беженцев: что важно для терапевта?

Нестерова А.А.

ФГБОУ ВО ГУП, Мытищи, Россия
anesterova77@rambler.ru

Мигранты и беженцы являются неотъемлемой частью населения любого развитого государства, и Россия не является исключением. В Российской Федерации есть представители почти всех миграционных групп, рассматриваемых в психологии миграционных потоков: беженцы, трудовые мигранты, дети-мигранты разных поколений, образовательные мигранты, вынужденные и добровольные мигранты и др. Потребности этих многочисленных групп, проживающих на территории нашей страны, должны быть удовлетворены, в том числе и потребности в области психического здоровья и психологического благополучия. Вследствие этого необходимо развивать психотерапевтическую помощь, направленную на снижение негативных симптомов, связанных с миграцией, сопровождение процессов аккультурации и интеграции, восстановление адаптивных стратегий поведения, контроля над своей жизнью, преодоления процессов стигматизации [2; 10]. И здесь на первый план выходит кросскультурная терапия, которая как раз направлена на оказание психологической помощи человеку, принадлежащему к другой культуре [1].

В кросскультурной психотерапии большое внимание уделяется терапевтическим отношениям между клиентом и терапевтом. Эти отношения важны в любой психотерапевтической школе и направлении, но в кросскультурной перспективе появляются некоторые особенности, которые необходимо учитывать терапевту. Например, датские психологи во главе с Гретти Мирдал провели исследование, в котором обнаружили, что в консультировании беженцев-мигрантов, имеющих травматический опыт, не столько важна межкультурная компетентность психолога, его навыки работы в определенном подходе, сколько чувство возникающего доверия и *сострадание терапевта*. Это самый главный фактор, который отодвигает на задний план компетентность, опыт терапевта, а также знания им культуры и языка клиента. Исследователи доказали, что при встречах с беженцами это сострадание выходит за рамки традиционного понятия «сопереживания», «эмпатии» в западной психотерапии [8]. В связи с этим, одним из ведущих качеств, которым должен обладать терапевт, работающий с беженцами – это *особая включенность в оказание помощи* и защиту интересов клиента. Так, транзактный аналитик Марко Мацетти разработал модель оказания психотерапевтической помощи мигрантам, неотъемлемой частью которой является оказание поддержки в построении сервисной сети для мигранта. Мигранту может понадобиться юридическая, психологическая, медицинская помощь, и психолог может выступить интегрирующим звеном, к которому можно обратиться за сопровождением и помощью [7]. Терапевту важно оказать помощь в создании и продвижении уже упомянутых интегрированных междисциплинарных сетей (включая социальных работников, юристов, социальных служб и т.д.), а также укреплять способность самих мигрантов использовать свои знания, навыки, ресурсы и социальные сети для повышения жизнеспособности.

Следующее качество терапевта – это *культурная компетентность*, которая включает в себя межкультурную осведомлённость, приобретение знаний о других культурах, развитие навыков межэтнического взаимодействия и индуктивное обучение. Этот конструкт сегодня по-разному трактуется учеными – существует много разногласий, противоречий, дополнений, что порождает его переосмысление и критику [3; 5; 6]. В результате переопределения культурной компетентности появилась альтернативная концепция «*культурного смирения*», которая подразумевает готовность и способность психотерапевта слушать и учиться у клиентов, принадлежащих к различным культурам, и позволять им быть «проводниками» в вопросах, связанных с культурными корнями, влияющими на предоставление им услуг [5]. М. Селкирк и ее коллеги предположили, что принятие «исследовательской» позиции по отношению к опыту клиентов-мигрантов – это более полезно для оказания им помощи, чем навязывание культурно несовместимых терапевтических моделей, тем более, которые в основном ориентированы на «западные» культурные ценности [9]. Аналитический обзор исследований по проблеме культурной компетентности выявил ограниченную ценность данного качества личности терапевта, который мало влиял на эффективность психологической помощи мигрантам, не укреплял их психологическое благополучие, а лишь способствовал организации доступа к разным видам помощи и поддержки. Выраженными предикторами вероятности обращения мигранта к психологу были следующие: более выраженная идентификация с принимающей страной, чем с культурой исхода; свободное владение языком принимающей страны; более высокий уровень образования и социально-экономического статуса; женский пол и зрелый / пожилой возраст.

Сегодня в учебных курсах по кросскультурному консультированию и психотерапии более популярным становится подход, декларирующий что при разработке эффективной психотерапии для этнически разнообразных групп населения основное внимание следует уделять не психотерапевтам как культурно чувствительным людям, а созданию новых психотерапевтических интервенций «снизу вверх», то есть в сотрудничестве с потенциальными получателями такой терапии – с клиентами-мигрантами [10].

Среди технических навыков психотерапевта в кросскультурной психотерапии ценятся такие, как *директивность* (мигранты ищут знающего, сильного авторитета), *минимизация самораскрытия* и *ориентированность на поведенческий подход*, позволяющий сосредоточиться на разрешении внешних психосоциальных проблем «здесь-и-сейчас».

Есть еще одна особенность оказания психотерапевтической помощи мигрантам и беженцам – это *достаточно быстрый срок ощущения результатов терапии клиентом*. Как пишут некоторые авторы, клиент-мигрант должен почувствовать результат в течение уже первых трех встреч, иначе терапия будет прервана со стороны клиента [10]. Этого можно достичь путем нормализации психологических переживаний мигрантов (осознанием того, что их эмоции и мысли разделяются многими другими людьми в аналогичных обстоятельствах); за счет развития когнитивной ясности в ситуации переживания культурного шока и когнитивного хаоса, который часто наблюдается при миграции; за счет облегчения или уменьшения симптомов (с использованием фармакологии или посредством краткосрочных методов психотерапии, направленной на снятие тревоги, развитие конструктивных копинг-стратегий и способности опи-

раться на некоторые культурные, религиозные и духовные ценности самого мигранта).

Поскольку клиенты-мигранты часто страдают от целого спектра проблем, которые могут возникнуть одновременно при обращении за психологической помощью, психологи должны быть в состоянии определить, проистекают ли трудности из интрапсихических проблем клиентов или из продолжающегося стресса, связанного с социальными и организационными проблемами процесса переселения. Эти комплексы проблем требуют различных мер вмешательства. Поэтому подход «один размер подходит всем» должен в работе с мигрантами совершенно не подходить [4].

Наконец, терапевтам необходимо обращать внимание как на то, что их клиенты рассказывают на сеансах, так и на то, что остается невысказанным. Им следует развивать толерантность к «незнанию», к молчанию клиента, к тому, что терапевты не всегда могут контролировать процесс терапии, и быть готовыми иметь дело с двусмысленностью, неопределенностью и культурными запретами на обмен эмоционально отягощенным материалом – это тоже особенности кросскультурной терапии.

Литература

1. *Замогильный С.И.* Психотерапевтическая поддержка адаптации трудовых и этнических мигрантов с позиций мультикультурализма // *Фундаментальные исследования*, 2011. № 8 (1). С. 98–102.
2. *Нестерова А.А., Сулова Т.Ф.* Ментальные репрезентации как фактор протекания миграционного процесса // *Социологические исследования*, 2017. №9 (400). С. 99–107.
3. *Хухлаев О.Е., Гриценко В.В., Дагбаева С.Б., Константинов В.В., Корниенко Т.В., Кулеш Е.В., Тудупова Т.Ц.* Межкультурная компетентность и эффективность межкультурного взаимодействия // *Экспериментальная психология*, 2022. Том 15. № 1. С. 88–102. DOI: 10.17759/exppsy.2022150106.
4. *Cloitre M.* The «one size fits all» approach to trauma treatment: should we be satisfied? // *European Journal of Psychotraumatology*. 2015. Vol. 6 (1). P. 27344.
5. *Kirmayer L.J.* Rethinking cultural competence // *Transcultural Psychiatry*, 2012. Vol. 49 (2). P. 149–64.
6. *Lekas H.M., Pahl K., Fuller L.C.* Rethinking Cultural Competence: Shifting to Cultural Humility // *Health Services Insights*. 2020. Vol.13. P. 1178632920970580. DOI: 10.1177/1178632920970580.
7. *Mazzetti M.* Trauma and migration: a transactional analytic approach toward refugees and torture victims // *Transactional Analysis Journal*, 2008. Vol. 38 (4). P.285–302.
8. *Mirdal G.M., Ryding E., Essendrop S.M.* Traumatized refugees, their therapists, and their interpreters: three perspectives on psychological treatment // *Psychology and Psychotherapy*. 2012. Vol. 85 (4). P. 436–455. DOI: 10.1111/j.2044-8341.2011.02036.x.
9. *Selkirk M., Quayle E., Rothwell N.* A systematic review of factors affecting migrant attitudes towards seeking psychological help // *Journal of Health Care for the Poor and Underserved*. 2014. Vol. 25 (1). P. 94–127.

10. *Schouler-Ocak M., Kastrup M.C. (ed.). Intercultural Psychotherapy: For Immigrants, Refugees, Asylum Seekers and Ethnic Minority Patients. Springer Nature, 2020.*

Цели учебных достижений и психологическое благополучие обучающихся в разных странах

Никитская М.Г.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Maria.nikitskaya@gmail.com

Конструкт целей учебных достижений пришел в отечественную психологию из зарубежных исследований мотивации достижения и учебной деятельности [2; 3]. К ключевым характеристикам целей учебных достижений относится их деление на две группы: цели мастерства (Mastery) и цели демонстрации результата (Performance). Каждая из групп, в свою очередь, делится на цели, направленные на достижение успеха, и цели, направленные на избегание неудачи. Названные цели отображают осознаваемый, представляемый результат, которого хочет достичь, либо избежать обучающийся в учебном процессе [5; 6].

Современные исследователи учебной мотивации, как в России, так и за рубежом, все чаще обращаются к различным конструктам, связанным с учебной мотивацией, но не входящим в ее структуру. Рассматриваются субъектность, локус контроля, учебный интерес, самооффективность, уровень субъективного благополучия и др. [1; 4]. Связь уровня субъективного благополучия с целями учебных достижений анализировалась учеными разных стран [2; 5; 6].

Так, было установлено, что среди обучающихся в Люксембургском университете предвосхищение успеха (цели, направленные на достижение успеха) провоцирует положительные эмоции в каждодневной жизни студентов, в то время как страх неудачи (цели, направленные на избегание неудачи) – негативные эмоции [6].

Канадские исследователи подчеркивают влияние целей, направленных на достижение в мастерстве, и целей, направленных на демонстрацию результата, на субъективное благополучие школьников. Первые способствуют развитию адаптивности, вторые – снижают уровень субъективного благополучия обучающихся [5].

В исследовании, проведенном среди российских учащихся школ и колледжей, была обнаружена прямая связь уровня субъективного благополучия со всеми целями учебных достижений. Исследование проводилось с применением опросника «Цели учебных достижений» среди обучающихся школ и колледжей Москвы и Московской области (N = 342) [2; 3].

Полученные различия в результатах между российскими и зарубежными исследованиями могут объясняться культурными различиями, отображенными, в том числе, в структуре модифицированного на основании бесед с обучающимися опросника. Зарубежные авторы в качестве факторов, влияющих на результаты исследований целей учебных достижений, предлагают рас-

смагивать уровень осознанности обучающихся в целом (mindfulness) [6] и степень осознания ими различий в тех целях, которые они перед собой ставят в учебе, в частности [7].

Представляется перспективным проведение кросс-культурного исследования ценностей и особенностей учебной мотивации российских подростков, продемонстрировавших прямую связь уровня субъективного благополучия с целями учебных достижений, в сравнении с обучающимися из других стран.

Литература

1. *Леонтьев Д.А., Осин Е.Н., Досумова С.Ш., Рзаева Ф.Р., Бобров В.В.* Переживания в учебной деятельности и их связь с психологическим благополучием // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 6. С. 55–66. doi: 10.17759/pse.2018230605
2. *Никитская М.Г.* Цели учебных достижений в мотивационно-потребностной сфере подростков.: Дис. канд. психол. н. Москва. 2023.
3. *Никитская М.Г., Углонова И.Л.* Русскоязычная версия опросника целей учебных достижений: разработка, валидизация и исследование функциональных возможностей // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 5. С. 67–84. doi: <https://doi.org/10.17759/pse.2021260506>
4. *Толстых Н.Н., Федоров В.В., Харченко М.А., Погодина А.В., Бабанин П.А.* «Индекс учебного интереса»: тест-опросник для диагностики учебной мотивации подростков // Психологическая наука и образование. 2021. Том 26. № 5. С. 54–66. DOI: 10.17759/pse.2021260505
5. *Chazan, D. J., Pelletier, G. N., & Daniels, L. M.* Achievement Goal Theory Review: An Application to School Psychology // Canadian Journal of School Psychology/ 2022. Vol. 37(1), 40–56. <https://doi.org/10.1177/082957352111058319>.
6. *Grund A., Galla B.M., Fries S.* Achievement motivation in students' everyday lives: Its relationship to momentary positive and negative activation and the moderating role of mindfulness // Learning and Individual Differences. 2022. Vol. 97. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2022.102176>.
7. *Hunsu N., Oje A.V., Jackson A., Olaogan O.P.* Examining Approach and Avoidance Valences of the 3x2 Achievement Goal Types on an Engineering Student Sample: A Validity Approach // Front Psychol. 2021. Vol. 12:628004. P. 1–12. doi:10.3389/fpsyg.2021.628004.

Особенности когнитивной регуляции младших школьников-билингвов в процессе изучения третьего языка

Новгородова Ю.О., Хотинец В.Ю.

ФГБОУ ВО УдГУ, Ижевск, Россия

novgorodova_yulia@inbox.ru, khotinets@mail.ru

Полилингвизм в образовании – одна из актуальнейших проблем, решение которой предполагает пересмотр учебных норм, использование гибридных языковых практик и создание условий для развития новых культурных сце-

нариев [7]. В связи с активным использованием учащимися нескольких языков в образовательном процессе существует необходимость исследования влияния би-, полилингвизма на развитие когнитивных регуляторных функций [5]. Период овладения лингвистическим навыком – погружения в среду второго языка – привлекает научное внимание [2; 5], так как именно в это время интенсивно запускаются универсальные регуляторные функции, получая траекторию своего развития. Так, тормозный контроль [1] имеет весомое значение в одноязычном и двуязычном контексте, в отличие от полиязычного, в связи с необходимостью подавления нерелевантного языка. Целесообразность употребления одного из языков приводит к постоянному контролю в билингвальной среде. Имеющиеся научные данные свидетельствуют о том, что интерактивные контексты задают специфику когнитивной регуляции и приводят к различным результатам при выполнении задач с когнитивным контролем [6]. Цель пилотажного исследования – выявление различий в когнитивной регуляции билингвов и монолингвов в младшем школьном возрасте в образовательной ситуации изучения иностранного языка.

Для диагностики развития когнитивных функций детей использовался пакет психодиагностических методик, среди которых детские субтесты нейропсихологического комплекса NEPSY-II (М. Коркман с соавт., 2007): для оценки развития слухо-речевой рабочей памяти – субтест «Повторение предложений» («Sentences Repetition»); для оценки зрительно-пространственной рабочей памяти – субтест «Память на конструирование» («Memory for Designs»); для оценки торможения – субтест «Торможение» («Inhibition»). Оценка когнитивной гибкости осуществлялась с помощью теста «Сортировка карт» («Dimensional Change Card Sort») (Ф. Зелазо). Для измерения внимания и зрительной рабочей памяти были использованы компьютерные методики комплекса «НС-Психотест», разработанные компанией «Нейрософт»: «Оценка внимания» (концентрация, устойчивость), «Память на образы» и «Память на числа» (зрительная рабочая память). Значимость различий исследуемых показателей определялась с помощью U-критерия Манна-Уитни пакета SPSS Statistics 25.0.

В образовательную ситуацию изучения английского языка были включены 150 младших школьников в возрасте от 8,5 до 9,2 лет ($M=8,7$, $SD=0,33$), из них 75 детей с несбалансированным билингвизмом из национальной удмуртской гимназии им. Кузубая Герда г. Ижевска Удмуртской Республики. Группу сравнения составили монолингвы – 75 человек с родным русским языком из общеобразовательной школы г. Ижевска Удмуртской Республики.

По результатам применения критерия Манна-Уитни установлено, что билингвы с высоким уровнем сформированности концентрации внимания ($p=0,043$) совершают меньше ошибок в пробах на торможение ($p<0,001$) и склонны к самоисправлению допущенных ошибок ($p<0,001$), при этом тратят больше времени для выполнения заданий ($p<0,001$), в сравнении с монолингвами. Они успешнее справляются с запоминанием содержания зрительных стимулов, как в бумажной версии заданий ($p=0,045$), так и в компьютерных пробах ($p=0,035$). Вместе с тем, по результатам пилотажного исследования не были обнаружены значимые различия по показателю когнитивной гибкости билингвов и монолингвов.

В ряде исследований подтверждается, что билингвы успешнее справляются с заданиями, предъявляющими требования к когнитивной регуляции,

имеют преимущества в развитии рабочей памяти, переключения внимания и торможения [5]. В настоящем исследовании младшие школьники-билингвы тратили больше времени на выполнение заданий с тормозным контролем. Это можно объяснить тем, что на ранних этапах освоения другого языка интенсифицируется формирование системы смысловых единиц через ментальное репрезентирование иноязычных знаков и их интеграция с релевантными образами [3], что требует дополнительной когнитивной регуляции и времени. Результаты исследования могут быть использованы для построения лингвокультурного пространства и технологизации процессов социализации и развития детей с различными лингвистическими и когнитивными способностями.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-10202, <https://rscf.ru/project/23-28-10202/>.

Литература

1. Ахутина Т.В., Корнеев А.А., Матвеева Е.Ю. Развитие функций программирования и контроля у детей 7-9 лет // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 2016. № 1. С. 42–63.
2. Новгородова Ю.О. Двухязычный эффект в развитии управления изменением поведения // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика, 2021. Т. 31. № 3. С. 281–286.
3. Уланович О.И. Языковое сознание: особенности структуры в условиях двуязычия // Вестник Томского государственного университета. Филология, 2010. № 1(9). С. 44–51
4. Хотинец В.Ю., Медведева Д.С. Особенности речемыслительной деятельности детей монолингвов и естественных билингвов // Психологический журнал, 2021. Т. 42. № 2. С. 25–35.
5. Хотинец В.Ю., Шишова Е.О., Зиннурова Э.И., Кожевникова О.В., Медведева Д.С., Новгородова Ю.О., Кумышева Р.М. Особенности развития когнитивной регуляции в связи с коммуникативной компетентностью детей-монолингвов и сбалансированных билингвов // Образование и саморазвитие, 2022. Т. 17. № 3. С. 317–334.
6. Bialystok E. The bilingual adaptation: how minds accommodate experience // Psychological Bulletin, 2017. Vol.143. № 3. P. 233–262.
7. Grundy J.G. The effects of bilingualism on executive functions: an updated quantitative analysis // Journal of Cultural Cognitive Science, 2020. Vol. 4. № 2. P. 177–199.

Психологические факторы отношения к помощи в сфере психического здоровья у студентов из Армении и России²

Новикова И.А.¹, Берберян А.С.², Башкин Е.Б.¹, Бычкова П.А.¹

¹ФГАОУ ВО РУДН им. Патриса Лумумбы;

²Российско-армянский (славянский) университет

Novikova-ia@rudn.ru

В последние несколько лет актуальность проблемы поиска и получения профессиональной помощи в сфере психического здоровья значительно возросла, что связано как с пандемией коронавируса, так и резко усложнившейся международной обстановкой в мире. По данным разных источников процент обращающихся за психологической помощью варьирует в разных странах и регионах мира, однако от 35% до 50% взрослых не обращаются за профессиональной помощью при наличии проблем, даже в странах с развитой инфраструктурой, для оказания психологической поддержки [1]. Этот факт свидетельствует о существовании социальных, культурных, психологических факторов, которые могут препятствовать обращению к профессиональным психологам и специалистам в сфере психического здоровья.

В семидесятых годах двадцатого века американскими психологами Э. Фишером и Дж. Тёрнером [7] было введено понятие «attitude toward seeking professional psychological help» (отношение к обращению за профессиональной психологической помощью) и разработана стандартизированная методика для диагностики этого отношения (*Attitudes Toward Seeking Professional Psychological Help Scale*, ATSPPHS) [3, 7]. В начале двадцать первого века К.Маккинзи [3; 8] с коллегами модифицировал ATSPPHS и разработал новый опросник отношения к обращению за услугами в сфере психического здоровья (*Inventory of Attitudes Toward Seeking Mental Health Services*, IASMSH). Оба этих опросника были адаптированы и модифицированы в разных странах мира, в том числе в России: С.В. Ванштейн с соавторами валидизировали русскоязычную версию IASMSH [3], А.А. Нестерова и М.А. Есипов предложили русскоязычную краткую версию ATSPPHS [4], но до недавнего времени кросс-культурных исследований с использованием русскоязычных версий ATSPPHS и IASMSH практически не проводилось.

В последние годы проблемы приверженности психическому здоровью разрабатываются на кафедре психологии и педагогики РУДН, в том числе в кросс-культурном аспекте [2]. В данной публикации представлены результаты пилотажного исследования некоторых психологических факторов, связанных с обращением за помощью в сфере психического здоровья у российских и армянских студентов. В исследовании приняли участие 98 студентов (83,7 % – девушки; $M_{age} = 19,50$; $SD = 1,5$) Российско-армянского университета (РАУ), которые указали, что являются гражданами Армении, и 100 студентов (82 % – девушки; $M_{age} = 19,53$; $SD = 1,65$) российских вузов, которые ука-

² Исследование выполнено в рамках инициативной НИР № 051324-0-000, выполняемой на базе кафедры психологии и педагогики филологического факультета РУДН.

зали, что являются гражданами России. Для диагностики использовались методики: IASMSH в русскоязычной адаптации С.В. Ванштейна и др. [3]; «Шкала психологического благополучия» К. Рифф в русскоязычной локализации Т.Д. Шевеленковой и Т.П. Фесенко [6]; опросник временной перспективы Ф.Зимбардо в русскоязычной адаптации А. Сырцовой и др. [5]. Для обработки полученных данных использовались методы описательной статистики, ранговый корреляционный анализ Спирмена и непараметрический U-критерий Манна-Уитни для независимых выборок.

Сравнительный анализ изучаемых переменных в выборках российских и армянских студентов показал:

- у российских студентов значимо выше показатель суммарного балла IASMSH;
- у армянских студентов значимо выше показатели двух шкал временной перспективы – гедонистическое настоящее и фаталистическое настоящее;
- по шкалам психологического благополучия значимых различий не выявлено.

В то же время корреляционный анализ выявил сходства и различия в структуре связей изучаемых переменных:

- в российской выборке все шкалы и суммарный показатель психологического благополучия позитивно связаны с суммарным баллом IASMSH, а в армянской выборке с суммарным баллом IASMSH положительно связана только субшкала «личностный рост» из шкалы психологического благополучия;
- в обеих выборках фактор фаталистического настоящего временной перспективы отрицательно связан с суммарным баллом IASMSH, в российской выборке с суммарным баллом IASMSH положительно связан фактор будущего, а в армянской выборке – отрицательно фактор негативного прошлого.

Таким образом, пилотажное кросс-культурное исследование показало, что в выборке российских студентов (по сравнению с армянскими) наблюдаются более позитивные установки к обращению за профессиональной помощью в сфере психического здоровья, которые тесно положительно связаны с психологическим благополучием личности и с ориентацией на будущее. Мы предполагаем, что выявленные различия могут объясняться как культурными факторами, так и различиями в доступности психологической помощи в России и в Армении, что требует продолжения исследований в данном направлении.

Литература

1. Антонова Н.А. Установки студентов к получению помощи в сфере психического здоровья // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. № 195. С. 213–222. DOI: 10.33910/1992-6464-2020-195-213-222
2. Башкин Е.Б., Новикова И.А., Шляхта Д.А. Психологическое благополучие и отношение к обращению за помощью в сфере психического здоровья у студентов // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы: материалы XV Международной научно-практической конференции / науч. ред. В.И. Казаренков. М.: РУДН, 2022. С. 46–51.

3. *Вайнштейн С.В., Бурдин М.В., Шабалин Е.Ю.* Опросник отношения к обращению за услугами в сфере психологического здоровья (IASMHS): результаты психометрического анализа русскоязычной версии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология, 2015. № 3. С. 81–96.
4. *Нестерова А.А., Есинов М.А.* Структурно-содержательные характеристики социальных представлений студентов о психологической помощи // Российский психологический журнал. 2021. Т. 18. № 3. С. 115–129. DOI: 10.21702/грj.2021.3.8
5. *Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В.* Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. 2008. Том 29. Вып. №3. С. 101–109.
6. *Шевеленкова Т.Д., Фесенко Т.П.* Психологическое благополучие личности // Психологическая диагностика. 2005. №3. С. 95–121.
7. *Fisher E.H., Turner J.L.* Orientations to seeking professional help: Development and research utility of an attitude scale // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1970. Vol. 35. № 1. Pt. 1. P. 79–90. DOI: 10.1037/h0029636
8. *Mackenzie C.S., Knox V.J., Gekoski W.L., Macaulay H.L.* An adaptation and extension of the attitudes toward seeking professional psychological help scale // Journal of Applied Social Psychology. 2004. Vol. 34. № 11. P. 2410–2435. DOI: 10.1111/j.1559-1816.2004.tb01984.x

Ценности молодежи и людей старшего поколения, проживающих на юге Алжира

Отмани В.Ю., Павлова О.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

valen.otmani@gmail.com, os_pavlova@mail.ru

В настоящее время Алжир – один из главных стратегических партнеров Российской Федерации, что подчеркивает важность изучения культуры и социума дружественной нам страны. Однако если мы посмотрим на научные исследования АНДР, то мы обнаружим большое количество исследований в области естественных наук и крайне мало исследований в области психологии и социологии. В связи с этим, мы надеемся внести нашей научной работой вклад в изучение алжирского общества и его психологических черт и особенностей.

Объектом нашего исследования являются жизненные ценности, предметом – жизненные ценности молодежи и людей старшего поколения, проживающих на юге страны. Цель исследования – сравнительный анализ ценностно-мотивационных ориентаций.

В нашем исследовании мы опирались на методику изучения индивидуальных ценностей Ш. Шварца. Использованные методические средства – психодиагностический портретный опросник уточненных ценностей, описательная статистика и проверка достоверности различий по критерию Манн-Уитни. Опрос респондентов и сбор материала производился на базе университета города Эль-Уэд. В опросе приняли участие 260 человек, среди кото-

рых административные работники ВУЗа, преподаватели и студенты. Часть ответов была собрана посредством опросов на улицах городов провинции (вилайя) Эль-Уэд. Общение с респондентами велось на арабском, английском и французском языках в зависимости от пожеланий самих респондентов.

Выборка составила 260 человек от 16 до 70 лет. Молодежь – 143 человека от 16 до 30 лет, в старшее поколение вошли 117 человек в возрасте от 40 до 70 лет. Критерием для разделения на молодежь и старшее поколение послужили годы гражданской войны (1990–1999 гг.). Старшее поколение застало эти годы в осознанном возрасте, став непосредственным свидетелем кровавых событий, а представители молодежи либо были совсем детьми, либо родились уже после этих событий, и для них кровопролитная гражданская война – это история, рассказанная представителями старшего поколения.

Давайте обратимся к результатам проведенного исследования. Особенно обращает на себя внимание, что приверженность таким ценностям, как традиция и конформизм, статистически менее значимо выражены у молодежи, среди выборки которой более 60% девушек, и давление традиции и культуры на которых значительно выше, чем на юношей. Так, например, до сих пор принято, чтобы девушки получали высшее образование именно в родном городе, в то время как для молодых людей открыты все пути, в том числе и зарубежные. Респонденты старшего поколения, среди которых около 70% мужчин, напротив более склонны следовать традиции.

Ценности, за которыми стоят мотивационные цели стремления к равенству, принятия инаковости других людей, сохранения природы и экологии, среди молодежи выражены меньше, что показывает явное движение от фокуса социального к личностному. Обращает на себя внимание и то, что стремление к власти значительно менее выражено у старшего поколения, чем у молодежи: согласно полученным данным, молодежь больше стремится к власти, а именно к контролю над людскими, материальными и социальными ресурсами.

Движение от фокуса социального к личностному говорит и о процессах, происходящих в обществе. В частности, несмотря на то, что Алжир остается коллективистическим обществом, все больше алжирцев создают нуклеарные семьи, и в нынешние времена семья из нескольких поколений – редкость даже на юге страны, традиционно более консервативном, чем Север. Иными словами, улучшение бытовых условий и раздельное проживание ведут к индивидуализации общества и его ценностей. Также осмелимся предположить, что за ростом метаценности «самоутверждения» может стоять и постепенное преодоление колониальной травмы. Во время колонии алжирцы были лишены своей субъектности, не имели права распоряжаться своим именем, телом, землей, жизнью, не имели политических и экономических прав на протяжении более пяти поколений, и, возможно, поэтому показатели самоутверждения столь низки у старшего поколения.

Выводы исследования: наша гипотеза о различии ценностей молодого и старшего поколений подтвердилась. У молодежи ярче выражен личностный фокус. Более сильно проявленные ценности самоутверждения, возможно, свидетельствуют в том числе и о постепенном преодолении обществом колониальной травмы, а также стремления женщин к равенству.

Литература

1. *Бабкин С.Э.* Алжир: выстояла ли «система»? (к событиям 2019 г.). М., 2020.
2. *Долгов Б.В.* Исламистское движение в Алжире и Тунисе: 1970-2017 гг. М., 2018.
3. *Ланда Р.Г.* История Алжира. М., 1999.
4. *Sortheix F.M.* Arab Mediterranean youth's values: The role of values and value congruence on intentions to Emigrate. DOI:10.1016/j.ijintrel.2023.101758
5. *Schwartz S., Cieciuch J.* Measuring the Refined Theory of Individual Values in 49 Cultural Groups: Psychometrics of the Revised Portrait Value Questionnaire. Assessment. DOI: 10.1177/1073191121998760
6. *Schwartz S.H.* A Repository of Schwartz Value Scales with Instructions and an Introduction. DOI: 10.9707/2307-0919.1173

Сравнительный анализ ценностных ориентаций студенческой молодежи русской и бурятской культуры

Павлова К.Н., Дагбаева С.Б.
ФГБОУ ВО ЗабГУ, Чита, Россия
p.kseniya13@mail.ru, soela@bk.ru

В современном мультикультурном обществе происходят социальные и культурные изменения, которые непосредственно оказывают влияние и на личностные свойства личности, включая её ценностные ориентации. Несомненно, каждому народу свойственна своя модель культуры и различия будут существовать всегда, так как человеку свойственно рассматривать различные стороны окружающего мира и наделять их своими ценностями. Выбранные человеком ценности играют огромную роль, поскольку определяют взаимоотношения его с социумом, природой и самим собой.

Известно, что ценностные ориентации личности имеют многоуровневую иерархическую систему. Например, М. Рокич обозначает иерархию ценностей как структуру предпочтений человеком определённых ценностей, т.е. некоторые из них предпочтительнее других [1].

Ш. Шварц и У. Билски изучали общественные ценности в различных культурах и на этом основании создали универсальную структуру ценностей личности. Так, для Шварца ценности – это критерии, по которым человек действует, оценивает свои поступки и строит своё отношение к окружающему [2, с. 562].

Нами была поставлена цель исследования – провести сравнительный анализ ценностных ориентаций студенческой молодежи, детерминированных их этнокультурной принадлежностью.

В исследовании приняли участие студенты ЗабГУ и ЧГМА (г. Чита). Выборка составила 200 человек в возрасте от 18 до 26 лет, из которых 100 человек – представители русской культуры и 100 человек – представители бурятской культуры. С помощью методики «Ценностный опросник Ш. Шварца» нами были выявлены значимые и незначимые ценности студенческой молодежи, детерминированные их этнокультурной принадлежностью. Данная ме-

тодика предназначена для измерения значимости десяти типов ценностей. Перейдем к результатам исследования.

Полученные результаты показали, что предпочитаемыми ценностями на уровне нормативных идеалов у студенческой молодежи русской культуры выступили «Достижения» (6,31), «Традиции» (6,20), «Гедонизм» (6,17), в свою очередь у бурятской культуры «Стимуляция» (6,83), «Универсализм» (6,52), «Безопасность» (6,36). Итак, для русских более важно достижение успеха в профессиональной сфере, в личной жизни, в различных областях деятельности. Им важно сохранение и укрепление культурных и религиозных традиций. Студенческая молодежь бурятской культуры переживают за стабильность в современном мире, они с трепетом и волнением принимают любые изменения. Для них свойственна терпимость и понимание к другим людям.

Наименее предпочитаемыми на уровне нормативных идеалов у студенческой молодежи русской культуры выступили такие ценности, как «Самостоятельность» (5,81), «Конформность» (5,69), «Безопасность» (5,63); у студентов бурятской культуры «Конформность» (6,06), «Самостоятельность» (5,99), «Доброта» (5,82).

Обратимся к результатам исследования ценностных ориентаций на уровне индивидуальных приоритетов у студенческой молодежи русской и бурятской культуры. Наиболее предпочитаемыми ценностями у студенческой молодежи русской культуры явились «Власть» (3,67), «Достижения» (3,59) «Гедонизм» (3,56); у студенческой молодежи бурятской культуры «Власть» (4,00), «Гедонизм» (3,62), «Достижения» (3,47). Таким образом, как для русской культуры, так и для бурятской более важен социальный статус, который они занимают. Также молодежь стремится к постоянному получению ощущения удовольствия от жизни.

Наименее предпочитаемыми ценностями у студенческой молодежи русской культуры на уровне индивидуальных приоритетов выступили «Безопасность» (3,09), «Конформность» (2,78), «Традиции» (2,75); у студенческой молодежи бурятской культуры «Конформность» (3,04), «Доброта» (3,00), «Самостоятельность» (3,00). Выбранные ценности студенческой молодежи отличаются от ценностей на уровне нормативных идеалов. Например, в иерархии ценностей у русской культуры преобладала ценностная ориентация «Традиции», чего нет на уровне индивидуальных приоритетов. Что касается бурятской культуры, то для них ценности: конформность, доброта, самостоятельность выступают наименее важными на обоих уровнях.

Таким образом, проведенный анализ показал, что в иерархии ценностей представителей данных культур имеются инварианты и варианты. В основе ценностных ориентаций студенческой молодежи русской культуры лежат ценности достижения, традиции, гедонизм, власть. Такие данные свидетельствуют о том, что молодежь переживает за свои достижения, за успех, за статус, за построение карьеры. Они пытаются сохранить традиционные ценности поколения. Для студенческой молодежи бурятской культуры важна безопасность в мире, стабильность в обществе, удовлетворение своих потребностей, сохранение здоровья и благополучия, личный успех и социальный статус.

Также, согласно данным, у студенческой молодежи имеются инварианты в выборе ценностей, которыми они руководствуются в своей жизни, а именно власть, достижения, гедонизм.

Литература

1. *Rokeach M.* The nature of human values. New York, 1973.
2. *Schwartz S.H., Bilsky W.* Toward a Universal Psychological Structure of Human Values // Journal of Personality and Social Psychology, 1987. Vol. 58. № 5. P. 550–562.

Этническая толерантность как предиктор веры в заговоры³

Пищик В.И., Шабукеева М.Р.

ФГБОУ ВО ДГТУ, Ростов-на-Дону, Россия
vladaph@yandex.ru, muslimat-kerimova@mail.ru

Существуют проблемы, связанные с факторной валидностью различных шкал, измеряющих общую склонность к вере в теории заговора [10], особенно когда они применяются в различных культурных контекстах [5]. Тем не менее, эти различные показатели хорошо предсказывают веру в конкретные теории заговора, при этом конспиративистская ментальность показывает высокие результаты, хотя связь между конспиративистской ментальностью и верой в конкретные теории заговора показывает культурные различия, связанные с доверием и различиями в отношении власти [7]. Например, китайские респонденты выражали больше межгрупповых убеждений о заговоре в отношении правительства США (т.е. убеждений в том, что другое правительство тайно пыталось нанести вред собственной стране) и это различие было частично опосредовано большим одобрением ценности дистанции власти среди китайской выборки [11]. Теории заговора о смоленской авиакатастрофе (и смерти президента Л. Качиньского) вращаются вокруг события, характеризующегося как национальная травма [6]. Российские корни веры в заговоры исследователи ищут [4] в коллективной травме 90-х гг. периода перестройки. Установлено, что менталитет заговорщиков выше в странах с низкими показателями индекса демократии и высоким индексом коррупции и соответствующим большему экономическому неравенству [9].

Главное предположение, на котором основываются исследователи [8] – это, что определенный культурный контекст с большей готовностью вызывает одобрение заговора, чем другой. В 2014 г. мы провели сравнительное исследование кумыков и русских респондентов [3]. Выборка была представлена 4 группами российских поколений (2 группы поколения Y – студенческая молодежь и 2 группы поколения X – работающие люди среднего возраста), национальностей – кумыки и русские, всего 350 человек, возраст от 19 до 25 и от 25 до 35 лет. В группе русских значимые различия обнаружены между поколениями по шкале веры в государственный заговор ($p > 0,01$). В группе кумыков значимые различия были обнаружены между поколениями по шкалам веры в политический заговор ($p > 0,31$), веры в государственный заговор ($p > 0,01$) и общественный заговор ($p > 0,01$). Таким образом, мы показали, что

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-00520 «Трансформация конспиративистской ментальности молодежи поколения Y и Z»

представители различных национальных групп имеют отличительную веру в заговоры.

Остаются вопросы выраженности веры в заговоры в одной культуре у различных когорт. Мы провели исследование на выборке поколений Y и Z, (г. Ростов-на-Дону), 60% женского пола, русские, 600 чел. (2022-2023 гг.). Применили методики: диагностика толерантности [1]; методика измерения конспиративистской ментальности [2]. Установлено, что более склонны к вере в заговоры представители поколения Y ($U=0,578$). По проведенной диагностике на определение толерантности представителей старшего поколения, получены результаты, что они менее толерантны к представителям других национальных групп, чем представители поколения Z ($U=0,449$).

Наше исследование подтвердило предположение о том, что чем ниже этническая толерантность в группе, тем группа более склонна к вере в заговоры.

Литература

1. *Магун В.С., Жамкочьян М.С., Магура М.М.* Вопросник для измерения толерантности // Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности. Под ред. Г.У. Солдатовой и Л.А. Шайгеровой. М.: МГУ, 2003.
2. *Пищик В.И.* Измерение конспиративистской ментальности: первичная психометрическая проверка диагностической методики // Российский психологический журнал, 2023. № 20(1). С. 218–234. DOI: 10.21702/rpj.2023.1.14.
3. *Пищик В.И., Муталимова С.Ш.* Особенности конспиративистского менталитета русских и кумыкских групп поколений // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии: Материалы Четвертой Международной научной конференции 30-31 мая 2014 г. в 2 Т. / Отв. ред. В.В. Гриценко. Смоленск: Универсум, 2014. 242 с. С. 222–225.
4. *Яблоков И.* Русская культура заговора. Конспирологические теории на постсоветском пространстве. М. Альпина нон-фикшн, 2020.
5. *Atari M., Afhami R., Swami V.* Psychometric assessments of Persian translations of three measures of conspiracist beliefs // PLoS One, 2019. Vol. 14(4). DOI: 10.1371/journal.pone.0215202.
6. *Bilewicz M., Witkowska M., Pantazi M., Gkinopoulos T., Klein O.* Traumatic rift: How conspiracy beliefs undermine cohesion after societal trauma? // Europe's Journal of Psychology, 2019. Vol. 15. P. 82–93. DOI: 10.5964/ejop.v15i1.1699.
7. *Bruder M., Haffke P., Neave N., Nouripanah N., Imhoff R.* Measuring individual differences in generic beliefs in conspiracy theories across cultures // Conspiracy Mentality Questionnaire. Frontiers in Psychology, 2013. Vol. 4. P. 225.
8. *Imhoff R.* Conspiracy Theories Through a Cross-Cultural Lens // Online Readings in Psychology and Culture, 2022. Vol. 5(3). DOI: 10.9707/2307-0919.1175.
9. *Imhoff R., Zimmer F., Klein O., et al.* Conspiracy Mentality and Political Orientation across 26 countries // Nature Human Behaviour, 2022. Vol. 6. P. 392–403.
10. *Swami V., Barron D., Weis L., Voracek M., Stieger S., Furnham A.* An examination of the factorial and convergent validity of four measures of conspiracist

ideation, with recommendations for researchers // PLoS ONE, 2017. Vol. 12(2). DOI: 10.1371/journal.pone.0172617.

11. *Van Prooijen J. W., Song M.* The cultural dimension of intergroup conspiracy theories // *British Journal of Psychology*, 2021, 112, 455–473. DOI: 10.1111/bjop.12471.

Факторы подверженности человека информационно-психологическому влиянию со стороны деструктивных сообществ

Романцова В.К.¹, Двойнин А.М.²

¹ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия;

²ГАОУ ВО «НИУ ВШЭ», Москва, Россия
romantsovavk@mgpu.ru, alexdvoinin@mail.ru

В современном мире достаточно остро стоит проблема вовлечения лиц в различные деструктивные сообщества. Исследования деструктивных сообществ и деструктивного поведения затруднены вследствие отсутствия единого подхода к определению понятия деструктивности и его признаков. Также подобные исследования осложнены в силу иногда встречающейся определенной политической и идеологической ангажированности авторов соответствующих работ и спикеров.

К деструктивным сообществам можно отнести те социальные объединения, цель которых заключается в культивировании, продвижении и обеспечении деструктивного поведения их членов. Деструктивное поведение при этом представляет собой такую форму активности, которая направлена на разрушение человеком внешних, общественных норм и отношений и/или на саморазрушение. Деструктивные сообщества культивируют идеологию ухода от конструктивной социальной активности, агрессивное и противоправное поведение (публичное и демонстративное нарушение норм), нанесение физического, материального или психологического вреда себе или окружающим. К деструктивным сообществам можно отнести группировки фашистского и националистического характера (правые скинхеды, Арийское братство, Славянский легион и т.п.), объединения с экстремистской религиозно-политической идеологией, сатанистов, группы поклонников скулшутинга («колумбайнеры»), суицидальные группы и т.п.

В современных исследованиях перечисляется достаточно большое количество факторов подверженности человека информационно-психологическому воздействию со стороны подобных сообществ, однако авторы нередко фокусируются на отдельных факторах, либо обобщают их весьма произвольно. На основе проведенного теоретического анализа мы систематизировали указанные факторы в несколько групп, представляющих собой комплекс:

- социально-демографические;
- психологические (ситуационные, личностные, когнитивные);
- средовые.

К первой группе относятся такие *социально-демографические характеристики* личности как низкий социальный статус, слабая материальная обеспеченность и др.

Ко второй группе относятся те *психологические условия*, которые, являются значимыми для оказания успешного информационно-психологического воздействия на человека: актуальный личностный кризис, неудовлетворенность существующим социально-экономическим статусом, переживание неопределенности, потеря личной значимости, низкая самооценка с агрессивными формами защиты собственной личности, экстернальность, ощущение изоляции и отчуждения от общества, неудовлетворенная потребность к принадлежности референтной группе и др.

К третьей группе – *средовые факторы* – мы относим весь спектр внешних, социальных условий и жизненных обстоятельств, которые влияют на успешность информационно-психологического воздействия на человека. Научная литература изобилует описанием различного набора таких факторов. Например, к ним относят такие разнородные и разнохарактерные влияния, как специальные агитационные мероприятия, социальные контакты в тюрьмах, социальное неравенство, инфляция, рост цен, безработица, рост националистических настроений в обществе, воспитание в неполной семье, семейное насилие, принудительная вербовка и индоктринация, молодежные субкультуры агрессивного типа, девиантно-криминогенные субкультуры и т.д.

Для упорядочивания множества средовых факторов мы предлагаем систематизировать их на основе модели экологических систем У. Bronfenbrenner, описывающей взаимодействие субъекта с внешней средой на разных уровнях [1].

Например, на уровне *макросистемы* такими факторами служат: безработица, бедность, коррупция, сложная геополитическая ситуация.

На уровне *экзосистемы* средовыми факторами являются специальные манипулятивные технологии деструктивных сообществ и лиц, осуществляющих индоктринационное воздействие.

На уровне *мезосистемы* такими факторами являются конфликты в близком окружении, непринятие референтной группой.

На уровне *микросистемы* можно выделить насилие в семье, отсутствие близких людей, негативные жизненные события.

В заключение необходимо отметить, что актуальной исследовательской задачей на настоящий момент является определение силы указанных групп факторов (социально-демографических, психологических, средовых) в соотношении друг с другом, что в перспективе должно привести к построению рабочей модели комплекса факторов (предикторов) подверженности человека информационно-психологическому воздействию. Такая модель позволит с достаточной степенью достоверности предсказывать вероятность вовлечения лиц в деструктивные сообщества.

Литература

1. Bronfenbrenner U. Ecological systems theory // Annals of Child Development, 1989. Vol. 6. P. 187–249.

Кросс-культурные различия в межполовом восприятии угрожающей и привлекательной внешности

Ростовцева В.В., Бутовская М.Л., Мезенцева А.А.

ИЭА РАН, Москва, Россия

victoria.v.rostovtseva@gmail.com,

marina.butovskaya@gmail.com,

khatsenkova@yandex.ru

В одном из недавних экспериментальных исследований, проведенном среди жителей Германии, было показано, что при восприятии лица противоположного пола женщины уделяют больше внимания признакам, ассоциированным с сигналами угрозы, нежели привлекательности, в то время как для мужчин высокая привлекательность женского лица может компенсировать негативное визуальное воздействие признаков, ассоциированных с угрозой [3].

Целью настоящей работы было: исследование этого феномена среди представителей популяции, сильно отличающейся от европейцев по происхождению и культуре (бурят Восточной Сибири) [1], а также кросс-культурное исследование восприятия привлекательной и угрожающей внешности противоположного пола представителями популяций далеких друг от друга по географическому расположению и этническому происхождению (бурят, тувинцев, индийцев, русских, танзанийцев).

Фотографии молодых бурят ($N_{жен}=63$, $N_{муж}=63$) были представлены на оценку (по 5-балльной шкале) по критериям «привлекательный» и «угрожающий» представителям своей этнической группы (независимая выборка; $N_{жен}=94$, $N_{муж}=92$) [2]. На основе вынесенных оценок, с помощью метода геометрической морфометрии [2, 4], нами были созданы по четыре обобщенных морфированных портрета бурят для каждого пола, соответствовавших (а) привлекательной и не угрожающей, (б) привлекательной и угрожающей, (в) не привлекательной и не угрожающей, и (г) не привлекательной и угрожающей внешности. Затем эти морфированные портреты были представлены на оценку (по 5-балльной шкале) по критериям «привлекательный», «угрожающий», и «вызывающий доверие» представителям противоположного пола из популяций тувинцев ($N_{жен}=107$, $N_{муж}=40$), индийцев ($N_{жен}=456$, $N_{муж}=185$), русских ($N_{жен}=265$, $N_{муж}=88$), танзанийцев африканского происхождения ($N_{жен}=122$, $N_{муж}=147$), а также самим бурятам (независимая выборка; $N_{жен}=71$, $N_{муж}=50$).

Результаты анализа оценок внутри популяции бурят показали, что как мужчины, так и женщины буряты наиболее привлекательным считали портрет противоположного пола, соответствовавший одновременно привлекательной и угрожающей внешности. При чем мужчины особо сильно выделяли этот тип внешности среди других портретов по критерию привлекательности. Половых различий в оценках по критерию «вызывающий доверие» в отношении одновременно привлекательной и угрожающей внешности обнаружено не было. Этот результат свидетельствует о том, что среди бурят привлекательность лица противоположного пола может компенсировать негативное визуальное воздействие признаков, ассоциированных с угрозой, как у мужчин, так и у женщин, что отличает бурят от исследованной до этого ев-

ропейской популяции [3]. Сочетание одновременно угрожающей и привлекательной внешности в популяции бурят положительно сказывалось как на привлекательности лица для противоположного пола, так и на доверии к такому лицу, что, вероятно, связано с культурными особенностями этой этнической группы.

Анализ восприятия привлекательной и угрожающей внешности бурят на кросс-популяционном уровне выявил существенные кросс-культурные различия. Тувинцы воспринимали бурятские портреты таким же образом, как и сами буряты – результаты анализа тувинской выборки полностью воспроизвели результаты, полученные на выборке бурят с той лишь разницей, что у тувинцев половые различия в предпочтении одновременно привлекательной и угрожающей внешности были выражены несколько сильнее, чем у бурят (женщины давали таким портретам мужчин чуть более низкие баллы по привлекательности, чем мужчины таким портретам женщин). У индийцев и русских восприятие портретов уже значительно отличалось: мужчинам было свойственно предпочтение одновременно привлекательной и угрожающей внешности женщин по критерию привлекательности, в то время как женщины считали более привлекательным и заслуживающим доверия портрет бурятских мужчин, соответствовавший привлекательной и не угрожающей внешности. Для танзанийцев картина была наиболее сложной: значимых половых различий в восприятии портретов ни по одному из критериев обнаружено не было, при этом танзанийские женщины воспринимали привлекательные портреты бурятских мужчин (как угрожающие, так и не угрожающие) как более привлекательные.

Таким образом, результаты, полученные на выборках индийцев и русских, соответствуют результатам исследования, проведенного другими авторами на европейской выборке. В этих популяциях высокая привлекательность женского лица может компенсировать для мужчин негативное визуальное воздействие признаков, ассоциированных с угрозой, в то время как для женщин признаки угрозы в мужском лице сильно снижают как его привлекательность, так и желание ему доверять. Танзанийцы, в свою очередь, столкнулись с наибольшими сложностями в оценке портретов бурят, что по всей видимости, говорит о наличии некоторых барьеров в восприятии внешности представителей географически и культурно отдаленных популяций.

Результаты нашего исследования могут свидетельствовать о культурных различиях в применении межполовой агрессии, которые отражаются на восприятии мужской угрожающей внешности женщинами.

Исследование выполнено при поддержке РФФ, грант №23-18-00277.

Литература

1. Буряты /отв. ред. Л.Л. Абаева, Н.Л. Жуковская. М: Наука, 2004.
2. *Bookstein F.L.* Morphometric tools for landmark data: Geometry and biology. New York: Cambridge University Press, 1991.
3. *Brustkern J., Heinrichs M., Walker M., Schiller B.* Facial threat affects trust more strongly than facial attractiveness in women than it does in men // Scientific reports. 2021. Vol. 11. N 1. 22475.

4. *Rostovtseva V. V., Mezentseva A. A., Windhager S., Butovskaya M. L.* Sexual dimorphism in facial shape of modern Buryats of Southern Siberia. *American journal of human biology*. 2012. Vol. 33. № 2. e23458.

О формировании этнических стереотипов в английском и русском языках

Сафонова Ю.С., Николашина Е.А.

ФГБОУ ВО «РГУ имени С.А. Есенина», Рязань Россия
sa-julia.s@yandex.ru, e.nikolashina@365.rsu.edu.ru

В современном мире при общении с иностранцем мы не можем обойти стороной возникающие у нас стереотипы о его культуре. Однако почему и как они возникают? Почему даже сейчас, живя в 21 веке, мы обращаемся к более древним стереотипным представлениям о народностях? В международной коммуникации, говоря с представителем другой национальности, необходимо иметь представление и о его культуре, и о связанных с ней стереотипах. Таким образом, цель работы – определить пути возникновения этностереотипов и разобрать несколько подобных примеров в русском и английском языках.

Термин «стереотип» предложил американский писатель и журналист 19-20-х веков Уолтер Липпман. Его концепция стереотипов строится на нескольких аспектах [3]:

- стереотипы – упрощенная версия представления о чем-то;
- стереотипы формируются в процессе становления общества, развития СМИ, во время общения;
- стереотипы не несут правдивую информацию и являются ложными;
- стереотипы устойчивы в представлении людей. Даже если мы знаем, что информация неверная, она закрепляется у нас как стереотип.

Представление о других народах и культурах (гетеростереотип) формируется постепенно и начинается, прежде всего, с прилегающего территориального расположения и фольклора (сказки, басни, былины, традиции, мифы, обряды и т.п.).

Найти истоки стереотипов сложно, их историческое появление может начинаться в Средние века и может быть спорным. Например, о предписывании французам статуса грязнуль может свидетельствовать как отсутствие гигиены в Средние века, так и антисанитария во времена правления Людовика XIV.

Но гораздо более распространенным способом формирования стереотипа является общественная жизнь. Если раньше единственным путем было общение, в результате которого и происходило искажённое представление о нации, то сейчас мы можем обратить наше внимание на гораздо больший спектр. Традиционными формами трансляции стереотипов, безусловно, являются литература, музыка и кинематограф. Из них мы имеем представление об итальянцах как о мафии и о русских бандитах. Сейчас одной из самых эффективных манипуляций сознания, приводящей к появлению стереотипов, является СМИ, например, реклама, которая уверяет нас в качестве германской продукции и научном прогрессе в Японии. В языке же элементом сте-

реотипизации часто выступают анекдоты. Влияние оказывают и такие факторы, как религия, семья, научный прогресс, климат и территория страны [1].

В русском языке мы можем столкнуться с такими фразами как «американские горки» или «шведский стол». Похожие словосочетания есть и в английском языке. Рассмотрим некоторые стереотипы о других странах [2].

О России. В англоязычных странах, особенно в США, можно услышать одно слово, которое выделит русскоговорящих из всего общества – «Russian». Русские люди отличаются гостеприимством и особым менталитетом. Со словом «русский» в английском языке множество стереотипов. Например, русская кухня не может остаться незамеченной. Национальные и уникальные блюда за рубежом просто не имеют эквивалентов. Поэтому в их названии указывается слово «русский». Russian salad — оливье, винегрет. Знаменитая фраза «русская рулетка» (англ. «russian roulette») означает фортуна, необычайную удачу и везение. Однако фраза не является русской по происхождению. Русская рулетка – примитивная игра, в ходе которой заряженный револьвер производит выстрел. Если пуля вылетела, то игроку не повезло, если нет, то он счастливчик. Игра появилась в США в 20 веке, но большую популярность получила именно в России в годы гражданской войны. Это было развлечением среди офицеров и стало ассоциироваться с нашей культурой. Russian doll. За рубежом эта фраза может звучать по-разному: «russian doll», «matryoshka» – все это об одной русской игрушке – матрешке.

О Китае. Представления о странах бывают совершенно разные. Позитивные и негативные. Негативную окраску имеет фраза «китайская вещь», которая означает некачественный товар. Такой же окрас и у «Chinese compliment» – неискренний комплимент. Однако китайский фарфор считается самым лучшим в мире.

О Голландии. «Dutch defence» – защита для видимости, «Old Dutch» – старуха-жена, сварливая женщина, «Flying dutchman» – странствующий человек. «Flying dutchman» переводится как Летучий голландец. Легенда о корабле-призраке возникла в 17 веке и гласит, что корабль обречен вечно бороздить океаны и моря. Ранее Англия и Голландия вели ожесточенные войны, поэтому англичане приписывают голландцам негативные качества, такие как агрессивность, скупость, пристрастие к алкоголю, «Dutch generosity» – жадность.

О Франции. Одним из интересных фразеологизмов является «french secret» – секрет Полишинеля. Выражение означает секрет, который уже всем известен. Такой перевод оно получило благодаря герою французской комедии, шуту и слуге, который сообщал и так известные вещи под видом секретов. Интересен и другой фразеологизм. Уйти, не попрощавшись, или «уйти по-английски», как говорят в русском языке, упоминая об англичанах. Англоговорящие люди же связывают такой уход с французами, говоря «french leave».

Таким образом, формирование стереотипов может определять наше представление о том или ином народе, при этом возникновение стереотипов может быть стихийным. И именно стереотипы зачастую становятся причиной личной неприязни между представителями разных культур.

Литература

1. Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен. Учебное пособие. СПб., 2009. 650 с.
2. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. 5-е изд., стер. М.: Просвещение, 2021. 1210 с.
3. Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.

Личность отца в современной России и Беларуси

*Семенова О.В.¹, Буркова В.Н.¹, Бутовская М.Л.¹,
Каспарова Е.Н.², Ермаков А.М.³*

¹ИЭА РАН, Москва, Россия; ²БГУ, Минск, Беларусь;

³ФГБОУ ВО ДГТУ, Ростов-на-Дону, Россия

m4248296@yandex.ru, burkovav@gmail.com,

marina.butovskaya@gmail.com,

elena_arts@mail.ru, amermakov@ya.ru

В представленном исследовании рассматривается личность отца и связанные с ней модели отцовского вклада в детей в двух соседних странах: России и Беларуси. Эти две страны являются частью общего культурного пространства, а близость русского и белорусского народов уходит корнями в глубокое прошлое. Сегодня Россия и Беларусь объединяются общей исторической памятью, культурой, языком и религией.

Россия и Беларусь имеют опыт построения социалистической модели общества и семьи, в которой оба родителя, как правило, работали. А в недавнем прошлом обе страны проходили период социально-экономического кризиса 1990-х годов, сопровождавшегося поиском новых форм семейных и родительских взаимоотношений, который шел как в направлении более либеральных моделей семьи и брака, так и сопровождался у части общества возвратом к традиционной семье. По оценкам Игоря Кона как патриархальный уклад семейных отношений, так и либеральная «западная» модель семьи по итогу не стали доминирующими моделями семейных отношений [1].

Таким образом, сегодня ряд экспертов отмечают многокомпонентность феномена отцовства и значительное разнообразие моделей родительского поведения современных россиян и белорусов [2; 3]. При этом изменения как личности отца, так и его подхода к воспитанию, активно происходят на наших глазах [1; 2], что представляет уникальную возможность для проведения кросс-культурных сравнительных работ.

В 2022 году нами было проведено онлайн-исследование. Анкета включала следующие опросники: шкала «Отцовская забота» [4]; шкала «Экономическое благополучие семьи» [4]; опросник «Отношение к женщинам» [5]. В исследовании принимали участие студенты высших учебных заведений России и Беларуси. Общая выборка составила 570 человек, средний возраст респондентов в России был 20,4 ($SD = 6.26$), в Беларуси – 20,74 ($SD = 5.19$), процентная доля мужчин от общего числа респондентов в России составила 28.44 %, в Беларуси – 36.45 %.

В аналитической части работы мы исследовали влияние двух переменных: «Достаток» и «Представления о гендерном равенстве» (опросник «Отношение к женщинам») на итоговый фактор «Личность отца». Анализ проведен методом структурного моделирования.

Оценка уровня отцовской заботы была выполнена путём агрегации собранных данных по трем видам отцовского участия в воспитании: его ежедневной, регулярной и вневременной заботе, что соответствовало шкалам опросника «Отцовская забота». При этом стоит отметить, что вопросы, связанные с эмоциональной поддержкой ребенка, имели наибольшее влияние (наибольший стандартизированный коэффициент детерминации) на формирование фактора «Ежедневная забота» (Россия = .868; Беларусь = .9). А «Регулярная забота» в большей степени связывалась с посещением ребенком интересных мест (Россия = .793; Беларусь = .799). Важным аспектом этой формы заботы было также проявление интереса отца к окружению ребенка, его друзьям и занятиям (Россия = .790; Беларусь = .750). «Вневременная забота» больше относилась к эмоциональной поддержке ребенка. В обеих выборках высокие баллы получило утверждение о том, что отец разъяснял и обучал принципам взаимодействия с людьми (Россия = .849; Беларусь = .734).

При формировании фактора «Представления о гендерном равенстве» вопросы имущественного и бытового равноправия имели меньшие коэффициенты по сравнению с утверждениями, касающимися традиционности родительских и общественных ролей мужчины и женщины. Например, утверждение о важности материнства для женщины имело наиболее определяющее значение в обеих выборках (Россия = .820; Беларусь = .765).

В результате проведенного анализа методом структурных уравнений нами было показано, что высокий уровень достатка позитивно влияет на личность отца и способствует росту отцовских инвестиций в обеих странах, тогда как гендерное неравенство снижает заботу.

Таким образом, важнейшими факторами, влияющими на отцовскую заботу в России и Беларуси, остаются экономические и финансовые вопросы, стоящие перед семьей, а также определенное влияние на заботу отца оказывает и сложившееся в семье представление о родительских обязанностях мужа и жены. В результате, чем больше мужская роль ассоциирована с руководящей, общественной работой, а женская, напротив, – с домашним очагом и детьми, тем ниже баллы отцовской заботы. Последнее может отчасти объясняться большой занятостью работающих отцов, например, регулярная забота отцов требует временных затрат для реализации совместных прогулок, поездок. В то же время забота может активно проявляться и через поддержку своих детей, и, по нашим данным, заботливые отцы эмоционально вовлечены в воспитание, и довольно часто интересуются не только самочувствием, но и окружением и занятиями своих детей. Характерно также, что такие отцы придают большое значение обучению своих детей принципам взаимодействия с людьми.

В заключение хотелось бы отметить, что сравнительный кросс-культурный анализ данных показал сходство отцовского поведения в обеих странах. При этом представления о мужских и женских ролях в семье остаются чрезвычайно схожими в изучаемых культурах.

Тезисы подготовлены в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Литература

1. *Кон И.* Мужчина в меняющемся мире. М., 2009.
2. *Borisenko J.V.* Parental identity processes among men in early and middle adulthood // Экспериментальная психология, 2023. Vol. 16. №1.
3. *Умарова, Ш.Ш.* Социальные роли отца в представлениях молодежи Беларуси и Таджикистана // Электронный сборник трудов, 2021. 38.
4. *Cabeza De Baca T., Figueredo A.J., Ellis B.J.* An evolutionary analysis of variation in parental effort: Determinants and assessment // Parenting, 2012. Vol. 12. № 2.
5. *Spence J.T., Helmreich R., Stapp J.* A short version of the Attitudes toward Women Scale (AWS) // Bulletin of the Psychonomic society, 1973. Vol. 2. 4.

Рефлексивность в зрелом возрасте как личностная детерминанта социально-психологической адаптации вынужденных переселенцев

Серебряная М.В.

НИУ «БелГУ», Белгород, Россия
serebryanayamv@yandex.ru

События, происходящие в современном мире, способствуют увеличению числа беженцев и вынужденных переселенцев, в том числе на территорию нашей страны. Переселенцы, решившиеся на переезд ввиду каких-либо чрезвычайных ситуаций, требуют особого психологического сопровождения процесса их адаптации к новой стране, т.к. сама ситуация вынужденного переселения относится к числу высоко стрессогенных. Однако эффективное сопровождение невозможно без понимания факторов, в том числе и внутренних, которые могут определять успех или неуспех включения вынужденного переселенца в новое общество. В числе таких факторов мы предлагаем рассмотреть рефлексивность, т.е. направленность на анализ собственной деятельности [1], и целью своего исследования ставим изучение рефлексивности у вынужденных переселенцев зрелого возраста с разными типами социально-психологической адаптации. Мы предполагаем, что для вынужденных переселенцев с разными типами социально-психологической адаптации будут характерны разные формы рефлексивности, а продуктивное течение адаптации будет сопряжено с высоким уровнем развития рефлексивности в целом.

Исследование было организовано на базе пункта временного размещения беженцев в Белгородской области. Выборку составили 51 украинец (21 мужчина и 30 женщин) с территории Харьковской области в возрасте от 34 до 58 лет (средний возраст – 45 лет). Каждым из респондентов было принято решение закрепиться на новом месте жительства или навсегда переехать вглубь страны, что позволяет классифицировать их как вынужденных переселенцев. Нами были использованы следующие методики: 1) «Определение уровня рефлексивности» (В.В. Пономарева) для фиксации уровня рефлексивности и ее форм [2]; 2) «Адаптация личности к новой социокультурной среде» (Л.В. Янковский) для определения типа адаптации к новой социокультурной среде [3].

В ходе исследования был проведен статистический анализ посредством критерия г-Спирмена, который позволил установить наличие взаимосвязей конформного типа адаптации с социальной рефлексивностью ($r = 0,479$; $p = 0,000$) и общей рефлексивностью ($r = 0,306$; $p = 0,029$). Получается, что чем сильнее у человека развита рефлексивность и чем больше внимания он уделяет анализу своего взаимодействия с другими людьми, тем в большей степени для него будет характерно конформное включение в новую среду. При этом, вынужденные переселенцы с конформным типом социально-психологической адаптации характеризуются высокой социальной рефлексивностью и в целом склонны обращаться к анализу своих действий и поступков других людей.

В результате анализа различий по формам рефлексивности в зависимости от типа адаптации с помощью критерия Н-Крускала-Уоллиса было установлено наличие различий по показателям рефлексии общения и взаимодействия с людьми ($H = 0,002$; $p \leq 0,01$), рефлексии настоящей деятельности ($H = 0,004$; $p \leq 0,01$) и общему уровню рефлексивности ($H = 0,040$; $p \leq 0,05$). Анализ средних значений показывает, что направленность на рефлексию в межличностном взаимодействии в наибольшей степени соответствует конформному типу включения в новую среду (ср. знач. = 29,4), т.е. склонные к осмыслению внутреннего мира других людей вынужденные переселенцы сильнее прочих ориентированы на принятие норм и ценностей новой группы. Рефлексия общения помогает им получать необходимое социальное одобрение и обеспечивает поддержание отношений с новым социумом. Рефлексия настоящей деятельности в большей степени характерна для интерактивного типа адаптации (ср. знач. = 29,4), исходя из чего мы понимаем, что погруженные в ситуацию настоящей переселенцы, уделяющие время анализу происходящего прямо сейчас, в процессе адаптации направлены на активное вхождение в новую среду. Осмысление текущей деятельности и соотнесение собственных действий с предметной ситуацией обеспечивает для таких переселенцев сотрудничество с другими и объясняет их готовность контролировать собственное поведение в соответствии с нормами, ценностями и установками нового общества. Высокие значения общего уровня рефлексивности характеризуют адаптивный тип включения в новую среду (ср. знач. = 131,4). Способные к глубокому осмыслению всего происходящего и произошедшего с ними вынужденные переселенцы в процессе адаптации демонстрируют большую личную удовлетворенность. Они положительно отзываются об окружающих и демонстрируют принадлежность к новому обществу, что, вероятно, обеспечивается направленностью на внутренний анализ своих действий и поступков других людей, причин своих действий в прошлом, настоящем и будущем.

Следующим этапом анализа стало установление характеристик рефлексивности в продуктивных (адаптивный, интерактивный, конформный) и непродуктивных (ностальгический, депрессивный, отчужденный) типах адаптации с помощью критерия U-Манна-Уитни по параметрам рефлексии общения и взаимодействия с другими людьми ($H = 0,004$; $p \leq 0,01$) и общей рефлексивности ($H = 0,002$; $p \leq 0,01$). Средние значения показывают, что для продуктивных типов адаптации в большей степени характерна социальная рефлексия (ср. знач. = 29,9) и рефлексивность в целом (ср. знач. = 117). Вынужденные переселенцы, демонстрирующие готовность активно включаться в новое обще-

ство, характеризуются высокими значениями рефлексивности и уделяют особое внимание анализу собственных действий в контексте межличностных отношений.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать заключение о том, что продуктивное течение социально-психологической адаптации характеризуется развитой рефлексивностью личности зрелого возраста. В зависимости от адаптационного типа преобладает та или иная форма рефлексивности: конформный тип характеризуется социальной рефлексивностью, интерактивный – рефлексивностью настоящего, а адаптивный – общей рефлексивностью. Важно, что рефлексивность в том или ином виде характеризует каждый вариант продуктивного протекания адаптации, обеспечивая своевременную и адекватную перестройку поведенческих и личностных конструктов вынужденного переселенца в соответствии с новой социокультурной средой, что указывает на ее значимость в структуре личности в контексте вынужденного переселения и позволяет рассматривать ее как возможный внутренний фактор успешности социально-психологической адаптации. Следует отметить, что несмотря на установленную закономерность между рефлексивностью и продуктивным течением адаптационного процесса у вынужденных переселенцев зрелого возраста, мы допускаем, что это может быть не специфической характеристикой возраста и проявляться в других возрастах, и планируем подробнее раскрыть этот вопрос в будущих исследованиях.

Литература

1. *Журавлев А.Л.* Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Психологический журнал, 2012. Т. 33. № 4. С. 27–37.
2. *Пономарева В.В.* Психодиагностика рефлексивности как метод социально-психологического исследования управленческой деятельности: Дисс. ... канд. психол. Ярославль, 2000. 188 с.
3. *Сонин В.А.* Адаптация личности к новой социокультурной среде (тест Л.В. Янковского) // Психодиагностическое познание профессиональной деятельности. СПб., 2004. С. 206–211.

Этническая идентичность русской студенческой молодежи: результаты эмпирического исследования

Смолина Т.Л.

СПбГУП, Санкт-Петербург, Россия
talesm@mail.ru

В мае 2022 года, спустя три месяца после начала специальной военной операции, нами было проведено исследование, направленное на изучение особенностей этнической идентичности у русской молодежи. Исследование проводилось в период, когда фиксировался значительный рост русофобии в Европе и США. Поэтому в данном исследовании нас интересовала именно русская молодежь в связи с потенциальным кризисом идентичности, то есть возможной утратой позитивных представлений русских о своей группе в ситуации социальной нестабильности. Есть ли различия в выраженности

когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов этнической идентичности в юношеском возрасте? Испытывает ли современная русская молодежь гордость за свой народ? На эти и другие вопросы мы попытались найти ответы в рамках нашего исследования, в котором приняли участие 62 студента-конфликтолога Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов (15 юношей и 49 девушек в возрасте от 19 до 21 года), которые указали в описании этнической принадлежности «русский» или «русская». Спустя год, в апреле 2023 г. мы провели схожее исследование среди русской студенческой молодежи различных направлений подготовки. Так, в исследовании 2023 г. приняли участие 64 человека (из них 25 человек – студенты-конфликтологи, 21 – студенты-психологи и 16 человек – будущие актеры). Таким образом, в последнем исследовании было опрошено 18 юношей и 44 девушки в возрасте от 19 до 21 года. Этническая принадлежность определялась респондентами свободным выбором, не выяснялась национальность родителей.

В рамках исследования применялась методика измерения выраженности этнической идентичности З.В. Сикевич «Я и мой народ» [2]. Данный опросник позволяет измерить не только когнитивный и аффективный компоненты этнической идентичности, но и, слабо представленный в отечественных эмпирических разработках, поведенческий компонент структуры этнической идентичности [3]. Поведенческий компонент в данной методике представлен, например, такими утверждениями: «Я предпочитаю общаться с представителями своего народа», «Я участвую в организациях и движениях, которые защищают и развивают родную культуру», «Своих детей я стараюсь (постараюсь) воспитать достойными представителями своего народа» [2, с. 96–97].

Согласно полученным данным, средний балл выраженности этнической идентификации для юношей и девушек в 2022 г. составил 51 балл, в 2023 – 50,4 балла, что указывает на высокий уровень этнической идентификации русских студентов. Нас особо интересовал аффективный компонент этнической идентичности, так как, в современных отечественных исследованиях встречаются данные о том, что в подростковом возрасте преобладает аффективный компонент над когнитивным [1]. Доминирует ли аффективный компонент в структуре этнической идентичности в юношеском возрасте? В мае 2022 года у студентов были выявлены следующие показатели выраженности компонентов: когнитивный – 18,8 баллов, аффективный – 18 баллов, поведенческий – 17 баллов. В апреле 2023 года у русских студентов были обнаружены следующие средние баллы по каждому из компонентов: когнитивный – 18,8 баллов, аффективный – 20 баллов, поведенческий – 17 баллов. В нашем исследовании значимых различий между когнитивным, аффективным и поведенческим компонентами у студентов не обнаружено.

Для нас важным было узнать ответы русских студентов на такое утверждение опросника как «Я горжусь тем, что принадлежу к своему народу». В мае 2022 г. ответы респондентов распределились следующим образом: 50% респондентов были полностью согласны с этим утверждением; 25% ответили «скорее согласен, чем не согласен»; 16% – в чем-то согласны и в чем-то не согласны; 6% – скорее не согласны и 3% – совершенно не согласны. В апреле 2023 г. на то же самое утверждение русские юноши и девушки ответили так: 50% – «полностью согласен»; 32% ответили «скорее согласен, чем не согласен»; 14% – в чем-то согласны и в чем-то не согласны; 2% – скорее не со-

гласны и 2% – совершенно не согласны. Таким образом, доля тех, кто полностью согласен или скорее согласен с утверждением «Я горжусь тем, что принадлежу к своему народу» увеличилась на 7% (с 75% на 82%), а тех, кто не согласен – уменьшилась на 5% (с 9% до 4%).

Результаты исследования указывают на то, что у опрошенных русских студентов отмечается высокий уровень идентификации с собственной этнической группой. Возможно, положительная динамика ответов с 2022 г. по 2023 г. свидетельствует о известном явлении, когда в ответ на угрозу собственной идентичности, она еще больше актуализируется и укрепляется в ситуациях вызова и конфликта. В нашем исследовании мы выявили некоторый рост чувства гордости за свой народ у русской молодежи, что может указывать на актуализацию положительного эмоционального отношения к собственной этнической принадлежности в настоящее время. На наш взгляд, дальнейшие исследования русской идентичности, изучение соотношения выраженности когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов этнической идентичности у разных возрастных групп, а также исследование динамики выраженности этнической идентификации у различных этнических групп, – это перспективные задачи, которые стоят перед современной российской этнопсихологией.

Литература

1. *Мурсалыева Г.М.* Структура этнической идентичности подростков в современном межкультурном пространстве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2018. № 2. С.102–113.
2. *Сикевич З.В., Поссель Ю.А., Румянцева П.В., Смолина Т.Л.* Этнопсихология. Учебно-методическое пособие. СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2006. 107 с.
3. *Смолина Т.Л.* Этническая идентичность как социально-психологический феномен: обзор методов исследования // Психология образования в поликультурном пространстве, 2022. № 2(58). С.35–43.

Взгляд в системе общения в Китае

Сперанская Г.Л.

ГУО БГУКИ, Минск, Республика Беларусь

Flora_07@list.ru

Поведенческие и речевые компоненты общения имеют у представителей разных культур значительные различия и воспринимаются как непривычные, странные, вызывая настороженное отношение. Однако в системе общения различные его компоненты – поведенческие и речевые – взаимосвязаны и сбалансированы определенным образом и находятся в отношениях взаимной компенсации. Степень включенности каждого компонента в общение связана с условиями возникновения в нем общности, или «совокупного субъекта» [2, с. 252], которые определяются спецификой культуры и общественной жизнью сообщества.

В Китае исторически велика численность и плотность населения, традиционно большие семьи, отчего человек постоянно вынужден находиться «на

людях» при невозможности уединения. Постоянное пребывание среди людей должно было бы вызывать состояние «многолюдья» или краудинга, возможно, групповой изоляции [1, с. 33], которые приводят к измененным состояниям сознания, нарушениям сбалансированности в психической жизни, от чего, однако, китайцы защищены, так как сложившиеся у них формы поведения блокируют немотивированные контакты, повышая пороги переносимости скопления людей вокруг. Представляется, что возможность сохранять достаточную автономию своей психической жизни в таких условиях обусловлена у китайцев ограничением включенности в общение взгляда.

В системе общения взгляд является основным его компонентом для возникновения и поддержания взаимосвязи, общности, являясь начальным этапом установления контакта и побуждения к общению. В общем, взгляд имеет функции контроля общения [3, с.45], его регуляции и функцию экспрессии [3, с. 47]. При высокой плотности населения в Китае привычное для нашей культуры использование взгляда повлекло бы возникновение у китайцев множества немотивированных и непродолжительных ситуаций общения, фрагментирующей психическую жизнь личности, нарушающих ее автономию и сосредоточенность на собственной активности.

Ограничение в использовании взгляда определяет у китайцев специфику их общения и социального поведения. Многочисленные наблюдения показывают, что в традиционной китайской культуре социальная жизнь людей жестко регламентирована и подчинена правилам. Еще Конфуций придавал большое значение определенным церемониям, ритуалам, то есть этикетному, регламентированному поведению, поэтому все события в жизни народа или отдельной семьи сопровождались исполнением соответствующих церемоний. Очевидно, таким образом обеспечивалась устойчивость и предсказуемость социальной жизни, ее необходимая организация при дефиците в общении регулирующей функции взгляда. Значение взгляда, контакта взглядов исключительно велико в установлении общности в процессе общения. И если существует определенный паттерн взгляда для англоговорящих собеседников (с учетом индивидуальных различий), то у китайцев такой паттерн взгляда отсутствует. Однако в китайской культуре существует компенсация дефицита взгляда со стороны речевых и поведенческих форм. Так, тоническое ударение, основанное на постоянном резком перепаде высоты основного тона в речи, служит, как нам представляется, непрерывной организации внимания собеседников и поддержанию ситуации общения. Представляется, что тем же целям служит повышенная, по сравнению с нашей, громкость речи, а также сокращение дистанции общения по сравнению с привычной нам нормой.

В странах Востока, в том числе в Китае, тщательно защищается и оберегается зрительное пространство людей. Поэтому в Китае смотреть на человека, который чем-то занят, является невежливым. Русский преподаватель в аудитории с китайскими студентами, замечая, что они часто опускают глаза, может посчитать, что они недостаточно внимательны. Также в начале занятий, когда преподаватель открывает свои записки и еще только собирается заговорить, китайские студенты смотрят вниз, что также может истолковываться преподавателем превратно.

Ограничение взгляда в общении китайцев обусловило, по всей вероятности, определенное снижение его выразительности по сравнению с выразительностью взгляда в нашей культуре. Представляется, что именно поэтому

китайские студенты усиливают свои эмоциональные приветствия и прощания жестом, что выглядит фамильярным по отношению к преподавателю для нашей культуры, в которой студентам достаточно выразительности взгляда. При заинтересованном внимании к восприятию речи китаец может часто кивать, что ошибочно понимается как согласие. Кроме того, в общении китайцев велика доля прикосновений для усиления позитивного эмоционального отношения, а также большое количество жестов-эмблем (имеющих устойчивое значение), которые, вероятно, служат усилению эмоционального воздействия в общении.

Контакт взглядов, который связан с уровнем эмоционального возбуждения в общении и интенсификацией непосредственных отношений [3, с. 40], является сильным социальным стимулом для китайцев. Так, китайцы могут здороваться с преподавателем несколько раз в день, встретившись с ним взглядом, в то время как нашим студентам достаточно мимики и выразительного взгляда. Также китайские студенты часто дерутся, что можно объяснить влиянием контакта взглядов дополнительно к словам и жестам

Отметим в заключение, что именно общность, возникающая в общении, является системообразующим уровнем в иерархии использования в нем речевых и поведенческих, очевидно, и языковых средств представителями разных культур. При этом коммуникативное поведение усваивается с детства и используется бессознательно, превращая человека в носителя уникального сочетания различных форм и компонентов общения, которые составляют его национальное своеобразие и специфику.

Литература

1. *Лебедев В.И.* Личность в экстремальных условиях. М., Политиздат.1989.
2. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., Наука. 1984.
3. *Kendon A.* Studies in the Behavior of Social Interaction / So Functions of Gaze Direction. Bloomington. 1977. P. 13–51.

Ценностные ориентации казахов: межпоколенческое сравнение

Стефаниди Е.О., Шорохова В.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

elen.stefanidi@yandex.ru, shorohovava@mgppu.ru

Ценности, доминирующие в обществе, являются главным элементом культуры, поэтому принятие этнических ценностей определённого общества является необходимым условием для сохранения и поддержания этнической идентичности. Так, родная для индивида культурная среда играет определяющее значение для формирования его ценностей. Хотя ценности и являются довольно стабильной системой и меняются очень медленно, но они все же трансформируются под влиянием социально-экономических изменений в обществе [2]. При этом трансформация ценностных ориентаций не является полным заме-

щением старых ценностей новыми, а скорее являет собой так называемую перестройку их значимости в жизни индивида и общества [1, с. 16].

Сейчас в Казахстане происходят значительные перемены, и общество находится в периоде трансформации, в связи с чем меняются образ жизни и ценностные ориентации казахского народа. В то же время, определенный набор ценностей является базовым, определяющим для культуры казахского народа, именно они обеспечивают сохранение и поддержание этой культуры и остаются неизменными, передаваясь от поколения к поколению.

Основой для проведенного эмпирического исследования послужила теория изучения ценностей личности Ш. Шварца, согласно которой ценности являются не только мотивационными целями, но и основными принципами жизни, которые влияют на выбор и оценку личных поступков, других людей и происходящих событий, даже если эти принципы остаются неосознаваемыми самим человеком [4]. Другими словами, эти базовые условия представляют собой универсальные потребности, которые составляют основу нашей личности и определяют наши приоритеты, предпочтения и выборы.

Кроме того, в связи с поставленной задачей, для разделения респондентов на две возрастные группы в исследовании была использована теория поколений, разработанная Н. Хау и У. Штраусом [6], согласно которой, поколение включает в себя всех людей, рожденных в промежуток от 20 до 25 лет. Таким образом это люди, рожденные в одно историческое время, имеют общий жизненный опыт, на который влияют схожие экономические условия, идеологии, нормы поведения. Они ощущают связь со сверстниками и разделяют общий сценарий жизни [3].

В данном исследовании мы проанализировали и сравнили особенности системы ценностных ориентаций казахов, а также выявили их сходства и различия в зависимости от принадлежности к старшей или младшей возрастным группам.

В исследовании приняли участие 106 представителей казахского этноса, проживающих на территории Казахстана (69 женщин и 37 мужчин), которые были разделены нами на две возрастные группы – старшую и младшую.

В младшую возрастную группу входили респонденты в возрасте от 20 до 40 лет (M=29,44), их общее число составило 65 человек. В старшую возрастную группу входили респонденты в возрасте от 45 до 65 лет (M=54,04), их общее число составило 41 человек.

В исследовании использовался «Портретный ценностный опросник» Ш. Шварца (PVQ-RR) в адаптации Т. П. Бутенко, Д. С. Седова, А. С. Липатова [5]. Исследование проводилось в период с февраля по май 2023г., в онлайн-формате, путем распространения гугл-формы, содержащей опросник, среди казахов, проживающих на территории Казахстана.

Результаты, полученные в ходе исследования, подтвердили нашу гипотезу о том, что в структуре ценностных ориентаций казахов младшей и старшей возрастных групп имеются как сходства, так и различия. Если говорить о сходствах в ценностных ориентациях, стоит отметить, что у обеих возрастных групп казахов на первых местах по значимости находятся одни и те же ценности (Безопасность – Общественная, Благожелательность – Забота), которые соотносятся с коллективистической природой их культуры и выражаются в потребности в принадлежности к группе, заботе о благополучии ее

членов, важности стабильности общества в целом. Таким образом, данные ценности можно назвать базовыми для казахского этноса.

Что касается различий, то у казахов младшей возрастной группы в перечень важнейших ценностей, наряду с вышеупомянутыми базовыми коллективистическими ценностями, вошли такие ценности, как Самостоятельность – Поступки и Самостоятельность – Мысли, что говорит о важности для них независимого мышления, свободы выбора, развития и тяги к исследованию нового.

Кроме того, стоит отметить, что у казахов, относящихся к старшему поколению, все пять важнейших ценностных ориентаций (Благожелательность – Забота, Безопасность – Общественная, Универсализм – Забота о других, Традиция, Благожелательность – Чувство долга) принадлежали к традиционным для коллективистической культуры понятиям, и, в отличие от младшей группы, сюда вошли ценности, которые говорят о важности сохранения и передачи традиций, а также, высоко ценится репутация человека, заслуживающего доверие. Кроме того, стоит отметить, что наиболее значимыми для старшей возрастной группы являлись метаценности Сохранения и Самоопределения, что говорит о консерватизме, тенденции к сохранению традиций, а также о направленности на общество и высокой зависимости от общественных отношений.

Что же касается казахов младшей возрастной группы, то наиболее значимыми для них оказались метаценности Сохранения и Открытости изменениям, которые находятся в оппозиции друг к другу, в связи с чем данную возрастную группу можно охарактеризовать, как своеобразное «переходное поколение», представители которого выполняют роль носителей противоречащих друг другу ценностных ориентиров.

Таким образом, результаты данного исследования способствуют глубокому пониманию эволюции ценностных ориентаций в динамике межпоколенческих изменений, а также подчеркивают важность учета возрастных факторов при анализе культурных особенностей этноса.

Литература

1. *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис (политические исследования), 1997. № 4. С. 6–32.
2. *Магун В.С., Руднев М.Г.* Базовые ценности-2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами // Россия реформирующаяся, 2011. № 10. С. 244–280.
3. *Ожиганова Е.М.* Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса. Возможности практического применения // Бизнес-образование в экономике знаний, 2015. №1. С. 93–97.
4. *Шварц Ш.* Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2008. № 2. С. 36–67.
5. *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Лунатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2012. Т. 9, № 1. С. 43–70.
6. *Strauss W., Howe N.* Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow & Company, 1991. 538 p.

Философско-антропологическая методология в этнопсихологических исследованиях

Сухарев А.В.

ФГБУН ИП РАН, Москва, Россия
zavor753@mail.ru

С современных философско-антропологических позиций в 20-21 вв. человек рассматривается уже не как исключительно предмет научного – биологического, психологического, исторического и т.п. познания, но именно как субъект, способный к восприятию и созданию трансцендентных смыслов. Это означает, что познание самого человека и процесс познания им Вселенной не могут быть сведены только к результатам исследования в классических областях науки, но предполагают и познание духовной (трансцендентной) сферы. Сфера трансцендентного включает и так называемые «внеучные» формы опыта и познания (мистического, богословского и пр.), хотя здесь возникает вопрос о том, что такое наука и методология и каково ее современное понимание. В новую методологию познания, например, должен быть включен и анализ трансцендентного опыта у религиозных мистиков и поэтов эпохи постмодерна хотя бы потому, что большая часть населения планеты считают себя верующими и в той или иной мере руководствуются в своей жизни религиозными представлениями. С этой целью нами были рассмотрены перспективы парадигмального синтеза в психологии познания, а именно гуманитарного, естественно-научного, теологического, религиозно- и литературно-мистического способов познания [7].

С позиций философской антропологии человек рассматривается как малая Вселенная, отображающая свойства и качества большой Вселенной – идея о микро- и макрокосме у Платона (диалог Тимей) и др. В психологических исследованиях *принцип единства микро- и макрокосма* может быть представлен как единство методологии к исследованию индивидуального и *коллективного* (А.Л. Журавлев) субъекта (А.В. Сухарев), и это не декларативное положение. На основании данного принципа нами были получены результаты, подтверждающие возможность оценки поведения коллективного субъекта, исходя из эмпирических и экспериментальных исследований на индивидуальном уровне [3; 4; 5; 9; и др.]. Учет природно-культурной специфики развития индивидуального и коллективного субъекта осуществляется с позиций трансдисциплинарной *этнофункциональной методологии* [2]. Ее применение позволяет реализовать упомянутый выше парадигмальный синтез в познании субъекта не только в теоретическом, но и в прикладном, эмпирическом и экспериментальном аспектах. Полнота охвата познания ментальности субъекта (его *образной сферы*, термин А.А. Гостева) с позиций данной методологии обеспечивается полной описанием параметров этнофункционального развития субъекта: климатогеографических (включая флору и фауну), антропо-биологических, культурно-психологических и, что крайне важно, введенной нами группы *трансцендентных* параметров развития (представления о Боге, духах природных стихий и явлений, а также произвольных умозрительных сущностях) [2]. Образное содержание параметров развития наделяется *этнической функцией* – этноинтегрирующей, этно-

дифференцирующей и нейтральной. Исследования показывают, что этническая функция представлений может играть детерминирующую роль в степени как в психологической, так и непсихологической адаптированности индивидуального и коллективного субъекта [2; 3; 4; 5; 6; 8; 9; 10 и др.].

Дальнейшее развитие этнофункциональной методологии было осуществлено на междисциплинарной основе с использованием общепсихологических и культурологических понятий. Во-первых, мы использовали предельно обобщенные для описания Вселенной *научные* понятия *хаоса* и *космоса* (С.А. Токарев, А. Койре и др.). Опираясь на введенное В.П. Бранским представление о развитии природных систем как *синтезе хаоса и порядка* [1], мы ввели понятия *хаотизирующей* и *космизирующей функции* представлений (элементов образной сферы субъекта) и *степени синтеза хаоса и космоса* [5, с.167–172] как практического инструмента оценки качества развития *гуманитарных систем*, в т.ч. этнических. Во-вторых, в описании развития образной сферы коллективного и индивидуального субъекта были выделены ступени *архаики*⁴, *премодерна* (приоритет представлений мировых религий) и *модерна* (приоритет веры в научно-технологический прогресс и т.п.) [5, с. 153–167, 254–256]. Исследования показали, что этнодифференцирующие представления архаики, наделенные наиболее выраженной хаотизирующей и этнической функциями, играют наиболее дискриминантную и часто детерминирующую роль в возникновении искажений и, напротив, оптимизации развития индивидуального и коллективного субъекта по психологическим (показателям уровня интеллекта, нравственности, возникновения психических расстройств, зависимостей и пр.) и непсихологическим показателям: медицинским (психическое и психосоматическое здоровье), социальным, социально-экономическим, экологическим [2; 4; 5; 6; и др.].

В заключение следует отметить, что предлагаемый философско-антропологический подход (*концепция этнофункционального синтеза хаоса и космоса* [5]), являющийся трансдисциплинарной теорией высокого уровня обобщения, позволяет получить новые научные результаты в этнопсихологии, клинической, педагогической, общей и др. областях психологии, открывающие широкие перспективы *практического* применения.

Литература

1. *Бранский В.П.* Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // *Общественные науки и современность*, 1999. № 6. С. 117–127.
2. *Сухарев А.В.* Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
3. *Сухарев А.В.* Развитие русской ментальности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
4. *Сухарев А.В.* Эмпирическое компаративное исследование ментальности России и стран с различными показателями уровня и темпов социально-экономического развития // *Вестник славянских культур*, 2021. Т. 62. С. 120–128.

⁴ Согласно Л. Леви-Брюлю, архаика характеризуется приоритетом природы, родовых отношений, магическим мышлением и геолокальностью.

5. *Сухарев А.В.* Развитие субъекта: Логос, космос и хаос. М.: Когито-Центр, 2022.
6. *Сухарев А.В.* Концепция этнофункционального синтеза хаоса и космоса: философские основания и перспективы применения в психологии // Ученые записки Института психологии Российской академии наук, 2022. Т. 2. № 2 (4). С. 15–28.
7. *Сухарев А.В.* Опыт парадигмального обобщения философско-религиозных и мистических оснований гуманитарного и естественно-научного подходов в психологической науке // Ученые записки Института психологии Российской академии наук, 2022. Т. 2. № 4. С. 4–17. DOI: 10.38098/proceedings_2022_02_04_02.
8. *Сухарев А.В.* Сравнительный анализ развития ментальности стран с высокими и низкими социально-экономическими характеристиками // Ученые записки Института психологии Российской академии наук, 2022. Т. 2. № 3. С. 65–77. DOI: 10.38098/proceedings_2022_02_03_06.
9. *Сухарев А.В.* Анализ взаимосвязи социально-психологических и социально-экономических характеристик стран мира с позиций концепции синтеза хаоса и космоса // Ученые записки Института психологии Российской академии наук, 2023. Т. 3. № 1. С. 33–44. DOI:10.38098/proceedings_2023_03_01_04.
10. *Сухарев А.В.* Культурно-психологический анализ роли индекса качества элит как показателя развития общества // Ученые записки Института психологии Российской академии наук, 2023. Т. 3. № 2. С. 32–42. DOI:10.38098/proceedings_2023_03_02_04.

Гражданская идентичность и ментальное здоровье россиян: роль психологических стратегий совладания в условиях санкционной политики⁵

Татарко А.Н.

ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ», Москва, Россия
tatarko@yandex.ru

Экономические санкции все чаще используются в современном мире во время конфликтов между странами. В современном мире экономические и политические санкции становятся неотъемлемой частью жизни. Однако, психологическое состояние населения стран, находящихся под санкциями, до сих пор, не стало объектом пристального внимания ученых.

В 2022-м году население России столкнулось с самым большим в мире количеством экономических санкций. В этой связи важным будет найти ответ на вопрос – какие психологические ресурсы и стратегии используются обыкновенными людьми для совладания со сложившейся ситуацией?

В исследовании мы выдвигаем предположение, что одним из базовых психологических ресурсов для реализации стратегий совладания в сложив-

⁵ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году.

шейся ситуации выступает гражданская идентичность россиян. Именно она является психологическим ресурсом совладания с жизненными трудностями и может иметь позитивный эффект на ментальное здоровье россиян через отдельные стратегии психологического копинга.

Во многих исследованиях сообщалось о положительной взаимосвязи между уровнями национальной идентификации и субъективного благополучия [2]. При этом, если мы говорим о кризисной ситуации, в которой оказались россияне после 24 февраля 2022 года, то целесообразно задаться вопросом: если гражданская идентичность россиян сохраняет свой позитивный эффект на ментальное здоровье в кризисной ситуации, то посредством чего это происходит? Какие психологические механизмы могут лежать в основе данной связи? В нашем исследовании мы предполагаем, что гражданская идентичность сопряжена с определёнными стратегиями психологического копинга, который, в свою очередь, уже может быть связан с ментальным здоровьем. Другими словами, стратегии психологического копинга играют роль медиатора связи между гражданской идентичностью и ментальным здоровьем.

Для оценки стратегий совладания с кризисом мы используем Шкалы личностной оценки, ориентированные на семейный кризис, которые были созданы для выявления стратегий решения проблем и поведения, используемого семьями в трудных или проблемных ситуациях. Эта модель включает в себя следующие копинговые стратегии:

- Получение социальной поддержки – способность семьи активно получать поддержку от родственников, друзей, соседей и расширенной семьи.
- Переосмысление. Этот аспект оценивает способность семьи переосмыслить и посмотреть по-иному на стрессовые события, чтобы сделать их более управляемыми.
- Поиск духовной поддержки – способность семьи обрести духовную поддержку.
- Мобилизация семьи на получение и принятие помощи. Это способность семьи обращаться к различным общественным ресурсам и принимать помощь от других.
- Пассивная оценка – способность семьи принимать проблемные вопросы, сводящая к минимуму реакцию на них.

Мы можем предположить, что, стратегии совладания, как более ситуативное явление, могут играть роль медиаторов данной связи. Психологический механизм здесь может заключаться в том, что выраженная гражданская идентичность может вызывать определённые копинговые стратегии, которые в свою очередь уже повышают общее психологическое здоровье и снижают выраженность депрессивных симптомов.

Выборка исследования. Сбор данных производился с использованием платформы Anketolog.ru. В рамках исследования было опрошено 384 респондента.

Инструментарий исследования

Гражданская идентичность. При оценке выраженности гражданской идентичности респондентов нами использовалась методика С. Роккас [6], разработанная для оценки идентификации с обществом.

Психологические стратегии совладания с трудностями. Этот опросник был разработан Маккуббином, Олсоном и Ларсеном [4] для выявления моделей совладающего поведения семей, переживающих кризисы.

Мы измеряли общее психологическое здоровье индивида, а также уровень депрессии. При обработке данных мы использовали показатель общего психологического здоровья индивида и показатель депрессии, как отдельные зависимые переменные.

Мы использовали *Опросник общего состояния здоровья (GHQ)* для оценки общего психологического здоровья. GHQ – это краткий скрининговый опросник, предназначенный для выявления нарушений психического здоровья [3].

Депрессия. Для оценки депрессии мы использовали шкалу депрессии Центра эпидемиологических исследований (CES-D) [5].

Результаты и Заключение

В проведенном исследовании было показано, что гражданская идентичность имеет как прямой, так и не прямой позитивный эффект на общее психологическое здоровье личности в сложной социально-экономической и политической ситуации. Непрямой эффект осуществляется через психологические копинговые стратегии Переосмысление и Духовная поддержка. Другими словами, сильная гражданская идентичность позволяет взглянуть на ситуацию по-новому, переосмыслить ее, а также найти силы поддержки в религии и традиционных ценностях, что, в конечном счете, позволяет поддерживать общее психологическое здоровье. В отношении снижения депрессии роль гражданской идентичности не столь значительна, но все же она присутствует. Мы не обнаружили статистически значимого прямого или общего эффекта. Однако мы обнаружили статистически значимый не прямой отрицательный эффект, осуществляющийся также через стратегию Переосмысление. Другими словами, выраженная национальная идентичность способна снижать депрессию через использование стратегии Переосмысление. В целом мы увидели, что Переосмысление оказалась самой продуктивной психологической стратегией в нашем исследовании: через эту стратегию национальная идентичность может повышать общее психологическое здоровье и снижать депрессию.

Мы хотим отметить, что национальная идентичность особенно важна в многонациональных государствах [7], таких как Россия. Россия является исторически многонациональным государством, а в последние десятилетия в Россию приезжает значительное количество инуюльтурных мигрантов. По результатам последней переписи (2020 год) на территории России проживают представители 191 этнической группы. При этом укрепление национальной идентичности не только этнического большинства, но и меньшинств или мигрантов способствует их ментальному здоровью, на что настоятельно обращают внимание специалисты, занимающиеся психотерапией культурных меньшинств [1].

Литература

1. Ayuandini S., Duyvendak J.W. Becoming (more) Dutch as medical recommendations: how understandings of national identity enter the medical practice of hymenoplasty consultations // Nations and Nationalism, 2018. Vol. 24. № 2. P. 390–411.

2. *Dimitrova R., Buzea C., Ljujic V., Jordanov V.* The influence of nationalism and national identity on well-being of Bulgarian and Romanian youth // *Studia UBB Sociologia*, 2013. Vol. 58. №. 1. P. 69–86.
3. *Goldberg D.* Manual of the general health questionnaire. Windsor: NFER-Nelson Publishing, 1978. 32 p.
4. *McCubbin H., Olson D.H., Larsen A.* F-COPES: Family Crisis Oriented Personal Evaluation Scales // In H. McCubbin, A. Thompson (Eds.). Family assessment inventories for research and practice. Madison: University of Wisconsin-Madison, 1987. P. 195–205.
5. *Radloff L.S.* The CES-D scale: A self-report depression scale for research in the general population // *Applied psychological measurement*. 1977. Vol. 1. №. 3. P. 385–401.
6. *Roccas S.* The effects of group and individual characteristics and their interaction on identification with groups. Unpublished doctoral dissertation // The Hebrew University of Jerusalem. 1997.
7. *Saville C.W.N.* Health and mental health disparities between national identity groups in Wales // *Journal of Racial and Ethnic Health Disparities*, 2022. Vol. 9. №. 1. P. 270–287.

Культурные измерения как этнопсихологические детерминанты образовательного процесса в вузе

Тихомиров М.Ю.

ФГБОУ ВО ВГСПУ, Волгоград, Россия
tcmich@mail.ru

Как показывает многолетняя практика обучения иностранных студентов, многие проблемные точки в образовательном процессе в вузе так или иначе связаны с феноменами различного отношения и восприятия отдельных сторон действительности, обусловленными этнопсихологическими различиями, которые часто описывают в научной литературе как «культурные измерения».

Одной из таких концепций является теория Г.Хофстеде. Как известно, в классическом варианте она описывает пять измерений – дистанция власти, интолерантность к неопределенности, коллективизм – индивидуализм, маскулинность – феминность, долгосрочная временная ориентация. В последних редакциях классификации имеется такое измерение, как потворство желаниям, которое не представлено в эмпирических методиках.

Изучение этнопсихологических различий в данном направлении обусловлено рядом проблем, возникающих в ситуациях, когда традиционные для российской образовательной практики методы, формы, стратегии обучения терпят провал при их использовании во взаимодействии со студентами-инофонами. Возникают такие явления, как резкое снижение учебной мотивации, дезавуирование роли преподавателя, прекращение собственно учебного взаимодействия, подмена его манипулятивным и другие. Попытки оправдать низкое качество результатов обучения посредством апелляции к языковому барьеру или низкому уровню языковой компетенции студентов («они ничего не понимают и не могут понять»), равно как и к низкой мотивации («они все

прекрасно понимают, только ничего не хотят делать») – бесперспективны в плане решения образовательных задач. Необходим более глубокий анализ, который должен опираться на этнопсихологические закономерности межкультурной коммуникации [1].

На наш взгляд, исходной предпосылкой указанных выше трудностей являются как низкий уровень межкультурной компетентности преподавателя, так и объективные трудности переключения преподавателя на межкультурную образовательную коммуникацию с приемлемыми для представителей различных культур методами и формами. Так, методы активизации познавательной деятельности, широко используемые в российской образовательной практике в том числе на лекционных занятиях, вызывают недоумение у представителей ряда других культур, ориентированных на то, что преподаватель задает вопросы только в ситуации оценки знаний, а не их предъявления. С другой стороны, ожидание иноязычных студентов «свободного» стиля общения в российском вузе приводит российских преподавателей в замешательство и воспринимается как хамство.

Концепция культурных измерений в данном случае легко позволяет объяснить возникшие недоразумения, являясь теоретической основой для предупреждения конфликтных ситуаций.

Знакомство с теоретическими доводами Г. Хофстеде, тем не менее, вызывает вопросы эмпирического порядка. Во-первых, действительно ли так велика роль этих культурных измерений в текущем учебном процессе? Во-вторых, насколько соответствуют действительности текущие индексы Г. Хофстеде в отношении российской культуры? В-третьих, насколько велики различия по культурным измерениям между студентами?

Ответам на данные вопросы было посвящено наше эмпирическое исследование, которое в 2023 году было включено в проект «Разработка механизма формирования социокультурной компетенции инофонов в системе общего и высшего образования в контексте современных вызовов».

Говоря про проблемы культурных различий и их значения в образовательном процессе, стоит подчеркнуть, что уже на интуитивном уровне российские преподаватели чувствуют, что игнорирование культурных различий создает проблемы в обучении студентов-инофонов даже из ближнего зарубежья. Другой вопрос заключается в отсутствии у педагогов даже минимального количества знаний об этих различиях, способах их вербализации и фиксации в силу объективной невозможности для понимания их содержания.

Ответы на второй вопрос были получены в ходе анализа результатов исследования студентов ВГСПУ – магистрантов педагогических направлений подготовки (n=150) при помощи методики «Модуль исследования ценностей – 1994» [2].

Полученные нами данные показали соответствие с данными Г.Хофстеде лишь по индексу Интолерантности к неопределенности – 95 (95 у Хофстеде) [3]. Остальные результаты не совпадают. Так по показателю Дистанция власти наши данные – 61 (93), Индивидуализм – 59 (39), Маскулинность – 59 (с очень высоким разбросом данных) (36), Долговременная ориентация 23 (81). Сами по себе выявленные различия с данными Хофстеде требуют определенного размышления и, на наш взгляд, плодотворны для анализа текущих устремлений российской молодежи.

Наконец, ответить на третий вопрос помогли данные, полученные при обследовании студентов-инофонов, которые проходили обучение в ВГСПУ по аналогичным программам подготовки (n=45). Большинство выборки инофонов-студентов составили представители КНР, кроме того, в нее вошли примерно в равных пропорциях студенты из Турции, республик Средней Азии, а также Кореи. С одной стороны, они имеют черты сходства с российскими: высокий показатель Интолерантности к неопределенности, похожий – немного выше среднего – (63) по шкале Индивидуализма. Показатели по шкале Маскулинности также оказались сильно разбросанными, а шкала Долговременной ориентации показала 47 баллов.

С другой стороны, показатель Дистанции власти намного ниже (22), чем у российских студентов. Этим можно объяснить легкость сближения дистанции в общении студентами-инофонами, в частности, из Китая, до такой степени, которая считается недопустимой российскими преподавателями. Подчеркнутость своего высокого статуса, разговоры «свысока», высказывание требований к выполнению учебных заданий в форме прямых (вербально) и косвенных (невербально) угроз, частые негативные оценки – типичные формы поведения для тактики стрессового воздействия по отношению к российским студентам, студентами-инофонами интерпретируются как «потеря лица» преподавателем с вытекающими отсюда последствиями в виде возникновения непреодолимого «смыслового барьера» и прекращения собственно учебного взаимодействия.

В целом стоит отметить, что для повышения качества обучения преподавателю российского вуза стоит выстраивать процесс взаимодействия со студентами-инофонами, опираясь на знания этнопсихологических различий. Кроме того, необходима особая чувствительность и проницательность в отношении используемых инофоном коммуникативных стратегий, обусловленных, в том числе, этнопсихологическими феноменами, зафиксированными в концепте культурных измерений.

Исследование выполнено по проекту «Разработка механизма формирования социокультурной компетенции инофонов в системе общего и высшего образования в контексте современных вызовов», который реализуется при финансовой поддержке Министерства просвещения РФ в рамках государственного задания на проведение фундаментальных и прикладных научных исследований.

Литература

1. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2014.
2. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии. М., 2011.
3. COUNTRY COMPARISON TOOL [Электронный ресурс] / URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison-tool?countries=russia> (дата обращения: 20.08.2023).

Идеальный образ женщины в современном российском обществе

Трофимова Д.В., Кривцова А.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
doropesh@bk.ru, KrivcovaAS@mgppu.ru,

Понятие образа – одно из ведущих в плане познания окружающей действительности. Женский образ, в данном контексте, является одним из основных инструментов гендерной социализации. В социальном и культурном аспектах образ женщины часто предстает нераздельным от стереотипов гендерных ролей, что само по себе может нести потенциально неблагоприятное влияние на жизненные притязания и достижения женщин, по мнению некоторых исследователей [3]. В частности, по мнению Г. Олпорта «люди, являющиеся жертвами предрассудков, обычно развивают в себе именно те качества, которые соответствуют этим предрассудкам» [4]. Например, женщины, ориентированные на традиционные нормы, часто сталкиваются с ролевым конфликтом ввиду нехватки физического ресурса для совмещения нескольких ролей: традиционных матери, жены и хозяйки и роли работающей женщины.

За последние десятилетия в науке было проведено большое количество исследований, ставящих своей целью изучение образа женщины, представлений о женщине. Проведенные исследования XX века показали, что существуют психологические отличия у женщин по способу восприятия мира, социальной адаптации, эмоциональной реакции, способностям и талантам. Образы женщин рассматриваются на основе исторического материала, литературных, религиозных и мифологических источников, СМИ, их изменение отслеживается в связи с политическим, культурным и социальным контекстом времени.

Актуальность исследования обусловлена практической необходимостью выявить современное представление об образе российской женщины среди соотечественниц.

Целью исследования является изучение представлений современных российских женщин об идеальном образе женщины.

Объект исследования: образ женщины в современном российском обществе.

Предмет исследования: содержание представлений современных российских женщин об образе женщины.

В качестве теоретического обоснования была взята теория гендерных отношений И.С. Клециной [2; 3].

Методиками исследования были выбраны: модифицированная анкета И.С. Клециной «Качества мужчин и женщин» (была использована часть опросника, посвященная женщинам), исследовался вопрос «Какой должна быть женщина?»

В исследовании приняли участие 74 женщины от 18 до 78 лет, идентифицирующие себя как русские и проживающие на территории России, имеющие различный семейный статус (замужем, в разводе, не замужем, в сожительстве с постоянным партнером, вдова), 44 в отношениях с мужчинами, 30 не в отношениях, обладающие различным уровнем образования (среднее, среднее

специальное, неоконченное высшее, высшее). Исследование проводилось методом интернет-опроса с помощью онлайн-анкетирования. Опрос проводился на базе платформы Google Forms в 2023г.

Для обработки ответов нами был использован метод контент-анализа. Для контент-анализа нами был разработан категориальный аппарат, который соответствует цели и задачам данного исследования.

Ответы респонденток, в результате которых была выделена подкатегория «Отсутствие ожиданий» указывают на продолжающийся в обществе процесс перемен. Современным женщинам доступно право выбора жизненного пути. Неспроста следующими по значимости характеристиками образа идеальной женщины обозначены автономность (т.е., независимость, в т.ч. экономическая) и воля (т.е., активное преодоление трудностей). Однако, стоит отметить, что обратная сторона характеристик, включенных в подкатегорию «Отсутствие ожиданий» – некоторая маргинальность образа женщины, что, в то же время, является естественной утратой прежнего статуса и ценностных ориентаций в меняющемся обществе [1].

Это отчасти подкрепляется теми представлениями женщин, что были выделены в подкатегорию «Идентификация с традиционными семейными ролями».

Общественная нестабильность объясняет зарождающийся интерес к самоидентификации состоящих в отношениях с партнером женщин с классическими ролями жены и матери.

Риск такого рода идентификаций заключается в опасности развития межличностной созависимости и размытия личностных границ, в результате чего женщина будет воспринимать свою идентичность исключительно через свой семейный статус и формировать, согласно данному убеждению, свои жизненные сценарии, пренебрегая психологическим благополучием. Особенно, учитывая тот факт, что подкатегория «Идентификация с традиционными семейными ролями» во всех ответах идет строго совместно с подкатегорией, означающей самоотдачу.

В процессе проведения сравнения понимания современными российскими женщинами образа женщины в зависимости от семейного отношения респонденток (состоящих и не состоящих в отношениях с партнером) были выявлены и описаны различия, заключающиеся в разном представлении образа женщины у женщин, не находящихся в отношениях с партнером и у женщин, находящихся в отношениях с партнером. Основными характеристиками идеального образа женщины у женщин, не находящихся в отношениях с партнером, являются свобода выбора, автономность и активная воля. У женщин, находящихся в отношениях с партнером, ключевых характеристик, предъявляемых к образу идеальной женщины, больше: свобода воли, самоотдача, автономность, интеллект, эмоциональность.

Различия такого рода могут быть обусловлены влиянием гендерных отношений на микроуровне, т.е. непосредственно зарождаются в процессе отношений с партнером, и отражают обобщенное представление об образе идеальной женщины и самой женщины, и ее партнера.

У женщин, находящихся в отношениях с партнером, высокое соотношение в образе идеальной женщины характеристик, описанных в подкатегориях «Автономность» и «Самоотдача». Автономность указывает на независимость, самостоятельность в плане получения ресурсов женщиной, а самоот-

дача – на необходимость быть источником ресурса для окружения. Попытка следовать в реальной жизни такому нормативному образцу поведения будет приводить к выгоранию.

У женщин, не находящихся в отношениях с партнером, образ идеальной женщины охарактеризован как эмоционально сдержанный. Данная характеристика может быть связана с относительно высоким волевым компонентом, но попытка следовать в реальной жизни такому нормативному образцу поведения может иметь негативные последствия в виде неврозов и психосоматических заболеваний.

Исследование данной темы предполагается продолжить в дальнейшем в следующем контексте: изучить особенности представлений об идеальном образе женщины у мужчин, а также на макро-, мезо- и микроуровнях. Данное исследование поможет в разработке программ психотерапевтической поддержки для предотвращения личностного выгорания, предотвращения затяжного кризиса идентичности; в решении проблем в семейной терапии; в разработке рекомендаций для совершенствования государственной социальной политики.

Литература

1. Дедюлина М.А. Маргинальность современного бытия // Ценности и смыслы. 2010. №1 (4).
2. Клецина И.С. Психология гендерных отношений. автореф. дис. ... д-ра психол. наук РГПУ им. А.И. Герцена. СПб, 2004.
3. Клецина И.С. Теоретические основания психологии гендерных отношений // Известия РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. №6.
4. Рябова Т.Б. Гендерные стереотипы и гендерная стереотипизация: методологические подходы // Женщина в российском обществе, 2001. № 3–4.

Взаимосвязь уровня адаптации и психологического благополучия студентов из Индии, обучающихся в России

Троянская А.И.

ФГБОУ ВО УдГУ, Ижевск, Россия
atroyanskaya@mail.ru

В настоящее время вопреки опасениям снижения уровня международных контактов, приток иностранных студентов в высшие учебные заведения России сохраняется. Причем это касается не только крупнейших столичных вузов, но и академических центров в регионах.

Ижевская государственная медицинская академия Минздрава России ежегодно принимает возрастающее количество студентов иностранных государств. Лидирующее количество приезжает из Индии, Узбекистана, Пакистана.

Перечисленные страны относятся к так называемым далеким от России культурам, если применять терминологию теории культурной дистанции С. Бочнера [2]. Разумеется, студенты, как и большинство иностранных обучающихся, сталкиваются с задачами адаптации – культурной, психологической, академической. Для представителей культур, находящихся на далекой ди-

станции от культуры принимающей страны, адаптация может вызывать существенные затруднения. Переживание проблем адаптации сопровождается негативными эмоциями, чувством разочарования, неудовлетворенностью. Это с большой долей вероятности сказывается на психологическом благополучии личности.

В предпринятом исследовании стояла задача рассмотреть взаимосвязь уровня адаптации и психологического благополучия иностранных студентов, находящихся на обучении в России. В исследовании участвовали 38 студентов, среди которых 29 мужчин и 9 женщин, из Индии и Пакистана, обучающиеся на лечебном факультете Ижевской государственной медицинской академии Минздрава России. Применяемые методы: опросник исследования адаптации иностранных студентов (Горбунова Е.В., Янковский Л.В.) [1], шкала субъективного благополучия (Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.) [4], методы описательной статистики, метод ранговой корреляции Ч.Спирмена. Данные были собраны с участием иностранных студентов: Йадав П.Р., Сингх А. [3], Гандхи А.А., Мултани М.А.С., Саксена Ш., Жатин Р., Джагендра Р.

Адаптация в широком смысле – это процесс приспособления любого организма к изменившейся среде. В ситуации адаптации иностранных студентов прежде всего имеется в виду приспособление к условиям новой образовательной среды [2]. Такое приспособление может включать различные типы адаптации: культурная, академическая, психологическая, коммуникативная, социальная, адаптация к бытовым условиям [1].

Психологическое благополучие личности давно применяется среди критериев определения здоровья, в частности всемирной организацией здравоохранения. Субъективное психологическое благополучие предполагает несколько составляющих слоев. От очень понятного на обыденном уровне преобладания положительных эмоций над отрицательными, а также удовлетворенность жизнью, которая отвечает собственным внутренним стандартам личности, ее представлениям о целях. И наконец психологическое благополучие включает социально желательные качества, соответствующие внешним нормам добродетельной жизни в определенной системе культурных ценностей [4].

Вероятно, с достижением устойчивой адаптации личности возрастает и количество положительных эмоций, и удовлетворенность жизнью.

Студенты в исследуемой нами выборке к концу первого курса достигли следующих уровней адаптации: средний уровень – 38%, высокий уровень – 62%, примечательно, что низкий уровень не был выявлен. Рассматривая отдельные типы адаптации, получено следующее распределение уровней. Адаптация к условиям обучения в академии: низкий уровень – 5%, средний уровень – 51%, высокий уровень – 44%. Психологическая адаптация: низкий уровень – 10%, средний уровень – 56%, высокий уровень – 34%. Бытовая адаптация: низкий уровень – 0%, средний уровень – 10%, высокий уровень – 90%. Наиболее высокие показатели бытовой адаптации связаны с комфортными условиями проживания, предоставленными студентам академией, высоким уровнем обеспечения безопасности, а также кураторского сопровождения [3]. Студенты знают, к кому и в каком случае они могут обратиться за помощью. Некоторые проблемы с адаптацией к учебному процессу связаны со сложностью вникнуть в материал, воспринимая его на слух на лекции. Необходимо учитывать, что обучение проходит на иностранном языке и программа первого курса в медицинском вузе

предполагает усвоение огромного количества специальной терминологии. Также не все ожидания студентов от обучения оправдались. Наибольшее количество недостаточно адаптированных студентов имеют затруднения с психологической адаптацией. Далеко не все испытывают удовольствие от повседневной деятельности, а также ощущают себя частью коллектива.

Показатель психологического благополучия обнаружил следующее распределение: низкий уровень – 0%, ниже среднего – 10%, средний – 10%, выше среднего – 60%, высокий – 20%. Наиболее высокие показатели были достигнуты по шкалам: значимость социального окружения, отсутствие резких изменений настроения, самооценка здоровья. Шкалы, обнаружившие наиболее низкие значения: нормализация напряженности и чувствительности, отсутствие выраженной психоэмоциональной симптоматики, удовлетворенность повседневной деятельностью.

Была обнаружена взаимосвязь изменения уровня адаптации и психологического благополучия $r=0,48$, $p<0,01$. А также взаимосвязь уровня адаптации и отдельных составляющих благополучия: самооценка здоровья $r=0,49$, $p<0,01$, значимость социального окружения $r=0,36$, $p<0,05$. Таким образом иностранные студенты с более высоким уровнем адаптации чаще имеют хороший сон, субъективное ощущение здоровья и бодрости тела, осведомлены и используют контакты при необходимости обратиться за помощью, реже испытывают чувство одиночества, придают значение удовольствию, получаемому от общения с друзьями и семьей.

В открытых вопросах интервью о сложностях, возникающих при обучении в России, студенты из Индии отмечали некоторые проблемы со здоровьем, которые возникают из-за резкой разницы климата. Дискомфорт вызывает отсутствие меню для веганов, опыта самостоятельного приготовления специфической веганской пищи. Трудно дается жизнь отдельно от семьи, как в эмоциональном, так и в бытовом плане, молодые люди имели очень ограниченный опыт самостоятельной уборки и приготовления пищи.

Формулируя рекомендации, необходимо отметить, что академия проводит плановые и дополнительные необходимые медосмотры студентов. Возможно, востребована более тщательная самостоятельная подготовка студента к поездке в плане контроля и коррекции состояния здоровья в условиях более холодного климата. Уместна спецификация ориентирующих подготовительных занятий, создание рекомендаций по подбору питания для особых диет, например, веганских. На этапе адаптации особенного внимания требуют слагаемые психологического благополучия – нормализация напряженности и чувствительности, снижение психоэмоциональной симптоматики, беспокойства, повышение удовлетворенности повседневной деятельностью, интереса к ней.

Литература

1. Горбунова Е.В. Адаптация студентов первого-третьего курсов бакалавриата/ специалитета к университетской жизни // Universitas. 2013. Т. 1. № 1. С. 48–64.
2. Рябиченко Т.А., Лебедева Н.М. Взаимная аккультурация мигрантов и принимающего населения в центральной России // Межкультурные отношения на постсоветском пространстве / Под общ. ред.: Н.М. Лебедевой. М.: Менеджер, 2017. С. 57–81.

3. *Троянская А.И., Йадав П.Р., Сингх А.* Адаптация индийских студентов в условиях обучения в медицинском вузе в России // Актуальные вопросы современного медицинского образования. Материалы 1 Международной научно-практической конференции. Ижевск, 2020. С. 260–261.
4. *Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002. С. 426–433.

Религиозная идентичность православной молодежи полиэтнического региона: ценностные основания и влияние на субъективное благополучие

Тучина О.Р., Посметюха Л.А.

ФГБОУ ВО КубГТУ, Краснодар, Россия
tuchena@yandex.ru; Posmetyukha95@mail.ru

Многочисленные современные исследования постоянно фиксируют в России рост числа верующих, значительную часть которых составляет молодежь, идентифицирующая себя с православной духовной и культурной традицией [3; 4]. Религиозная идентичность является разноплановым социальным феноменом, имеющим сложную структуру и, соответственно, детерминированным целым рядом социально-психологических факторов [2; 3; 6]. Краснодарский край, с одной стороны, является полиэтничным регионом, «перекрестком культур», на территории которого столетиями сосуществуют представители разных религиозных общностей. Соответственно, православные, особенно молодые люди, которые родились и выросли в данном регионе, испытывают непосредственное влияние представителей других культурных и духовных традиций, что определяет специфику их религиозной идентичности. С другой стороны, основная часть жителей Кубани идентифицирует себя как православных; кубанцы, согласно исследованиям, отличаются высоким уровнем религиозной идентичности, причем это характерно и для молодого поколения [7]. Таким образом, актуальной задачей становится исследование особенностей и ценностных оснований религиозной идентичности православной молодежи в поликультурном регионе, связь религиозной идентичности с другими видами социальной идентичности, ее влияние на субъективное благополучие.

Методы и выборка исследования. В пилотажном исследовании приняли участие 84 человека от 17 до 24 лет, студенты г. Краснодара, идентифицирующие себя как православные и русские.

Для исследования идентичностей применялись шкалы из опросника международного проекта «Взаимные межкультурные отношения в плюралистических обществах» (MIRIPS), адаптированные на российской выборке: этническая идентичность (Альфа Кронбаха 0,846); гражданская идентичность (Альфа Кронбаха 0,891); религиозная идентичность (Альфа Кронбаха 0,959), региональная идентичность (Альфа Кронбаха 0,961); для измерения ценностей использована русская версия опросника Ш. Шварца PVQ-R [8]; шкала психологического благополучия К. Рифф [1]. Обработка результатов была проведена

при помощи корреляционного анализа, регрессионного анализа (метод обратных шагов).

Результаты. При использовании регрессионного анализа методом обратных шагов ($R^2 = 0,42$, $F = 31,08$, $p \leq 0,001$), мы выявили ценности, влияющие на выраженность православной религиозной идентичности молодежи Краснодарского края. Положительно влияют на религиозную идентичность ценности «традиция» ($b=0,503$, $p \leq 0,001$) и «благожелательность – забота» (преданность группе и благополучие ее членов) ($b=0,250$, $p=0,01$). Влияние ценности традиции на выраженность религиозной идентичности зафиксировано в целом ряде исследований [3; 4; 6; 7]. Исследователи выявили, что для православной молодежи принадлежность к религиозной группе важна, но не доминирует, ведущим является внутренний компонент христианской религиозности, «отражающий содержание веры как личные отношения с Богом» [2; с. 101]. Влияние на выраженность религиозной идентичности в кубанской выборке ценности «благожелательность – забота» позволяет рассмотреть принадлежность к группе «своих» как одно из ценностных оснований религиозной идентичности. В этом, видимо, проявляется региональная специфика, поскольку православие исторически было способом сохранения культурной идентичности казаков и инструментом культурного влияния. И в настоящее время для молодежи принадлежность к православным рассматривается как способ защиты культурной идентичности и самоутверждение в поликультурной среде [7].

Сравнение результатов выраженности этнической, региональной, национальной и религиозной идентичности молодежи Кубани показало достаточно высокий уровень выраженности этнической и национальной идентичности (4,3 и 4,22) и средний уровень выраженности региональной и религиозной идентичности (3,8 и 3,6), что в основном соответствует результатам предыдущих исследований [7]. Корреляционный анализ выраженности этнической, региональной, национальной и религиозной идентичности кубанской молодежи показал тесную связь ($p \leq 0,001$) всех исследуемых видов социальной идентичности. Это согласуется с данными исследований, согласно которым «позитивные эмоции, возникающие по факту принадлежности к православным, оказывают существенное влияние на значимость своей этнической/национальной группы и связанное с этим ощущение гордости» [5, с. 71].

Затем был проведен регрессионный анализ методом обратных шагов с целью выявить влияние выраженности социальных идентичностей на психологическое благополучие молодежи. Результаты анализа ($R^2 = 0,14$, $F = 2,08$, $p \leq 0,01$) показали, что из всех исследуемых видов социальной идентичности только выраженность религиозной идентичности значимо влияет на психологическое благополучие молодежи ($b=0,227$, $p=0,01$). Соответственно, религиозная идентичность вносит значимый вклад в субъективное благополучие православной молодежи Кубани и, предположительно, может влиять на жизненные стратегии молодых людей.

Дальнейшее исследование предполагает выявление влияния религиозной идентичности жителей Кубани на социальную активность и репродуктивные установки.

Исследование проведено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ «Зеркальные лаборатории», проект «Социально-

психологические факторы психологического благополучия: кросс-региональный анализ» (2022–2025 гг.).

Литература

1. Жуковская Л.В. Трошихина Е.Г. Шкала психологического благополучия. К. Рифф // Психологический журнал, 2011. Т. 32. № 2.
2. Рыжова С.В., Хухлаев О.Е., Гриценко В.В., Константинов В.В. Структура религиозной идентичности современной православной молодежи // Психологический журнал, 2018. Т. 39. № 4.
3. Селиверстова Н.А., Zubok Ю.А. Религиозная идентичность в смысловой саморегуляции молодежи // Научный результат. Социология и управление, 2023. Т. 9. № 2.
4. Сикевич З.В., Федорова А.А., Поссель Ю.А. К проблеме религиозной идентичности русских // Религиоведение, 2022. № 4.
5. Хухлаев О.Е., Александрова Е.А., Гриценко В.В., Константинов В.В., Кузнецов И.М., Павлова О.С., Рыжова С.В., Шорохова В.А. Идентификация с религиозной группой и этнонациональные установки буддистской, мусульманской и православной молодежи // Культурно-историческая психология, 2019. Т. 15. № 3.
6. Хухлаев О.Е., Шорохова В.А. Социально-психологическое исследование религиозной идентичности у православной молодежи // Социальная психология и общество, 2016. Т. 7. № 2.
7. Ценности, идентичности и межкультурные отношения в России: кросс-региональный анализ / под ред. В.Н. Галяпиной, Н.М. Лебедевой, 2022. Краснодар: Изд-во КубГТУ.
8. Шварц, Ш. Бутенко, Т.П. Седова, Д.С. Липатова, А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2012. Т. 9. № 1.

Особенности переживания стресса адаптации иностранцами студентами

Фомина Ю.И.

ФГБОУ ВО ТулГУ, Тула, Россия
yulia0514@yandex.ru

Согласно статистике Министерства образования и науки РФ ВУЗах нашей страны около 5% обучающихся – это иностранцы. Независимо от национальной принадлежности, начиная с момента прибытия в новую страну, они сталкиваются с рядом схожих трудностей, в связи с чем важное значение приобретает системное изучение межкультурной адаптации [2; 3; 5; 8]. Продолжительность и успешность данного процесса определяют разнообразные факторы, однако он сопровождается симптомами ухудшения физического, психического и психологического здоровья. Это создает значительный риск возникновения расстройств адаптации [1; 6; 9].

Целью исследования стал анализ стрессовых реакций у иностранных студентов с малым стажем проживания в России. Испытуемыми выступили 60

студентов (этнические группы Ближневосточной Азии, Дальнего и Ближнего Востока) в возрасте 19-21 года со сроком проживания в РФ до 5 лет. Предложенные респондентам методики: 1) Адаптация личности к новой социокультурной среде [7]; 2) Комплексная оценка проявлений стресса Ю.В. Щербатых [10]; 3) Гиссенский опросник соматических жалоб [4].

По результатам первой методики были выделены 2 подгруппы испытуемых. У дезадаптированных респондентов уровень приспособления низкий (6 баллов). Основная стратегия адаптации – депрессия. У адаптированных респондентов уровень приспособления средний, но с тенденцией к высокому (11 баллов). Основная стратегия адаптации – конформность.

По результатам второй методики в подгруппе дезадаптированных респондентов уровень стресса оказался достаточно высок: 40% испытуемых демонстрируют выраженный стресс (средний показатель – 22 балла); 33% респондентов – сильный стресс (средний показатель – 35 баллов); 27% выборки – умеренный стресс (средний показатель – 10 баллов). В подгруппе адаптированных респондентов 40% выборки характеризуются умеренным уровнем стресса (средний показатель – 8 баллов); 33% респондентов – низким уровнем стресса (средний показатель – 2 балла); 27% испытуемых – выраженным уровнем стресса (средний показатель – 15 баллов). С помощью U-критерия Манна-Уитни в подгруппах были обнаружены достоверные различия по уровню выраженности стресса ($U=254$ при $p \leq 0,01$).

По результатам третьей методики, на основе анализа психосоматических аспектов отдельных групп симптомов, в группе дезадаптированных студентов выявлены следующие тенденции:

- жалобы ЖКТ (средний показатель 22 балла) – в новой среде иностранцам довольно сложно сразу проявить и реализовать себя, поскольку переезд в новую страну актуализирует чувство потери чего-то очень значимого и важного для них в лице привычных условий и ритма жизни;
- шкала истощения (средний показатель 21 балл) – в новой культурной системе респондентам приходится усваивать и реализовывать совершенно иные, непривычные формы поведения, что приводит к излишним энергетическим затратам;
- болевые ощущения (средний показатель 20 баллов) – пребывания в другой стране заставляет иностранцев быть более сдержанными в своем поведении, поскольку оно не всегда оказывается соответствующим требованиям и нормам титульного этноса, что создает ситуацию напряжения и невозможности полностью расслабиться;
- сердечные жалобы (средний показатель 16 баллов) – в новой стране пребывания испытуемые склонны, чаще всего, подавлять возникающие агрессивные или враждебные импульсы, вследствие чего они могут вести себя не так, как они привыкли обычно;
- шкала давления (интенсивности) жалоб (средний показатель 77 баллов) – ситуация переезда выступает сильным стрессовым фактором, который для респондентов пока носит хронический характер.

В группе адаптированных студентов шкалы выраженности отдельных групп жалоб сохраняют свою последовательность, но интенсивность всех показателей более низкая: шкала жалоб ЖКТ (средний показатель 15 баллов); шкала истощения (средний показатель 12 баллов); шкала болевых ощущений (средний показатель 10 баллов); шкала сердечных жалоб (средний показатель 8 баллов); шкала давления (интенсивности) жалоб (средний показатель 45 баллов). Таким образом, также можно отметить наличие психосоматической симптоматики, сопровождающей протекание адаптационных процессов.

С помощью U-критерия Манна-Уитни в подгруппах были обнаружены достоверные различия по всем шкалам: жалобы ЖКТ ($U=234$ при $p \leq 0,01$); шкала истощения ($U=218$ при $p \leq 0,01$); болевые ощущения ($U=242$ при $p \leq 0,01$); сердечные жалобы ($U=224$ при $p \leq 0,01$); шкала давления (интенсивности) жалоб ($U=238$ при $p \leq 0,01$).

Таким образом, можно отметить, что в обеих подгруппах присутствуют признаки стресса адаптации, реакции на который можно объяснить незначительным временем проживания в другой стране, что пока не позволяет полностью соответствовать правилам и нормам этой страны.

Литература

1. Акарачкова Е.С., Котова О.В., Вершинина С.В., Рябоконе И.В. Стресс и расстройства адаптации // Лечащий врач. 2014. №6.
2. Ахтариева Р.Ф., Шапирова Р.Р. Социокультурная адаптация иностранных студентов при обучении в ВУЗе // Современный ученый. 2021. № 6.
3. Будашина Е.Е. Психологическая адаптация к иной социокультурной среде: дис. ... канд. психол. н. Ижевск, 2004.
4. Карвасарский Б.Д. Клиническая психология. СПб, 2004.
5. Кошелева Е.Ю., Алхалди А.М.А. Иностраный студент и вуз: практики социокультурной адаптации // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2020. № 1.
6. Международная классификация болезней МКБ-11 [Электронный ресурс] / URL: <https://icd11.ru/> (дата обращения: 20.08.2023).
7. Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология. СПб, 2012.
8. Психологическая адаптация и психологическое здоровье человека в осложнённых условиях жизненной среды: коллективная монография / Н.М.Сараева и др. М., 2011.
9. Психотерапия / под ред. А.В. Васильевой, Т.А. Караваевой, Н.Г. Незнанова. М., 2022.
10. Щербатых Ю.В. Психология стресса и методы коррекции. СПб, 2006.

Межкультурная осведомленность при обучении курсантов иностранному языку

Фридерикс А.В.

ФВА РВСН, г. Серпухов, Россия
frideiksaleksandr@mail.ru

В карьере большинства преподавателей, в том числе и военных вузов, наступает момент, когда не перестаешь задаваться вопросом: «А что я на самом деле делаю?». Иногда кажется, что ознакомление курсантов со всей необходимой грамматикой и словарным лексическим запасом, а также шлифовка их произношения и оттачивание коммуникативных навыков, направленных на межкультурное взаимодействие в будущей деятельности на военной службе, на практике не способствует приближению к более желанной цели – выходу за пределы кафедры «Иностранных языков» и применения универсальных коммуникативных компетенций, чтобы в реальных условиях осуществлять плодотворное общение как для достижения профессиональных целей, так и на бытовом уровне. Слишком долгое сосредоточение на структурах и формах учебных материалов, электронных учебных пособиях [2],

которые могут помочь курсантам в совершенстве владеть дифтонгами или правильно использовать условные предложения третьего типа, упуская при этом все то, что приближалось бы к реальному, достоверному, значимому содержанию, не приводит к настоящему успеху в обучении.

Если серьезно задаваться целью достижения истинного понимания и всестороннего общения при обучении курсантов английскому языку, чтобы была реальная надежда использовать свои иноязычные навыки в будущей профессии, то стоит развивать межкультурную информированность, так как она несомненно оказывает огромное влияние на формирование универсальных компетенций.

Несомненно, сложный глубокий процесс лежит в основе межкультурной информированности – это и осознание своей родной культуры, понимание ее характерных черт, а также взаимосвязь и разность с иными культурами. Достижение взаимопонимания, становление терпимости являются целями межкультурного обучения – это прочный фундамент международных отношений и залог успешности диалога культур, особенно это важно, если речь идет о коммуникации в военной сфере.

Межкультурное обучение встречается в различных формах, поэтому, это не просто часть изучения дисциплины «иностранный язык» (английский язык), оно как связующее вещество проникает посредством межпредметных, межличностных связей во все области образовательного процесса. Так, например, в ФВА РВСН каждый преподаватель как «современный педагог работает в условиях взаимодействия культур разных этносов» [3, 233]. А каждый курсант военного вуза, в свою очередь, сталкивается с трудностями привыкания к новой социальной роли, к изменению круга и содержания общения, усвоение норм и традиций, сложившихся в военном вузе, а также появляется потребность в самоутверждении в формирующемся поликультурном коллективе, так как обычно в военных вузах существует тенденция набора обучающихся со всей многонациональной Российской Федерации и, даже, стран ближнего зарубежья.

Что же понимается под словом «культура» в данном контексте? Социальные практики, стиль и образ жизни, убеждения, родная и общая история в рамках всего человечества, кроме того, спектр общих переживаний, присущих отдельно взятому народу. Культура может объединять страны, охватывать целые регионы или национальности. Культура может отражает приверженность конкретной религии или поддерживать многоконфессиональность конкретной страны. Вполне возможно принадлежать к нескольким культурам или отождествлять себя с ними.

Так, например, великий русский ученый, педагог и наставник К. Д. Ушинский утверждал: «Каждый народ имеет свой особенный идеал человека и требует от своего воспитания воспроизведения этого идеала в отдельных личностях... Этот идеал отражает в себе характер самого народа и развивается вместе с его развитием» [1, с. 122–123].

Межкультурная осведомленность при изучении языка часто рассматривается как «пятый навык» после чтения, письма, аудирования и разговорной речи и характеризуется способностью осознавать культурную относительность. Лингвист Клэр Крамш в своих исследованиях передает такую мысль, что если язык относится к социальной практике, а культура становится самой сутью преподавания языка, то, в таком случае, культурная осведомленность должна рассматриваться как фактор, способствующий владению языком, а не идущий как приложение, пятый навык [4]. На наш взгляд, межкультурную осведомленность лучше рассматривать как компетенцию.

Каковы тогда установки и навыки, составляющие компетенцию? Среди них можно выделить следующие: наблюдение, идентификация и распознавание; сравнение и противопоставление; значение переговоров; двусмысленность или её допущение; эффективная интерпретация сообщений; ограничение возможности неправильного толкования; отстаивание собственной точки зрения при одновременном признании легитимности других; принятие разницы.

Несмотря на тот факт, что компетенция – это нечто большее, чем просто совокупность знаний, – навыки межкультурной осведомленности можно развить, разрабатывая материалы, содержание которых включает культурные и межкультурные темы. Примером межкультурного обмена информацией внутри многонационального коллектива курсантов военного вуза могут быть подготовка сообщений на английском языке на тему: «My native town» («Мой родной город»), «Traditions of the homeland» («Традиции родного края») и др. Кроме того, ознакомление с культурой Великобритании не должно ограничиваться лишь кратким обзором темы «British Traditions and Customs» («Британские традиции и обычаи»), необходимы более глубокие акценты, например, на английском юморе, современных английских тенденциях в кулинарии, семейных отношениях и, конечно, политической повестки англоговорящих стран.

В заключение стоит отметить, что межкультурное обучение дает преподавателю роль воспитателя и наставника. Это заставляет многих педагогов чувствовать себя некомфортно, прежде всего из-за мысли о том, что мы, возможно, каким-то образом влияем на наших курсантов. Несем ли мы ответственность за передачу какой-то идеологии обучающимся? На наш взгляд, – нет, потому что мы помогаем молодым людям лучше осознавать окружающий мир и лучше взаимодействовать с этим миром, а это чуть ли ни важнейшая роль педагога.

Литература

1. *Ушинский К.Д.* Человек как предмет воспитания. М.: Просвещение, 1946. 346 с.
2. *Фридерикс А.В.* Электронное учебное пособие как средство формирования коммуникативной компетенции у курсантов военной образовательной организации высшего образования на основе интегративного подхода при изучении иностранного языка // Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: Материалы межд. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 303–307.
3. *Харитоновна Ф.П.* Поликультурное педагогическое образование в контексте этнопедагогической компетентности педагога // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2012. № 3 (75).
4. *Kramsch C.* Context and Culture in Language Teaching Oxford: Oxford University Press, 1993, 290 p.

Культурно-сензитивное консультирование в повышении ресурсов социально-психологической адаптации

Фролова С.В., Троянова А.В.
ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»,
Саратов, Россия
Frolovasv71@mail.ru

Одними из главных критериев психического здоровья являются функционирование процессов социализации, идентификации и социально-психологической адаптации. Все эти личностно-психологические процессы связаны с успешностью социокультурного развития личности. Определенными внешними сложностями на пути становления личности могут выступать неопределенность и динамически меняющиеся условия, диктуемые современными экономическими, политическими и социокультурными процессами, оказывающими влияние на формирование ценностей и психологической устойчивости личности.

Ранее нами были выделены и проанализированы с точки зрения возможных рисков социально-психологической адаптации 10 типов социокультурной направленности личности [5]. В основу предложенной классификации была положена система психологических отношений личности к традициям и инновациям, характерным для культур макросоциальных интрупп и аутгрупп. Одним из важнейших теоретико-методологических оснований для построения данной системы классификации послужила теория психологических отношений личности В.Н. Мясищева [3] и анализ ее научного потенциала А.Л. Журавлева и В.П. Познякова [2].

Для решения различного рода сложностей, связанных с социально-психологической адаптацией у представителей разных типов социокультурной направленности была разработана модель культурно-сензитивного, личностно ориентированного консультирования (КСЛОК), опирающаяся на теоретико-методологические идеи школы патогенетического подхода в психотерапии [1, с. 201–222], теорию логотерапии [4], принципы позитивного психологического консультирования [6]. КСЛОК учитывает психологическое отношение личности к различным аспектам культуры социальных общностей стран рождения, проживания и находящихся далеко за пределами географической включенности субъекта. Целью КСЛОК является создание психологически благоприятных условий для осознания личностью адаптационного потенциала ее психологического отношения к разным социокультурным общностям и его использования в регуляции субъективного благополучия и творческой самоактуализации. К одним из главных задач КСЛОК относятся рефлексия возможностей интегрирования личности в ее реальную социокультурную среду; расширение жизненной картины мира, переосмысление ограничивающих жизненную самореализацию социокультурных стереотипов и установок; трансформация деструктивного антагонистического отношения личности к ее окружающей социокультурной среде в более гармоничное и конструктивное построение вариантов и сценариев будущих перспектив в пределах своей социокультурной общности. В качестве основных методов КСЛОК выступают логотерапевтическая беседа, психотехники анализа когнитивных ошибок при вос-

приятию различных социокультурных объектов; метод значащего переживания культурно специфических образов; архетипическая психодрама и культурно специфичная социодрама; тренинг культурно-сензитивных и социокультурно интегрирующих навыков.

Для изучения рисков социально-психологической адаптации представителей разных типов социокультурной направленности личности и возможностей в совладании с ними при помощи модели КСЛОК нами было предпринято комплексное многоэтапное эмпирическое исследование. В качестве психодиагностического инструментария использовались психологическая анкета С.В. Фроловой для определения типа социокультурной направленности личности, тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, методики «Краткий индекс самоактуализации» (А. Джоунс и Р. Крэндалл), «Определение состояния фрустрации» (В.В. Бойко), «Диагностика иррациональных установок» (А. Эллис), тест Дж. Гилфорда «Социальный интеллект», методики диагностики помех в установлении эмоциональных контактов В.В. Бойко и оценки психического состояния Л.А. Курганского и Т.А. Немчина. В исследовании приняли участие 90 человек в возрасте от 17 до 54 лет.

Исследование показало, что самыми уязвимыми в ходе социально-психологической адаптации к развитию внутренних психических аномалий и возникновению различных сложностей в разных социальных сферах становятся представители глобально индифферентного типа социокультурной направленности. Для них характерно безразличное отношение к сохранению традиций как в интрагрупповых, так и в аутгрупповых культурах, а также отсутствие интереса к развитию в них инноваций. Индифферентное отношение к социокультурным процессам создает риски для потери связи с исторической памятью и включенности в новые общественные преобразования, что не может не сказываться на переживаниях проблем самоактуализации и благополучия самой личности, поскольку нарушает построение ее гармоничной идентичности и системы значимых социальных отношений.

Было установлено, что социокультурная индифферентность напрямую достоверно связана со слабо выраженными навыками социального, межличностного интеллекта ($p \leq 0,01$), низким уровнем эмоциональной стабильности ($p \leq 0,01$), ослаблением самоконтроля ($p \leq 0,01$), повышением уровня фрустрации ($p \leq 0,01$), нацеленностью на «жизнь сегодняшним днем» ($p \leq 0,01$) и может приводить к аутизации, значительным проблемам для социальной адаптации и самореализации личности.

На следующем этапе эмпирического исследования представителям с повышенными рисками социально-психологической дезадаптации было предложено включиться в работу группы КСЛОК для развития культурной гибкости, навыков социокультурной коммуникации и саморегуляции, конструктивного совладания с внутренними и внешними конфликтами, актуализации ресурсов самореализации в гармонии с социокультурной средой. По завершению работы консультативной группы, продолжавшейся в течение четырех месяцев, участникам вновь было предложено пройти психодиагностические процедуры.

Сопоставление результатов входной и ретестовой психодиагностики при помощи t-критерия Стьюдента для связанных выборок позволило выявить характерные для участников консультативной группы значимые положительные изменения в сфере самоактуализации ($p \leq 0,01$), повышение фрустрационной толерантности ($p \leq 0,01$), снижение деструктивности ряда иррациональ-

ных установок в отношении себя и социального окружения ($p \leq 0,01$), появление нового желания сблизиться с людьми ($p \leq 0,01$), повышение гибкости и регулируемости эмоций ($p \leq 0,01$), снижение подавляющего действия негативных чувств ($p \leq 0,05$), уменьшение эмоциональных проблем в общении ($p \leq 0,01$). Участники групповых консультативных встреч в ходе рефлексии по итогам занятий отмечали положительные изменения в поведении, психическом состоянии и эмоциональных реакциях.

Подводя итоги, можно заключить, что снижение функции самоидентификации и социокультурной идентичности, социокультурная индифферентность значительно затрудняют социально-психологическую адаптацию личности. Использование КСЛОК может являться эффективным способом в работе с трудностями социокультурной идентификации, самореализации и актуализации психологических ресурсов в противостоянии воздействию различных факторов, дестабилизирующих психоэмоциональное состояние личности. Модель КСЛОК может оказаться особенно востребованной в работе с подрастающим поколением, учащейся молодежью, студентами, молодыми специалистами.

Литература

1. Александров А.А. Психотерапия: Учебное пособие. СПб., 2004.
2. Журавлёв А.Л., Позняков В.П. Значение работ В.Н. Мясищева для развития социальной психологии // Психологический журнал, 2018. Т. 39. № 5.
3. Мясищев В.Н. Психология отношений. М.; Воронеж, 2003.
4. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
5. Фролова С.В. Приверженность личности стране: социально-психологический анализ. Саратов, 2019.
6. Фролова С.В. Позитивное психологическое консультирование: теоретические начала и методологические основания // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика, 2021. Т. 21. Вып. 4.

Аутентичность: кросскультурный контекст

Халикова А.Б.

ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ», Москва, Россия
abkhalikova@edu.hse.ru

Аутентичность как феномен и научный концепт была выделена философами-экзистенциалистами и экзистенциальными психологами. С. Кьеркегор, родоначальник экзистенциальной философии, главным образом подчеркивал духовную составляющую человеческого бытия и способность к трансценденции. Говоря «экзистенция», он в первую очередь подчеркивал степень наполненности и согласованности человеческой жизни. Чуть позже Ф. Ницше отмечал важность ценности для наполненной экзистенции, которую называл «дионисийской интенсивностью».

М. Хайдеггер, в отличие от предшественников, выделял в качестве основной составляющей аутентичности способность к самоопределению и самодет-

терминации. Они, в свою очередь зарождаются в социокультурном контексте бытия личности.

Из представителей отечественной психологии, рассматривавших идеи личности и духовных ценностей, можно отметить Н.А. Бердяева, Л.И. Шестова, Н.О. Лосского. Они рассматривали и свободную волю человека, и непознаваемость сущности человека до конца, и разнополюсность личности и общества [2].

Существуют различные подходы к рассмотрению аутентичности. К. Роджерс определял ее как «полноценно функционирующая личность», Ф. Перлз – как «самость», Г. Олпорт делал акцент на «свободе» личности, а А. Маслоу на «самоактуализации». Американские психологи Дж. Гриндер и Р. Бэндлер определяли аутентичность через концепт «конгруэнтности», тогда как отечественные психологи Д.А. Леонтьев и С.Л. Рубенштейн – через идею жизнотворчества.

Э. Деси и Р. Райан определяют аутентичность как проявление организма в соответствии с внутренними потребностями. А. Вуд и коллеги говорят, что аутентичность проявляется через минимальную дельту между реальным опытом и осознанием, между внутренним опытом и поведением, т.е. через их согласованность.

По данным некоторых исследований аутентичность коррелирует с удовлетворенностью жизнью, самооценкой, положительными эмоциями, субъективным благополучием и удовлетворенностью автономией, а также психологическим благополучием [ссылка по 4]. При этом негативные эмоции, слабость характера и расстройства психики могут повлиять на снижение аутентичности [5]. Поскольку человек – существо социальное, на его эмоциональное состояние, ценности и убеждения способны влиять другие люди. Следовательно, возможна взаимосвязь аутентичности с социальным одобрением и признанием.

Целью исследования является определение характера различий выраженности аутентичности личностей, воспитанных в различных типах культур. Респондентами исследования являются женщины и мужчины от 18 до 35 лет, воспитанные в культуре Узбекистана (N=68) и России (N=81).

Показатели аутентичности измерялись с помощью двух методик: Инструмент для измерения аутентичности – Московская шкала аутентичности (МША) [6] и Краткая версия опросника аутентичности Керниса-Голдмана [3]. Использование двух методик для измерения феномена аутентичности объясняется большей культурной сензитивностью МОА, однако она является одношкальной и не позволяет измерить компоненты аутентичности. В связи с этим в исследование добавлена вторая методика, включающая помимо общего бала шкалы Осознанность, Непредвзятость, Поведение и Отношения.

Результаты эмпирического исследования. Данные, полученные в Московской шкале аутентичности и кратком опроснике аутентичности Керниса-Голдмана, имеют хороший показатель надежности и согласованности ($\alpha=0.726$; $\alpha=0.859$). По данным описательной статистики параметра аутентичность на общей выборке, наблюдается средняя выраженность ($M=3.76$; $Sd=0.73$) для результатов по Московской шкале аутентичности. Присутствуют значимо выраженные асимметрия и эксцесс по показателям аутентичности по обоим опросникам.

Сравнительный анализ выраженности аутентичности в зависимости от культурной принадлежности проводился непараметрическим критерием Манна-Уитни. По его результатам наблюдаются статистически значимые различия

в показателях Московской шкалы ($p=0.026$) аутентичности и шкалы Осознанность ($p=0.053$) краткого опросника Керниса-Голдмана. Отличия проявились в том, что в обоих упомянутых случаях респонденты русской культуры имеют более выраженные показатели нежели респонденты узбекской культуры: ($M_{рус}=82.1$; $M_{узб}=66.4$ для МОА; $M_{рус}=72.1$; $M_{узб}=59.3$ для шкалы Осознанность). То есть респонденты русской культуры больше, чем представители узбекской культуры удовлетворены местом и временем, в котором проживают, склонны принимать себя такими, какие они есть от природы, знают и следуют своему предназначению, принимают «ошибки» за проживание собственной жизни. Личности, воспитанные в русской культуре, в большей степени осознают и понимают свои чувства, способны им доверять, а также находятся в контакте со своими желаниями и мотивами, мыслями и чувствами.

Большая аутентичность и осознанность представителей русской культуры может быть объяснена ее индивидуалистической направленностью. Соответственно в процессе взросления Личность получает достаточно уважительного внимания, признания ценности и справедливого отношения к собственному Я, которое в дальнейшем формирует аутентичность. В Узбекистане, как представителе коллективистической страны, напротив, доминирует ценность общества. Однако мы наблюдаем отсутствие значимых различий ($p>0.05$) в аутентичном Поведении, Отношении и Непредвзятости, что может объясняться расширенным пониманием аутентичности не только как личностной черты, актуализирующей Я, но и отражающей интериоризованные извне ценности, которые как раз закладываются в личности как часть культурного кода.

Таким образом, мы можем констатировать, что выраженность аутентичности и ее некоторых параметров, варьируется в зависимости от типа культуры, в которой воспитана личность и ее содержания. А именно, индивидуалистическая направленность культуры способствует большему раскрытию аутентичности личности и ее осознанности.

Литература

1. *Кьеркегор С.* Страх и трепет / Пер. с дат. Изд. 2-ое дополненное и исправленное. М.: Культурная революция, 2010. 488 с.
2. *Лэнгле А.* Психология аутентичности. Ридер к учебной дисциплине. 2022. 167 с.
3. *Нартова-Бочавер С.К., Корнеев А.А., Резниченко С.И.* Краткая версия Опросника аутентичности Керниса-Голдмана: адаптация в России // Консультативная психология и психотерапия, 2022. Т. 30. № 3. С. 150–171.
4. *Çetin S., Çelik E.* Investigation of parents' authenticity levels in terms of need for social approval, self-liking, self-competence and some variables [Electronic resource] // Journal of Educational Leadership and Policy Studies, 2021. № 1. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1308521.pdf> (access date: 11.01.2023).
5. *Martens W.H.D.* A theoretical model of fragile authenticity structure // International journal of philisophical practice. 2005. Vol. 2 (3). P. 1–18.
6. *Nartova-Bochaver S., Reznichenko S., Maltby J.* The authenticity scale: validation in Russian culture // Frontiers in psychology, 2021. Vol. 13 (11). P. 609–617.

Автобиографические нарративы профессионального становления бурятских религиозных мастеров (шаманов и буддийских лам): нарративный анализ

Хантуев А.А.

ФГБОУ ВО ИГУ, г. Иркутск, Россия

khantuev.agvan@mail.ru

В данной работе осуществляется попытка взглянуть на религиозных мастеров восточной части России (в частности, исследование проводилось на территории Иркутской области и Республики Бурятия) с позиций полинарративного подхода в психологии.

Нарративный подход в психологии (и его более поздняя модификация поли-нарративный подход) является современным направлением в гуманитарных науках, относящимся к постнеклассической парадигме [1]. Данный подход в принципе слабо представлен в постсоветском пространстве, хотя и является наиболее методологически «свежим». Объектом исследования в этом подходе выступают автобиографические нарративы профессионального становления, а также дискурсивные предписания к его конструированию [1].

Целью данного исследования является анализ сходств и различий между автобиографическими нарративами профессионального становления (историями становления) буддийских лам и бурятских шаманов, как представителей местных верований, и религиозных практиков внутри своих систем, с одной стороны, и представителей помогающих профессий, которые осуществляют работу с населением, с другой стороны. Для реализации цели поставлены четыре задачи.

- 1) проведение полуструктурированного интервью, в которое были включены блоки вопросов о профессиональном становлении, о психологической работе с людьми и об элементах верования;
- 2) сбор автобиографического нарратива и его «герменевтическое прочтение» через смысл истории;
- 3) обработка материалов интервью независимым транскрибатором;
- 4) анализ данных исследовательской группой и представление выводов.

В качестве стартовых гипотез были выбраны две.

Автобиографические нарративы становления будут репрезентировать общие элементы – «зенит» мирской жизни и религиозное «препятствие».

Автобиографические нарративы становления будут качественно различаться у шаманов и буддийских лам по т.н. «дискурсивным маркерам» – языковым описаниям жизненного мира.

Выборка представляла собой 4-х лам и 4-х шаманов, проживающих в разных регионах Иркутской области и Республики Бурятия, двое лам и двое шаманов проживали в городах, остальные – в деревнях и селах. Возраст лам варьируется от 38 до 64 лет, возраст шаманов – от 42 до 65 лет.

Нарративный анализ представляет собой процедуру качественного анализа текста. В ходе анализа принято выделять такие структурные компоненты нарратива, как персонажи, мотивация, препятствие, решение ситуации и последствия (положительные или отрицательные) [2].

Предварительные результаты исследования позволяют предположить, что общей для нарративов религиозного становления является тема «страдания». Структура нарратива всегда начинается с положительного персонажа, который находится в «зените» – «всё было хорошо», «всё, что нужно было в жизни». Иными словами, респондент объявляет, что он достиг социального успеха, реализовался в «мирской жизни». Затем этот персонаж сталкивается с препятствием, религиозному становлению соответствуют жизненные проблемы, которые обязательно должны прочитываться в религиозном ключе, как противопоставление духовного и мирского. «Потеря недвижимого имущества», «жена заболела» и т.д., которые обязательно прочитываются респондентом как «проверка духами», «кармическая задолженность», как часть испытания. Затем респондент преодолевает препятствие через духовный контакт – с «духами предков», в процессе медитации «видит бодхисаттву», и фиксирует для себя предпочитаемую религиозную часть истории, а не ту, где он решает реальные задачи. И после этого герой институционализирует свою историю через конкретное верование, учителя и т.д.

Различия между дискурсами буддизма и шаманизма выражаются в том, что буддизм более институционален и является церковью, в привычном нам понимании. Поэтому культура «главного текста и комментариев» формирует представителей одной школы, которые сходятся во мнениях и практике психотехник [3]. Шаманов же можно разделить на «традиционных» и «новых». «Традиционные» представляют собой деревенских шаманов, которые работают внутри традиционного общества, поэтому в их нарративах преобладают темы «родного края», взаимодействия родовых кланов и другие элементы традиционного жизненного контекста. «Новые» шаманы скорее близки к нью-эйдж, потому что они живут в городах, от традиционного контекста далеки, и стараются сформировать некий институт церкви, с формальными ритуалами, с неким каноном [4]. Ключевое различие состоит в том, что нарративы «традиционных» шаманов обладают большим разнообразием и уникальностью, каждый из «традиционных» шаманов транслирует свой жизненный сценарий и примеры из своего уникального контекста, в то время как «новые» шаманы скорее транслируют достаточно однообразный текст «шаманского дискурса».

Исследование показывает, что «новые» шаманы больше принадлежат парадигме постмодерна, поскольку в их текстах фигурируют т.н. «дискурсивные маркеры» парадигмы постмодерна. Например, целью работы шамана является «достижение гармонии с миром», шаман описывается как условный «супергерой», у которого есть дар, который позволяет ему решать любые задачи, помимо этого у шаманов есть своего рода «уровни», которые расширяют их инструментарий. На контрасте с этими описаниями, описания тех же элементов, но с позиций «традиционных» шаманов радикально отличаются. Например, целью работы шамана здесь является «нахождение человеком своего места в мире», шаман в традиции «просто проводник между людьми и духами и решает очень конкретные задачи».

Литература

1. Бусыгина Н.П. и др. «Дискурсивный поворот» в психологических исследованиях сознания // Консультативная психология и психотерапия, 2010. Т. 18. №. 1. С. 55–82.

2. *McAdams D.P.* Identity, narrative, language, culture, and the problem of variation in life stories // *Evolutionary Studies in Imaginative Culture*, 2019. Т. 3. № 1. С. 77–84.
3. *Дивисенко К.С., Исаева В.Б.* Типология обращения в западный буддизм в контексте концепции социального механизма религиозной конверсии // *Научный результат. Социология и управление*, 2020. Т. 6. № 3. С. 117–135.
4. *Нечунаев В.В.* Неошаманизм в ситуации постмодерна // *Вестник Новосибирского Государственного Университета. Серия: Психология*, 2008. Т. 2. № 1. С. 60–62.

Специфика адаптации неопитов к новым культурным условиям в связи с религиозной конверсией

Харитоновна Т.Н., Павлова О.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

kharitonovameg@yandex.ru, os_pavlova@mail.ru

Реалии сегодняшнего дня таковы, что мировое пространство погрузилось в состояние неопределённости, где затронуты все сферы человеческого бытия. В связи с миграционными процессами меняется национальный состав общества, создаются межнациональные семьи, в которых объединяются люди разных религий, традиций, культур, как в России, так и в других странах. В то же время, мир наполняет обильный информационный поток знаний в различных областях, в том числе религиозных, что увеличивает возможность людей осознанно избирать религиозный путь, отличный от прежнего. Таких людей принято называть неопитами, а сам процесс перехода на другой религиозный путь – религиозной конверсией. Это касается различных религий: христианства, буддизма, ислама.

В связи с избранием нового религиозного пути и вступления в сообщества с иным мировоззрением, возникают социально-психологические проблемы адаптации к новым культурным условиям. Исследованию психологических проблем мусульманских неопитов посвящены работы российских психологов и социологов [1; 5]. В этих работах показано, что религиозная конверсия является характерной для современного российского общества, в котором возникают трудности адаптации неопитов в исламе.

В нашем исследовании мы применили теорию аккультурации Дж. Берри [6] для изучения адаптации российских женщин к новой культурной среде при религиозной конверсии в ислам. Процесс религиозной конверсии в контексте адаптации к новой культурной среде не изучен: мы не встретили научных исследований по этой тематике. Согласно теории Дж. Берри рассматривается 4 стратегии адаптации – ассимиляция, интеграция, сепарация, маргинализация. Наша исследовательская задача направлена на то, чтобы изучить, как связана предпочитаемая стратегия адаптации российских женщин к новой культурной среде с религиозной конверсией в ислам.

Данный контекст исследовательского интереса вызван результатами проведенных нами исследований: так, во время изучения этнопсихологии чеченцев

на Северном Кавказе, в частности в Чеченской Республике [3; 4], мы заметили, что среди анкет попадались те, что были заполнены русскими женами чеченцев. Ответы этих женщин свидетельствовали о процессе их ассимиляции в чеченской культуре: так, русская по рождению жена чеченца, 43 лет, на вопрос о том, кем по национальности она считает себя, ответила: чеченкой.

На первом этапе проеденного нами исследования, в котором мы изучали социально-психологические аспекты одиночества и адаптации новообращённых в исламе, мы увидели определённое сходство социально-психологических проблем неопитов в исламе с процессами адаптации в новой культурной среде. В нашем исследовании приняла участие 31 женщина в возрасте от 20 до 74 лет из городов России: Москва, Красноярск, Рязань, Подольск, Хабаровск.

Результаты проведенного нами исследования показали сложности адаптации женщин в семье и социуме; трудности, возникающие в связи с непониманием со стороны других людей, в большей части родителей; ощущение нехватки общения в мусульманском сообществе в связи с ограничениями, установленными мужьями в межнациональных браках, и разобщённостью в исламе по этническому принципу. Около 40% опрошенных отметили, что им было нелегко взять на себя ответственность за соблюдение тех предписаний ислама, которые связаны с публичной демонстрацией своей религиозной идентичности: трудности вызывали ношение хиджаба, омовение и молитва, в особенности на работе. Несколько респонденток отметили, что им пришлось преодолеть некий внутренний барьер, чтобы выйти на улицу в платке.

Проведенное исследование показало, что 55% браков респонденток – межнациональные; при этом часть респонденток не общаются с родными супругом или общаются крайне редко, несмотря на сообщение об удовлетворённости браком. Некоторые женщины сообщили о том, что первое время после принятия ислама семья являлась источником самых болезненных переживаний, в первую очередь, родителей и непонимания родственников, в том числе родственников мужа.

Результаты опроса по диагностическому опроснику «Одиночество», разработанному С.Г. Корчагиной, показали высокий уровень переживания одиночества у респондентов. Согласно опроснику, 85% неопиток испытывают чувство одиночества. Некоторые респондентки говорили об идеализации до принятия ислама мусульманского сообщества, об иллюзии особой высокой нравственности мусульман, а затем возникновении разочарования и осознании того, что мусульмане такие же люди, со своими проблемами и ошибками. Отвечая на вопрос: «Приходилось ли Вам встречаться с проблемами в общении в мусульманском сообществе», 77% респонденток ответили: «Да».

Таким образом, религиозная конверсия требует формирования нового мировоззрения и адаптации к новым культурным условиям, что является для человека стрессовой ситуацией и нуждается в понимании специалистами в консультативном процессе [2]. Это период своего рода «культурного шока», в связи с возникающими проблемами, который, как и любой социально-адаптационный процесс, требует времени и прохождения его этапов. При этом важно отметить, что для религиозного человека вера, терпение и приобретение знаний как религиозных, так и светских является основой совладания со сложными жизненными ситуациями, что является характерным для наших респондентов.

Литература

1. Корчагина А.В. Психологические мотивы и последствия обращения в ислам // *Minbar. Islamic Studies*, 2018. №11 (2). С. 375–385.
2. Павлова О.С. Психологическое консультирование мусульман: анализ зарубежных источников [Электронный ресурс] // *Современная зарубежная психология*. 2018. Том 7. № 4. С. 46–55. DOI: 10.17759/jmfr.2018070406
3. Павлова О.С. Ценностные ориентации чеченцев и ингушей: источники и детерминанты // *Культурно-историческая психология*. 2012. Том 8. № 2. С. 78–87.
4. Павлова О.С. Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета. М.: Издательская группа «Сам Полиграфист», 2013. 540 с.
5. Суюнова Л.Д. Актуальные проблемы неэтнических мусульман в регионах с мусульманским меньшинством (на примере Санкт-Петербурга и Ленинградской области) // *Minbar. Islamic Studies*, 2021. № 14 (1). С. 226–248.
6. Berry J.W. Contexts of Acculturation // *Immigrant Youth in Cultural Transition Mahwah / In J.W. Berry, L.S. Phinney, D.L. Sam, P. Vedder (Eds.)*. NY.: Lawrence Erlbaum Associates, 2006. P. 27–42.

Психологическое благополучие подростков из мусульманских семей в различных условиях образовательного процесса (на примере школ г. Казань, Республика Татарстан)

Хасанова Ф.Х.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

far-far85@mail.ru

Актуальность нашего исследования связана с высокой потребностью родителей-мусульман определить оптимальные образовательные условия для своих детей и тот тип образовательных учреждений, которые будут отвечать их запросам.

Психологическое благополучие ребенка связано с условиями образовательного процесса. В частности, психологическое благополучие детей, обучающихся на семейном образовании, может отличаться от психологического благополучия детей, которые обучаются в различных образовательных учреждениях. Общеобразовательные учреждения города Казани мы можем условно разделить на 3 основные категории: это школы со стандартной программой образования; школы, где в образовательную программу включены религиозные дисциплины; школы с национальным компонентом.

Детям из мусульманских семей в школе со стандартной программой образования и в школе с национальным компонентом с психологической точки зрения обучаться не совсем комфортно, так как в процессе обучения дети сталкиваются с требованиями со стороны учреждения, которые им сложно выполнить, так как эти требования противоречат требованиям родителей-мусульман. У ребенка возникает серьезный психологический внутрличностный конфликт, который он не в силах решить самостоятельно. В таких

ситуациях требуется коммуникация администрации образовательного учреждения и родителей, которая часто выстраивается достаточно сложно.

Если рассматривать школы, где в образовательную программу включены религиозные дисциплины, то там подросткам обучаться комфортнее, так как требования образовательного учреждения совпадают с требованиями родителей. Но часто семьи сталкиваются с тем, что бытовые условия организации образовательного процесса в подобных образовательных учреждениях отстают от среднего уровня. Таких школ мало и семье приходится переезжать, чтобы дети могли учиться.

Родители, придерживающиеся религии, из-за вышеуказанных причин, переводят детей на семейное образование. В свою очередь может привести к низкой адаптации и социализации подростков. Исследования показывают [1], что мусульманские семьи предпочитают семейное образование, так как у родителей получается самостоятельно организовать учебный процесс для своего ребенка, чтобы передать основы исламской культуры. Параллельно они обучают детей светским дисциплинам для того, чтобы ребенок получил образование средней школы.

Наше исследование направлено на изучение психологического благополучия подростков из мусульманских семей, которые обучаются в образовательных учреждениях различного типа в городе Казань Республики Татарстан.

Мы будем использовать следующие методики исследования:

- Шкала позитивного и негативного аффекта для детей PANAS-C (6–18 лет);
- Шкала психологического благополучия Уорик–Эдинбург (от 11 лет)
- Детский тест психологической устойчивости (10–23 года)
- Краткая шкала социокультурной дезадаптации (от 11 лет)

Исследование будет проводиться среди обучающихся детей средней школы. Результаты исследования помогут выявить оптимальные условия образовательного процесса, которые будут способствовать психологическому благополучию детей из мусульманских семей.

Литература

1. *Гузельбаева Г.Я.* Исламское воспитание и социализация детей в семьях соблюдающих мусульман Татарстана в контексте семейного образования // *Ислам в современном мире*, 2020. № 4. С. 163–182.

Опыт интеграции детей, принадлежащих к национальным меньшинствам (на примере детей племени хамар, Эфиопия)

Хорошенький И.А.¹, Александрова Е.А.²

¹ФГБОУ ВО РГГУ, Москва, Россия;

²ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

iakhoroshenkiy@gmail.com,

aleksandrovaea@mgppu.ru

Проблема интеграции детей, принадлежащих к национальному меньшинству, связана с целым рядом задач разного уровня. Среди них политические, экономические и образовательные. Базисом для их решения можно считать историко-этнографический подход. Глубокое понимание особенностей взаимодействия вовлечённых в процесс интеграции народов, их этногенеза и этнической истории позволит не только увидеть актуальные проблемы, связанные с вхождением малого народа в культуру многонационального государства, но и понять факторы, способствующие сближению, зоны потенциального конфликта или напряжённости отношений и пути выхода из ситуаций различной этиологии.

В представленном небольшом тексте мы рассмотрим один из вариантов интеграции детей, принадлежащих к национальному меньшинству, на примере народа хамар, проживающего на юго-западе Эфиопии (долина реки Омо). Регион, где сегодня расселены хамары, обладает уникальными культурными характеристиками. Для уточнения указанных черт нами были проведены экспедиционные выезды. Последняя экспедиция проводилась летом 2023 года. Были проведены интервью с представителями племени Хамар, проживающих в разных поселениях, разных возрастов и статуса; экспедиция была построена на принципе включённого наблюдения.

В первую очередь мы изучали структуру семьи, которая влияет на особенности внутрисемейной и межкультурной коммуникации и отражается, в том числе в отношении к образованию мальчиков и девочек. В городе Турми, где проживает более тысячи человек и куда люди съезжаются для того, чтобы посетить рынок, находится пансион для девочек Омо's Morningstar Children («Дети утренней звезды Омо»), которым управляет господин Айко Гудири [1]. Деятельность этой некоммерческой неправительственной организации направлена, с одной стороны, на гуманитарную работу с женщинами и девочками в племени хамар, с другой стороны, в более широкой перспективе, на постепенную интеграцию народа в современный мир. В первую очередь работа направлена на решение проблемы традиционных практик, наносящих вред здоровью [2, стр.124], и гендерный дисбаланс. На фоне нехватки питания и сложных бытовых и экономических условий жизнь девочек племени хамар сопряжена с такими традиционными обычаями, как раннее заключение брака (сговор происходит по достижению девочкой возраста 11–12 лет), использование женского труда по добыче воды и дерева для очага, что требует ежедневной и многочасовой вовлечённости. Нельзя игнорировать и экономический фактор: с вступлением в брак связан выкуп невесты, для которого используется скот, в первую очередь козы. Скот – источник богатства, статуса, стабильности, знак гордости и праведности жизни для хамаров. Таким образом, заключение брака и выкуп невесты – это социальные и экономические скрепы. В связи с этим

вопрос об образовании девочек в семьях чаще всего даже не возникает. Перед нами две равнозначные проблемы, требующие грамотного научно и психологически обоснованного подхода. Во-первых, это работа с родителями, направленная на разъяснение важности изменения ситуации. Сложность состоит в том, что для такого разговора необходимо показать, каковы результаты получения образования для девочки, объяснить так, чтобы родители внутренне согласились с необходимостью перемен. Культура хамаров укоренена в традиции, поэтому рассуждения общепедагогического плана про значимость образования не имеют силы суггестии. Люди услышат, если получат чёткий ответ на вопрос о том, что произойдёт в результате получения образования. Следовательно, необходимо, досконально изучив культуру хамаров, уяснить то, каким образом описывается, понимается, ощущается человек, что значит быть хамаром. Важны честь, достоинство, богатство? Что понимается под этими категориями в обществе хамаров? У других этнических групп Эфиопии? Образование даст требуемое? Соответственно у того, кто говорит, должны быть ответы на эти вопросы, базирующиеся на реальном положении вещей в стране. А значит, процесс интеграции хамаров имеет две составляющие: вхождение в глобальную гуманитарную среду, то есть мир, в котором люди знают, говорят и стремятся исправить ситуацию с традициями, наносящими вред здоровью и жизни людей и препятствующих гармоничному развитию. Вторая составляющая процесса интеграции – вхождение в современное эфиопское общество. Для осуществления обеих стадий необходимо образование в первую очередь в области изучения языков, истории, этнографии родного края с обязательным использованием этнопедагогических методов. И, разумеется, необходима правительственная программа расширения среднего и высшего образования [3].

Организация «Дети утренней звезды Омо» занимается решением проблемы как на общегуманитарном, так и на утилитарном, практическом уровне, проводя разъяснительную работу и в каждом своём действии, подходах, выборе учебных дисциплин и исследовательских проектах демонстрируя искренность, заботу и веру. Знания, грамотные методики обучения, практическая деятельность по интеграции хамаров в культуру Эфиопии и мировые культурные процессы, проводимая приютом господина Айко Гудири, основанная на честности и принципах гуманности, являет собой не просто теоретический конструкт, а реально работающую на практике программу. Описанный подход может также служить основой для работы по интеграции и в других схожих по характеристикам культурах.

Литература

1. Сайт приюта Omo's Morningstar Children. [Электронный ресурс]. Дата обращения 17.08.2023. URL: <https://www.omc.org.et/>
2. *Jtan Lyball, Ivo Strecker* The Hamar of Southern Ethiopia II. Baldambe explains// [Arbeiten aus dem Institut für Völkerkunde der Universität zu Göttingen](#) / Klaus Renner Verlag Hohenshaftlarn, 1979. 289 p.
3. Local strategies to maintain cultural integrity// Legal Pluralism in Ethiopia. Actors, Challenges and Solutions [Электронный ресурс] / URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783839450215-010/html> (дата обращения 17.08.2023).

Египетский народный танец как основа для создания психологического тренинга

Чистова К.Б.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
bellydanceonlineschool@gmail.com

В настоящее время проблема сохранения и укрепления физического и психологического здоровья российского населения становится приоритетной. Многие государственные программы ориентированы на развитие разносторонней личности гражданина. Активно популяризируются психолого-педагогические средства социально-культурной деятельности, к которым относятся психологические тренинги. Одной из последних тенденций является все большее распространение тренингов, в основе которых используются методы танцевально-двигательной терапии (ТДТ) [1; 3; 4]. Танцевально-двигательные тренинги часто успешно строятся на образно-сюжетном, народном танце. Пионер танцевально-двигательной терапии Б. Эван отмечает, что «этнический танец усиливает процесс терапии, за счет ресурсов танца и музыки разных культур. Например, создание танцев, вдохновленных интернациональной музыкой, терапевтические и танцевальные ритуалы, базирующиеся на нескольких культурах, применение этнических движений и целиком танцев с целью вызвать специфические эмоциональные переживания» [2, с.64].

В последние годы восточный танец и его разновидности широко используются среди различных слоев населения и как вид искусства, и как средство духовного и физического развития. Это вид танца, бесспорно обладающий неопценимым до конца терапевтическим свойством [5].

Восточный танец, как часть народной культуры, аккумулирует духовно-практический опыт народа и может стать основой для диалога с другими народами, причиной интеграции различных культур, а также средством формирования у людей основ межкультурной сензитивности. Нельзя забывать, что народный танец имеет глубокие корни в культуре и истории Египта, и его элементы могут быть использованы для сохранения и передачи традиции и культурного наследия.

Танцевальные элементы, свойственные каждому танцевальному стилю Египта, и характерные социальные портреты египетского общества (фаллаха, бинт эль балади, маалема, алмея, гавази и другие), имеют различные психологические характеристики и могут быть использованы в психологическом тренинге, который призван способствовать физической и эмоциональной интеграции личности с помощью египетского народного танца и основных методов ТДТ.

В соответствии со сказанным нами был разработан психологический тренинг «Аутентичность восточного танца» на основе египетского народного танца.

Цель тренинга: Способствование физической и эмоциональной интеграции личности с помощью египетского народного танца и основных танцевально-двигательных методов.

Задачи тренинга:

Развитие танцевально-двигательного репертуара, осознанности и чувствительности тела;

Снятие напряжения, а также эмоциональное и физическое расслабление;

Заряд энергии, улучшение настроения и достижение внутренней и внешней гармонии посредством танца;

Развитие социальной восприимчивости, умения ясно видеть другого человека;

Ознакомление с концепцией балади, авалим и гавази в восточном танце;

Обучение толерантному поведению в межэтнических отношениях.

Тренинг представляет собой совокупность танцевальных приемов и техник, реализующих основные цели тренинга. Способствует процессу осознания своих чувств и мыслей и их связи с телом и движениями.

Рассмотрим основные блоки этого тренинга.

Разминка – техника Body Jazz (Джаз Тела) Габриэлы Рот. Помогает лучше почувствовать физическое состояние и включиться в группу. В результате разогрева участники группы обычно чувствуют расслабление и готовность двигаться. Создает атмосферу доверия и принятия в группе, необходимую для возникновения индивидуальной импровизации и выражение себя в этом танце.

Ознакомление участников тренинга с теорией египетского народного танца. С арабского слово балад переводится как страна, а балади все, что ей принадлежит. Термин балади относится и к египетской музыке, и к танцевальному стилю, представляет собой сложную концепцию, и его значение со временем видоизменилось. Детальный рассказ о балади в историческом контексте. Знакомство с характерными социальными портретами египетского общества, которые можно «примерить» на себя; просмотр и анализ видео с танцами в исполнении носителей культуры.

В практической части тренинга ведущим осуществляется демонстрация базовых движений народного египетского танца и тренировка импровизации на основе данных движений. При этом используются упражнения и основные методы из танцевально-двигательной терапии.

Основные танцевально-двигательные методы:

- Кинестетическая эмпатия (присоединение, отзеркаливание);
- Ведение танцора с закрытыми глазами (роли инициатора и ведомого в буквальном, физическом смысле);
- Аутентичное движение (выражение разнообразных аспектов личности, как сознательных, так и бессознательных; внимание на процессе взаимопонимания между движущимся и свидетелем);
- Групповой танец (чувство общности, сопричастности, единства в группе);
- Работа в паре (межличностные отношения);
- Импровизация (самовыражение).
- Рефлексия: помогает привести процесс движения к завершению с помощью вербальной обратной связи. Эта стадия способствует интеграции физического, эмоционального и когнитивного компонентов структуры Я. Предполагает обмен мнениями, чувствами после упражнений.
- Ритуал прощания: способствует завершению тренинга и укреплению чувства единства в группе.

В ходе проведения данного тренинга участниками осваиваются характерные движения народного египетского танца и отдельные техники танцевально-двигательной терапии, в результате чего реализуются цели и задачи этого тренинга. Данный тренинг является инструментом физической и эмоциональной интеграции личности.

Литература

1. *Веремеенко Н.И.* Социально-психологические особенности применения танцевально-двигательных методов в групповой форме работы: дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.05. Ярославль, 2003.- 193 с.
2. *Козлов В.В., Гирион А.Е., Веремеенко Н.И.* Интегративная танцевально-двигательная терапия. СПб.: Речь, 2010.
3. *Шкурко Т.А.* Танцевально-экспрессивные технологии в психологической практике: танцевальная психотерапия и танцевально-экспрессивный тренинг. – 2017. – 224 с.
4. *Guindy H.E., Schmais C.* The Zar: An ancient dance of healing //American Journal of Dance Therapy, 1994. Vol. 16. №. 2. P. 107–120.
5. *Steele A.R.* Eastern Dance Meets Western World: The Therapeutic Effects of Belly Dance in Western Society & The Use of DMT to Support and Develop Those Experiences. 2018.

О некоторых факторах академической адаптации студентов-иностранцев в российских вузах

Шамионов Р.М.

ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»,
Саратов, Россия
shamionov@mail.ru

Проблема академической адаптации студентов-иностранцев относится к числу чрезвычайно актуальных и, несмотря на солидный опыт российских вузов в их обучении, остаются нерешенными вопросы, связанные с рядом ее аспектов. Человек, включенный в образовательную миграцию, испытывает ряд сложностей своей адаптации в новых условиях, даже несмотря на понимание временности своего пребывания в них. Это связано с тем, что образовательная миграция таит в себе многоплановые риски. Это и новое образовательное пространство, отличное от школьного, включая новые требования к образовательной деятельности, и новое социокультурное пространство, как правило, в значительной степени отличное от постоянного места жительства, и новое бытовое, территориальное и хозяйственное пространство, наконец, новое эколого-климатическое пространство. Каждое из этих новшеств способно в значительной степени повлиять на переживания индивида и отражаться на академической адаптации и академических возможностях субъекта. В ряде вузов для студентов-иностранцев вводятся поддерживающие курсы, нацеленные на смягчение всех названных трудностей. Вместе с тем, они не всегда оказываются эффективными, прежде всего в связи с тем, что организуются с позиции принимающей стороны. Поэтому необходимы исследования, высвечивающие субъек-

ективные трудности студентов-иностранцев в условиях вузов, расположенных на определенной территории России.

Исследования академической адаптации студентов, проводимые по всему миру, в большей степени ориентированы на изучение особенностей адаптации к языку и культуре в целом. Так, анализируется процесс адаптации и аккультурации студентов-мигрантов, которые могут не совпадать по своим результатам [8; 10; 12], сходство и различия адаптационных процессов студентов, прибывших из различных стран [9] и другие вопросы. Вместе с тем, в последние годы академическая адаптация студентов увязывается с комплексными программами академической мобильности [5], дифференцированным подходом в связи с копинг-стратегиями [9], личностным отношением к профессии и учебной деятельности [11], жизнестойкостью студентов [7].

Известны также исследования, направленные на разработку и апробацию программ адаптации. В этом направлении предлагается шире использовать пространство возможностей студенческого самоуправления [1]. Авторы исследования академической адаптации студентов из Китая и Азербайджана пришли к выводу о том, что ускорение процесса социокультурной адаптации студентов-иностранцев возможно не только посредством языковой подготовки, но и предварительной социокультурной подготовки в стране выезда, включающей изучение российской культуры, истории, традиций и особенностей коммуникации [4]. Такие результаты согласуются с исследованиями успешной адаптации мигрантов, в соответствии с которыми предварительная (в стране исхода) культурная социализация является основой успешной интеграции в стране миграции.

Цель данного исследования – изучение структуры и факторов академической адаптации иностранных и российских студентов.

Методы. В исследовании приняли участие 120 студентов (60 – российских и 60 – иностранцев (представителей среднеазиатских государств). Средний возраст – 18,7 лет (27% лиц мужского пола). Используются: методика исследования структуры академической адаптации (Шамионов Р.М., Григорьева М.В., Гринина Е.С., Созонник А.В., 2022), методика исследования социальной активности (Шамионов, Григорьева, Арндачук, Бочарова и др., 2018), шкала Базовых психологических потребностей (в адаптации Шамионова Р.М.), Шкала субъективного счастья С. Любомирски и Х. Леппер в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина (вариант шкалы из четырех утверждений), Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осина.

Результаты исследования.

В результате сравнительного анализа показателей академической адаптации удалось установить, что студенты-иностранцы в целом не испытывают более весомых проблем академической адаптации, нежели студенты-россияне. Однако удалось установить, что личностный, эмоциональный и мотивационный компоненты академической адаптации студентов-иностранцев выражены достоверно заметнее, а психофизиологический компонент, – заметно ниже, нежели у студентов-россиян. Это свидетельствует, что, несмотря на более высокую мотивацию, личностную готовность к обучению и даже отсутствие сильных эмоциональных переживаний в связи с новой обстановкой и иными (языковыми, бытовыми и пр.) проблемами, иностранцы обнаруживают ряд негативных переживаний в области психофизио-

логического состояния. Это может также свидетельствовать в пользу того, что происходит определенное расхождение между социальными и психофизиологическими индикаторами академической адаптации. Возможно, у студентов-иностранцев имеется стремление давать более высокие оценки социальным индикаторам. Вместе с тем, расхождений в общих показателях академической адаптации нами не обнаружено [$M_p=31,4$; $M_i=32,0$; $t=1,09$ при $p>0,10$]. Эти данные согласуются с результатами исследований, в которых сделан вывод о большем весе в академической адаптации студентов личностного, когнитивного и эмоционально-оценочного компонентов [6].

В результате регрессионного анализа нами установлены различные предикторы академической адаптации студентов. Так, порядка 42% общей дисперсии академической адаптации студентов-иностранцев объясняется удовлетворенностью потребности в связанности с другими. Соответственно, 40% общей дисперсии академической адаптации студентов-россиян объясняется удовлетворенностью потребности в компетентности, в связанности с другими, а также переживанием счастья и удовлетворенности жизнью. Очевидно, связанность позитивных переживаний в отношении удовлетворенности потребности в связанности с другими – общее свойство адаптации студентов. Неслучайно в ряде исследований мигрантов обнаруживались корреляции между социально-психологической адаптацией и связанностью с родственниками и близкими [2; 3].

Наконец, установлен эффект социальной активности студентов на вариации академической адаптации. Из полученных результатов видно, что 14% вариаций академической адаптации студентов-россиян положительно обусловлены их участием в образовательной и досуговой активности и отрицательно – в субкультурной и радикально-протестной активности. Соответственно, 24% вариаций академической адаптации студентов-иностранцев связаны с участием в образовательной (положительно) и религиозной (отрицательно) активности. Иначе говоря, образовательная активность студентов является наиболее мощным фактором академической адаптации вне зависимости от оседлости студента. Вместе с тем результаты свидетельствуют о том, что адаптацию студентов-россиян подрывает их иррегулярная деятельность – радикально-протестная и субкультурная, которые, очевидно, идут вразрез с теми формами активности, которые поддерживаются высшими учебными заведениями. В то же время, адаптации студентов-иностранцев препятствует религиозная активность, что, очевидно вступает в противоречие с системой светского образования и светского образовательного пространства в России.

Связей академической адаптации и приверженности к этнической и религиозной культуре нами не обнаружено.

Выводы.

В результате проведенных исследований можно сделать некоторые выводы относительно академической адаптации студентов-иностранцев и россиян. Несмотря на сходство средних интегральных показателей адаптации, в ее структуре обнаружены значительные различия четырех компонентов: более высокие показатели личностного, эмоционального и мотивационного и более низкие – психофизиологического, что свидетельствует о настроенности студентов-иностранцев на учебную активность, высокую мотивацию и волевые

усилия и относительно низкие психофизиологические показатели, характеризующие реакцию организма на испытываемые трудности.

В значительной степени академическая адаптация студентов-иностранцев обусловлена удовлетворенностью базовой потребности в связанности с другими, характеризующей возможности их поддержки со стороны близких, связанность с ними. Адаптация студентов-россиян связана с удовлетворенностью потребности в связанности с другими, компетентности, переживанием счастья и удовлетворенности жизнью.

Вовлеченность в образовательную активность студентов вне зависимости от оседлости является важнейшим фактором академической адаптации. Снижающими ее факторами являются иррегулярная активность студентов-россиян и религиозная активность студентов-иностранцев.

Литература

1. *Бортникова Л.В., Наговицын Р.С.* Роль студента-тьютора в адаптации иностранных студентов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2023. № 7 (221). С. 49–51.
2. *Гриценко В.В.* Русские среди русских: проблемы адаптации вынужденных мигрантов из стран Средней Азии и Казахстана в России // Этническая психология и общество. М., 1997. С.306–315.
3. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М., 2002.
4. *Константинов В.В.* Социально-психологическая адаптация вынужденных мигрантов в условиях диффузного или компактного проживания // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 2. С. 16–21.
5. *Леденёва В.Ю., Абдуллаев Р.С., Гусейнова Л.Д.* Факторы социокультурной адаптации иностранных студентов из Азербайджана и Китая в российских вузах // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. №10. С. 118–134. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-10-118-134.
6. *Леонов Н.И., Хасан Х.Х.Ф.* Соотношение адаптации и совладающего поведения иностранных студентов в России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2020. Т. 9, вып. 1 (33). С. 44–47. DOI: 10.18500/2304-9790-2020-9-1-44-47.
7. *Шамионов Р.М., Григорьева М.В., Гринина Е.С., Созонник А.В.* Академическая адаптация студентов: разработка и валидизация новой методики // Психологическая наука и образование. 2022. Том 27. № 2. С. 53–68. DOI: 10.17759/pse.2022270205.
8. *Яро А., Горелова Г.Г., Мануйлов Г.В.* Жизнестойкость как один из ресурсов адаптации иностранных студентов // Психология. Психофизиология. 2023. Т. 16. № 1. С. 18–28.
9. *Brisset C., Safdar S., Lewis J.R., Sabatier C.* Psychological and sociocultural adaptation of university students in France: The case of Vietnamese international students // International journal of intercultural relations. 2010. 34(4). С. 413–426.
10. *Fedotova V.A.* International Students' Adaptation in Russia: its Varying Due to the Student's Culture of Origin // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 4. С. 995–1004. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-4-995-1004>.

11. *Savinova E.S., Masterskikh S.V.* Socio-cultural adaptation of foreign students in Russian universities // *Наукосфера*. 2023. № 1–1. С. 171–174.
12. *Van Rooij E.C.M., Jansen E.P.W.A., Van de Grift W.J.C.M.* First-year university students' academic success: the importance of academic adjustment // *European Journal of Psychology of Education*. 2018. № 33. P. 749–767. DOI: 10.1007/s10212-017-0347-8.
13. *Yu B., Downing K.* Determinants of international student's adaptation: examining effects of integrative motivation, instrumental motivation and second language proficiency // *Educational studies*. 2012. 38 (4). P. 457–471.

Связь особенностей волевой регуляции и образа жизни у тувинцев

Шляпников В.Н.

НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»,
Москва, Россия
Shlyapnikov.vladimir@gmail.com

Современное тувинское общество претерпевает значительные изменения, которые затрагивают систему родственных отношений, структуру занятости населения, ценностные ориентации и т.д. [1]. Хотя исследователи гуманитарных специальностей разнятся в своих оценках происходящих процессов, с точки зрения психологии трансформация общественных отношений всегда ведет к изменению психических процессов и функций, что подтверждается результатами эмпирических исследований.

В частности, это имеет отношение к волевой регуляции. У тувинцев, проживающих в сельских районах республики, преобладает ориентация на действие (по Ю. Кулю), а также наблюдаются высокие показатели волевого самоконтроля. По сравнению с ними, у тувинцев, проживающих в столице республики – Кызыле, преобладает ориентация на состояние, и более низкие показатели волевого самоконтроля [2].

Безусловно, встает вопрос, чем именно обусловлены эти различия?

Можно предположить, что они связаны с трансформацией образа жизни как устойчивой формы деятельности и социального взаимодействия, типичного для данной этнической группы.

Чтобы проверить это предположение было проведено исследование особенностей волевой регуляции у тувинцев, проживающих в сельских районах Тувы (Эрзин – 185 чел. и Мугур-Аксы – 265 чел.), в Кызыле (172 чел.) и в Москве (105 чел.). Исследование проводилось в 2021–2022 гг. Всего в исследовании приняло участие 773 человека в возрасте от 18 до 79 лет, средний возраст $36,48 \pm 14,2$ года. Выборки были сбалансированы по возрасту и полу.

Для оценки состояния волевой регуляции использовались «Шкала контроля за действием» (Ю. Куль), «Вопросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении» (Г.С. Никифоров и соавт.), «Формализованная методика самооценки волевых качеств» (В.А. Иванников, Е.В. Эйдман). Для оценки образа жизни респондентов использовалась авторская анкета.

Для обработки результатов анкетирования был проведен факторный анализ (метод главных компонент с последующим Варимакс-вращением). В результате было получено три фактора, объясняющие 54% дисперсии.

Первый фактор был интерпретирован как **«формы социального взаимодействия»** (семья, воспитание, образ жизни в целом), он объяснял 34,45% дисперсии.

Второй фактор был интерпретирован как **«традиции в повседневной жизнедеятельности и быту»** (национальный язык, кухня, религия), он объяснял 10,45% дисперсии.

Третий фактор был интерпретирован как **«интерес к традиционной культуре»**, он объяснял 9,65% дисперсии.

Результаты корреляционного анализа факторных оценок, рассчитанных с помощью метода линейной регрессии, и показателей, полученных по другим методикам, показал наличие значимых связей с между показателями воли и вторым фактором – **«традициями»**.

В целом прослеживается следующая закономерность: чем ближе образ жизни к традиционному, тем выше показатели волевой регуляции («Шкала контроля за действием» (-0,170), эмоциональный (-0,194), поведенческий (-0,245), социальный самоконтроль (-0,270), общий балл самооценки волевых качеств личности (-0,150)).

В соответствии со смысловой концепцией волевой регуляции В.А. Иванникова, мы предположили, что связь между традициями и волевой регуляцией опосредствована смысловыми образованиями личности. Традиция связывает обычные, повседневные действия с коллективной системой ценностей, наполняя их дополнительными сакральными смыслами и побудительностью.

Анализ частных корреляций при контроле смысловой переменной (тест СЖО) подтверждает это предположение, значения коэффициентов корреляции уменьшаются: «Шкала контроля за действием» (-0,092), эмоциональный (-0,132), поведенческий (-0,154), социальный самоконтроль (-0,198), общий балл самооценки волевых качеств личности (-0,120).

Анализ ответов респондентов на вопросы об образе жизни показал, что национальные традиции занимают значительное место в их жизни. Хотя около 70% тувинцев как в городе, так и в селе отмечают, что образ жизни меняется и приобретает современные черты, значительная их часть придерживается традиций и обычаев своего народа (51% – в Эрзине, 42% – в Мугур-Аксы, 34% – в Кызыле, 27% – в Москве), говорят на тувинском языке (85% – в Туве и 65% – в Москве), исповедуют традиционную религию (85% – в Эрзине, 70% – в Мугур-Аксы, 67% – в Кызыле, 45% – в Москве), готовят блюда традиционной кухни (50% – в Эрзине, 44% – в Мугур-Аксы, 38% – в Кызыле, 30% – в Москве). Для сравнения среди русских, проживающих в Москве, только 5% респондентов отметили, что придерживаются традиций и обычаев своего народа.

Таким образом, можно предположить, что именно трансформация традиций оказывает наибольшее влияние на волевою регуляцию.

У тувинцев, проживающих в сельских районах, традиции занимают важное место в социальной регуляции жизнедеятельности, они наполняют обычные повседневные действия дополнительным смыслом. Такая форма регуляции большей частью носит автоматизированный и произвольный характер и не требует частого обращения к сознательному волевому контролю за действиями, что обуславливает большую готовность к действию в целом.

В процессе урбанизации роль традиций в регуляции жизнедеятельности общества уменьшается. В результате горожанам приходится чаще обращаться к сознательному волевому контролю за повседневными действиями. Регуляция утрачивает произвольный и автоматизированный характер, снижается готовность к действию. В этих обстоятельствах сохранение традиций в жизни горожан может стать эффективным средством волевой регуляции.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00597, <https://rscf.ru/project/21-18-00597/>.

Литература

1. *Ламажаа Ч.К.* Тува между прошлым и будущим. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2011.
2. *Шляпников В.Н.* Связь особенностей этнической идентичности и условий жизни и состояния волевой регуляции у тувинцев // *Экспериментальная психология*, 2022. Том 15. № 4. С. 99–111. DOI: 10.17759/exppsy.2022150406.

Социальные представления русских старшеклассников о людях своей национальности⁶

Шорохова В.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

shorohovava@mgppu.ru

На сегодняшний день перед каждым человеком стоит задача социализации в современном изменчивом обществе. Понимание того, кем являюсь как человек и член социальной или этнической группы, какова моя идентичность и роль во взаимодействии с окружающими, может стать вызовом. С другой стороны, ответ на данный вопрос и осознание своей этнической принадлежности, может стать значимым ресурсом, обеспечивающим ощущение устойчивости и социальной поддержки [2]. По словам Г.У. Солдатовой и Т.Г. Стефаненко этническая идентичность является «когнитивно-мотивационным ядром этнического самосознания», она включает в себя как ощущение тождества с этнической группой, так и выделение себя из нее в качестве ее (группы) представителя [7, с. 43; 8]. Кроме того, согласно возрастной периодизации Э. Эриксона основной стадией формирования подобного ощущения принадлежности к группе является подростковый и раннеюношеский возраст.

Для изучения особенностей формирования этнической идентичности мы использовали метод социальных представлений в рамках структурного подхода Ж.-К. Абрика. Данная методология представляется актуальной применительно к понятию этнической идентичности, так как социальные представления являются совокупностью убеждений о каком-либо понятии либо явлении, имеющих достаточно упорядоченную структуру [1; 6]. В

⁶ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01283, <https://rscf.ru/project/23-28-01283/>

рамках структурного подхода выделяют устойчивую совокупность убеждений (ядро), так и существенно более подверженную социальному влиянию – периферическую систему. Обе структуры могут содержать в себе определенные убеждения в виде ассоциаций, каждая из которых имеет определенную частоту встречаемости и ранг.

Наше исследование было направлено на изучение социальных представлений о представителях своей этнической группы у старшеклассников, идентифицирующих себя как русские. В окончательную выборку исследования вошли 184 учащихся десятых классов общеобразовательных школ г. Смоленска (110 девушек и 74 юноши, средний возраст ~16,3 года). Каждому из респондентов предлагалось написать 5 ассоциаций со словосочетанием «Люди моей национальности». Следует отметить, что согласно Л.М. Дробижевой термин «национальность» может определять один из аспектов этнической идентичности и использоваться для ее исследования [3]. Всего было получено 920 ассоциаций, которые были затем проанализированы с помощью прототипического анализа.

В результате исследования в зоне ядра социальных представлений русских старшеклассников о людях их национальности (русских) была выявлено только одно понятие – «Сильные» (50; 2,4), что говорит о высоком уровне согласованности данной зоны. Зона ядра включает в себя ассоциации, которые одновременно: а) наиболее часто встречаются б) имеют наиболее высокий ранг, то есть их упоминают в первую очередь. Таким образом, на сегодняшний день, наиболее устойчивой, часто встречающейся и распространенной среди русских старшеклассников является характеристика «русских» как людей, обладающих высоким уровнем силы. Следует отметить, что в данное понятие не вошли такие ассоциации как «сильные духом» – они выделялись отдельно.

Рассматривая периферическую систему социальных представлений о русских, в ней можно выделить 3 зоны. В первую периферическую систему (высокая частота, но более низкий ранг) вошли такие ассоциации как «Доброжелательные» (80; 2,8) и «Храбрые» (45; 2,8). То есть, в представлениях старшеклассников русские достаточно часто предстают как доброжелательные, дружелюбные и открытые к общению люди. Это соотносится с результатами лонгитюдного исследования Н.А. Коноплевой и Л.А. Терской, где одними из основных характеристик русских являются «Открытость» и «Общительность» [4]. Кроме того, русские часто ассоциируются со смелостью, мужеством и отвагой. Этот аспект так же нашел отражение в научных работах [5].

В зону контрастирующих элементов социальных представлений вошли такие ассоциации как «Русские» (32; 2,2), «Терпеливые» (19; 2,5) и «Патриоты» (18; 2,4). Эти понятия обладают высоким рангом, но низкой частотой повторений, являясь, таким образом значимыми характеристиками для меньшинства. Интересно, что здесь присутствуют непосредственная констатация этнической принадлежности, а также понимание русских как патриотичных и одновременно обладающих высоким уровнем терпения, стойкости и выносливости по отношению к внешним обстоятельствам.

И, наконец, во вторую периферическую систему (низкая частота и низкий ранг) вошли такие ассоциации как «Умные» (31; 3,2), «Чувство общности» (24; 3,3), «Веселые» (24; 3,2), «Близкие» (22; 2,8) и «Традиции» (20; 3,1). То есть, принадлежность к русской этнической группе может вызывать у старше-

классников ощущение чего-то близкого, общего, того, к чему причастен каждый. Кроме того, эта группа предстает как общество интеллектуальных, мыслящих людей, для которых одновременно важным оказывается поддержание традиций и ценностей.

Таким образом, структура и содержание социальных представлений русских старшеклассников о людях своей национальности отличается достаточно высоким уровнем согласованности и общей положительной эмоциональной направленностью. Следует отметить, что в представлениях не отмечено ни одной негативной характеристики русских как этнической группы, а также нет прямо противоречащих друг другу понятий.

Литература

1. *Бовина И.Б.* Стратегии исследования социальных представлений // Социологический журнал. 2011. № 3.
2. *Гриценко В.В., Остапенко Л.В., Субботина И.А.* Значимость гражданской, этнической и региональной идентичности для жителей малых российских городов и ее детерминанты // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 4.
3. *Дробижева Л.М.* Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М., 2006.
4. *Коноплева Н.А., Терская Л.А.* К вопросу о динамике представлений у современной молодежи о русском национальном характере // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. Т. 10. № 1(40).
5. *Оганнисян А.А.* Социальные представления русских и армянских студентов о русских и армянах // Актуальные проблемы современной психологии: материалы всероссийской конференции молодых ученых. Москва, РУДН, 2014.
6. *Сачкова М.Е., Есина Г.К.* Структура социальных представлений о высшем образовании учащихся с разным интрагрупповым статусом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. №4.
7. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
8. *Стефаненко Т.Г.* Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2009. №2.

Особенности идентичности в условиях длящейся коллективной травматизации

Яблонская С.Б.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
alpaca.sv@gmail.com

Актуальность исследования обусловлена социально-политической ситуацией, в которой находится Россия и её жители с 24 февраля 2022 года.

Начало СВО, разделившее жизнь многих жителей России на «до» и «после» – один из основных показателей травматизации, повлекло за собой беспрецедентные санкции, информационные войны в соцсетях, медиа и мессенджерах, раздоры в семьях и дружеском кругу, объявленную 21 сентября 2022 года мобилизацию, а также многочисленную эмиграцию. Точное число уехавших установить сложно, но в публикациях весны 2023 г. членов международного исследовательского проекта Outrush [6], посвящённого данной волне эмиграции, можно найти число 800 тыс. человек. Эмиграция стала одним из основных способов совладания с травмой, но саму травматизацию не упразднила. Уехавшим, как и оставшимся, приходится трансформировать своё представление о себе, в т.ч. представление о себе в связи с другими людьми. Таким образом, предельно актуальным становится вопрос, которому и посвящена данная работа: как меняется идентичность в условиях коллективной травматизации, какие её аспекты становятся наиболее ресурсными для уехавших и оставшихся.

В основу данного исследования была положена концепция социальной идентичности и самокатегоризации Тэшфела-Тёрнера со следующим определением социальной идентичности: «Это та часть Я-концепции индивида, которая возникает из осознания своего членства в социальной группе (или группах) вместе с ценностным и эмоциональным значением, придаваемым этому членству» [2].

Что касается концепта коллективной травматизации, то здесь мы опирались на определение Дж. Александера, согласно которому, коллективная травма – это «вынужденное переживание членами некоторого сообщества каких-либо катастрофических событий, впечатавшихся в их групповое и личное сознание и коренным и необратимым образом изменяющих их будущую идентичность» [1].

Направление т.н. исследований травмы (trauma studies) переживает в данный момент расцвет в англоязычной науке, в социологии прежде всего, тогда как в России ей до сих пор уделяется недостаточно внимания. События 24 февраля 2022 года и связанные с ними социально-политические изменения, в т.ч. массовая эмиграция из России, сделали тему коллективной травмы особенно актуальной.

В работе использовался следующий комплекс методов:

Методика Куна-Макпартленда «Кто я?» [4]. Методика использовалась в облегчённом, по сравнению с классическим, виде: вопросов было не 20, а 12, также не было ограничено время на ответы. Респонденты не должны были маркировать свои ответы как положительные, негативные либо нейтральные. Затем мы просили респондентов ответить на ещё один вопрос: какой из перечисленных ими аспектов их идентичности ощущался ими максимально ресурсным. Для обработки методики использовалась интерпретационная шкала Н.Л. Ивановой, которая была выбрана из-за особого интереса автора к темам гражданственности и деятельности, особенно актуальным в современном социально-политическом контексте и для нашей работы [3].

Международный опросник травмы, адаптированный на русскоязычной выборке М. Падун, Ю. Быховец, Н. Казымовой, Ю. Ченцовой-Даттон, являющийся психометрическим инструментом для определения ПТСР и КПТСР в рамках МКБ-11, в основе которого лежат два связанных между собой фактора – ПТСР и нарушения Я-организации [5].

Ответы респондентов на Международный опросник травмы обрабатывались в программе SPSS. Мы описывали не индивидуумов, а группы, поэтому индивидуальный анализ данных не проводился, сравнивались описательные статистики – общая по выборке и по двум подгруппам: эмигрировавшие и проживающие на момент опроса в России.

Эмпирическую выборку составили 325 человек – жители либо бывшие жители российских городов-миллионников, после 24 февраля 2022 года оставшиеся в России либо переехавшие за рубеж. Опрос проводился на платформе Гугл-формы, ссылка на него распространялась в социальных сетях и на форумах в сети интернет. По результатам можно сделать следующие выводы:

1. При всём сходстве структуры идентичности остающихся в России после 24.2.2022 в сравнении с переехавшими в другие страны в ней наблюдаются некоторые различия: в ответах эмигрировавших наиболее выраженной оказались следующие аспекты идентичности: учебно-профессиональная позиция, гражданство, физические данные (включая место проживания), в ответах оставшихся – семейная принадлежность и полоролевая идентичность.
2. Эмигрировавшие воспринимают ресурсными следующие аспекты своей идентичности: экзистенциальное я, переживаемое состояние (одиночество, влюблённость и пр.) и гражданственность, тогда как остающиеся – свои личные качества, деятельность и религиозную идентичность. При этом как одни, так и другие опираются на учебно-профессиональную позицию, которая, возможно, помогает обрести опору в меняющемся мире, и на семейную принадлежность. То есть можно осторожно говорить о лёгком предпочтении оставшимися активного способа совладания с травмирующей ситуацией в противовес более пассивному – у эмигрировавших. Также особенности структуры идентичности эмигрировавших могут объясняться ситуативными факторами, связанными с переездом и адаптацией в новой среде.
3. Обе группы переживают в данный момент достаточно выраженную степень травматизации, которая по некоторым шкалам достаточна для постановки диагноза ПТСР, нарушение Я-организации или КПТСР, однако если подгруппа остающихся на данный момент в России склоняется к ПТСР, то уехавшие – к нарушениям Я-организации, что может говорить как о склонности людей с определёнными личными качествами к выбору того или иного способа совладания с травмирующей ситуацией, так и о небольших изменениях структуры идентичности в связи с избранным способом совладания.

На основе полученных результатов возможна разработка программы реабилитации и поддержки людей в ситуации делящейся коллективной травматизации – как остающихся у себя дома, так и выбирающих путь эмиграции. В особенности полезным может оказаться знание ресурсных сфер идентичности и ситуативно слабых мест, усиление которых может способствовать обретению устойчивости перед лицом непростых жизненных обстоятельств.

Литература

1. Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М., 2013.

2. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 2007.
3. *Иванова Н.Л., Румянцева Т.В.* Социальная идентичность: теория и практика. М., 2009.
4. *Кун М., Макпартленд Т.* Эмпирические исследования установок личности на себя // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. М., 1984. С. 180–188.
5. *Падун М.А., Быховец Ю.В., Казымова Н.Н., Ченцова-Даттон Ю.Е.* Русскоязычная версия «международного опросника травмы»: адаптация и валидизация на неклинической выборке // Консультативная психология и психотерапия. 2022. Том 30. № 3. С. 42–67.
6. Независимый исследовательский проект, посвященный российской эмиграции [Электронный ресурс] / URL: <https://outrush.io/> (дата обращения 28.08.2023г.)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александрова Елена Андреевна, кандидат культурологии, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Алишев Булат Саямович, доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии, ФГБОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Россия.

Ананьева Кристина Игоревна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии, НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», Москва, Россия.

Арестова Ольга Николаевна, кандидат психологических наук, доцент факультета психологии, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Афанасьева Юлия Александровна, кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова», Владикавказ, Россия.

Балашова Анастасия Андреевна, магистрант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Балыков Вячеслав Витальевич, ассистент, НИУ «Белгородский государственный университет», Белгород, Россия.

Басимов Михаил Михайлович, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник, АНО ВО «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского», Москва, Россия.

Басюл Иван Андреевич, научный сотрудник, НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», Москва, Россия.

Башкин Евгений Брониславович, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», Москва, Россия.

Берберян Ася Суреновна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии, ГОУ ВПО «Российско-Армянский (Славянский) Университет», Ереван, Армения.

Бехтер Анна Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, директор медико-психолого-социального центра, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», Хабаровск, Россия.

Буркова Валентина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр кросскультурной психологии и этнологии челове-

ка, ФГБУН «Институт этнологии и антропологии РАН имени Н.Н. Миклухо-Маклая», Москва, Россия.

Бутовская Марина, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заведующая Центром кросскультурной психологии и этологии человека, ФГБУН «Институт этнологии и антропологии РАН имени Н.Н. Миклухо-Маклая», Москва, Россия.

Бушина Екатерина Валерьевна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр социокультурных исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Бычкова Полина Александровна, ассистент кафедры психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», Москва, Россия.

Гавронова Юлия Дмитриевна, кандидат психологических наук, преподаватель, ОГБОУ ВО «Смоленский государственный институт искусств», Смоленск, Россия.

Гаджимурадова Зоя Магомедовна, доктор психологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет», Махачкала, Россия.

Газзаева Наталья Михайловна, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии, ГАОУ ВПО «Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова», Цхинвал, Республика Южная Осетия.

Галимханов Азат Булатович, кандидат юридических наук, доцент, проректор по учебно-методической работе, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Уфа Россия.

Гриценко Валентина Васильевна, доктор психологических наук, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Гуриева Светлана Дзахотовна, доктор психологических наук, заведующая кафедрой социальной психологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Россия.

Дагбаева Соелма Батомункуевна, доктор психологических наук, заведующая кафедрой, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», Чита Россия.

Данчевская Оксана Евгеньевна, кандидат культурологии, доцент, ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», Москва, Россия.

Даутова Эльвира Шамильевна, магистрант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Мос-

ковский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Двойнин Алексей Михайлович, кандидат психологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Демидов Александр Александрович, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии, НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», Москва, Россия.

Джуад Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, магистрант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Дронова Дарья Алексеевна кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра кросскультурной психологии и этологии человека, ФГБУН «Институт этнологии и антропологии РАН имени Н.Н. Миклухо-Маклая», Москва, Россия.

Емельянов Алексей Валерьевич, доктор биологических наук, проректор по инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», Тамбов, Россия.

Ермаков Алексей Михайлович, доктор биологических наук, профессор, декан факультета «Биоинженерия и ветеринарная медицина», ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», Ростов-на-Дону, Россия.

Ефременкова Мария Николаевна, начальник лаборатории психофизиологического обеспечения, Клиническая больница «РЖД-медицина» г. Смоленск», Смоленск, Россия.

Зинурова Раушания Ишатовна, доктор социологических наук, профессор, директор Института управления инновациями, заведующая кафедрой менеджмента и предпринимательской деятельности ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет», Казань, Россия.

Иванова Татьяна Сергеевна, старший преподаватель кафедра иностранных языков и коммуникативных технологий, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», Москва, Россия.

Калиниченко Ольга Вячеславовна, кандидат психологических наук, доцент Департамента педагогики и психологии развития Школы педагогики, ФГАОУ ВО «Дальневосточный Федеральный университет», Владивосток, Россия.

Капцов Александр Васильевич, доктор психологических наук, профессор кафедры педагогической и прикладной психологии, СФ ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», Самара, Россия.

Каспарова Елена Николаевна, старший преподаватель, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь.

Кауненко Ирина Ивановна, доктор психологии, старший научный сотрудник, Центр Этнологии, Институт культурного наследия, Кишинев, Республика Молдова.

Колесникова Екатерина Ивановна, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Педагогика, межкультурная коммуникация и русский как иностранный», ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», Самара, Россия.

Конашикина Екатерина Андреевна, магистрант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Константинов Всеволод Валентинович, доктор психологических наук, заведующий кафедрой «Общая психология», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Кривуть Марина Леонидовна, заведующий лабораторией «Центр идей и практик в целях устойчивого развития», УО «Барановичский государственный университет», Барановичи, Республика Беларусь.

Кривцова Анна Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Крылов Алан Алексеевич, студент, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет», Тамбов, Россия.

Кузнецова Юлия Сергеевна, стажер-исследователь, Центр социокультурных исследований ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Кулеш Елена Васильевна, кандидат психологических наук, руководитель Ресурсного центра, доцент кафедры психологии, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», Хабаровск, Россия.

Куфтяк Елена Владимировна, доктор психологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», Москва, Россия.

Лебедева Надежда Михайловна, доктор психологических наук, профессор, научный руководитель Центра социокультурных исследований, ФГАОУ

ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Ляпнёва Инна Александровна, магистрант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Мажинский Станислав Витальевич, кандидат исторических наук, доцент ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», Тюмень, Россия.

Мальшев Иван Викторович, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогической психологии и психодиагностики, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Россия.

Маслова Ольга Васильевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и медицинской психологии, ФГАОУ ВО «Первый государственный медицинский университет имени И.М.Сеченова (Сеченовский университет)», Москва, Россия.

Матвеев Алексей Викторович, PhD, независимый исследователь, Москва, Россия.

Мезенцева Анна Александровна, младший научный сотрудник, Центр кросскультурной психологии и этологии человека, ФГБУН «Институт этнологии и антропологии РАН имени Н.Н. Миклухо-Маклая», Москва, Россия.

Мирей Анастасия, магистрант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Музыченко Юлия Николаевна, аспирант ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Россия.

Мураценкова Надежда Викторовна, кандидат психологических наук, доцент департамента психологии, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Муха Виктория Николаевна, кандидат социологических наук, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет», Краснодар, Россия.

Накохова Рида Рашидовна, доктор психологических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, ФГБОУ ВО «Северо-Кавказская государственная академия», Черкесск, Россия.

Нестерова Альбина Александровна, доктор психологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Государственный Университет Просвещения», Мытищи, Россия.

Никитская Мария Геннадьевна, кандидат психологических наук, преподаватель ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Николашина Екатерина Анатольевна, доцент кафедры иностранных языков Института истории, философии и политических наук, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина», Рязань, Россия.

Новгородова Юлия Олеговна, старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Ижевск, Россия;

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы», Москва, Россия.

Осипян Мария Давидовна, студент, ФГАОУ ВО «Первый государственный медицинский университет имени И.М.Сеченова (Сеченовский университет)», Москва, Россия.

Отмани Валентина Юрьевна, магистрант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Павлова Ксения Николаевна, старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной психологии, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», Чита, Россия.

Павлова Ольга Сергеевна, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Пищик Влада Игоревна, доктор психологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», Ростов-на-Дону, Россия.

Посметюха Любовь Александровна, аспирант кафедры Истории, философии и психологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технический университет», Краснодар, Россия.

Почебут Людмила Георгиевна, доктор психологических наук, профессор ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», Санкт-Петербург, Россия.

Путилова Наталья Викторовна, аспирант кафедры «Общая психология», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет», Пенза, Россия.

Романцова Виктория Константиновна, ассистент департамента психологии ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», Москва, Россия.

Ростовцева Виктория Викторовна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Центр кросскультурной психологии и этнологии человека, ФГБУН «Институт этнологии и антропологии РАН имени Н.Н. Миклухо-Маклая», Москва, Россия.

Рымаренко Наталья Викторовна, доктор медицинских наук, профессор кафедры педиатрии с курсом детских инфекционных болезней Медицинской академии имени С.И. Георгиевского, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», Симферополь, Крым.

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», Чита Россия.

Сафонова Юлия Сергеевна, студент 3 курса Института естественных наук, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина», Рязань, Россия.

Семенова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, ФГБУН «Институт этнологии и антропологии РАН имени Н.Н. Миклухо-Маклая», Москва, Россия.

Серебряная Мария Витальевна, аспирант, НИУ "Белгородский государственный университет», Белгород, Россия.

Симаков Николай Юрьевич, кандидат биологических наук, старший преподаватель Факультета международной журналистики, ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации», Москва, Россия.

Сиукаева Елена Гурамовна, кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой педагогики и психологии, ГАОУ ВПО «Юго-Осетинский государственный университет им. А.А. Тибилова», Цхинвал, Республика Южная Осетия.

Смолина Татьяна Леонидовна, кандидат психологических наук, доцент, НОУ ВПО «Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов», Санкт-Петербург, Россия.

Сперанская Галина Леонидовна, кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии и педагогики, ГОУ «Белорусский государственный университет культуры и искусств», Минск, Республика Беларусь.

Сподина Виктория Ивановна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник факультета истории и этнологии «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок», Ханты-Мансийск, Россия.

Стефаниди Елена Олеговна, магистрант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Суханов Алексей Анатольевич, кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», Чита, Россия.

Сухарев Александр Владимирович, доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва, Россия.

Татарко Александр Николаевич, доктор психологических наук, директор Центра социокультурных исследований, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Тихомиров Михаил Юрьевич, старший преподаватель кафедры психологии профессиональной деятельности, ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», Волгоград, Россия.

Ткаченко Наталья Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Трофимова Дарья Владимировна, магистрант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Троянова Алена Валериевна, директор МОУ СОШ пос. МИС, г. Подольск, Московская область, соискатель кафедры общей и консультативной психологии, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Россия.

Троянская Анна Игоревна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», Ижевск, Россия

Тучина Оксана Роальдовна, доктор психологических наук, профессор кафедры истории, философии и психологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технический университет», Краснодар, Россия.

Феденок Юлия Игоревна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Центр кросскультурной психологии и этологии человека, ФГБУН «Институт этнологии и антропологии РАН имени Н.Н. Миклухо-Маклая», Москва, Россия.

Филатова Олеся Анатольевна, преподаватель кафедры психологии ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», Хабаровск, Россия.

Фомина Юлия Игоревна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет», Тула, Россия.

Фридерикс А.В., преподаватель кафедры иностранных языка, Филиал военной академии Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого в городе Серпухов, Россия.

Фролова Светлана Владимировна, доктор психологических наук, заведующая кафедрой общей и консультативной психологии, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского». Саратов, Россия.

Халикова Адолат Бахтиёр кизи, аспирант ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Хантуев Агван Алексеевич, магистр психологии, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия.

Харитоновна Тамара Николаевна, магистрант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Хасанова Фарида Халимовна, магистрант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Хорозова Лариса, доктор психологии, доцент, Комратского государственного университета, Комрат, Республика Молдова.

Хорошенький Илья Александрович, соискатель на получение степени кандидата исторических наук, Центр изучения религий, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», Москва, Россия.

Хотинец Вера Юрьевна, доктор психологических наук, заведующая кафедрой общей психологии, ФГБОУ ВО "Удмуртский государственный университет", Ижевск, Россия.

Чистова Карина Борисовна, магистрант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Шабукаева Муслимат Руслановна, преподаватель кафедры психологии развития и профессиональной деятельности, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», Махачкала, Россия.

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психологических наук, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского». Саратов, Россия.

Шиповалова Анастасия Александровна, студент ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет», Краснодар, Россия.

Шляпников Владимир Николаевич, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой психологии личности и дифференциальной психологии, НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», Москва, Россия.

Шорохова Валерия Альбертовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Эйтон Александр Даниэль, старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный технологический институт», Санкт-Петербург, Россия.

Яблонская Светлана Борисовна, магистрант кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», Москва, Россия.

Этнопсихология: теория и практика

Материалы Международной научно-практической конференции,
посвященной 20-летию кафедры этнопсихологии и психологических проблем
поликультурного образования ФГБОУ ВО МГППУ (16–17 ноября 2023 г.)

Отв. ред.
В.В. Грищенко, О.С. Павлова.

Формат 60*90/16. Гарнитура Times.
Усл.печ.л. 11,7.
Электронное издание